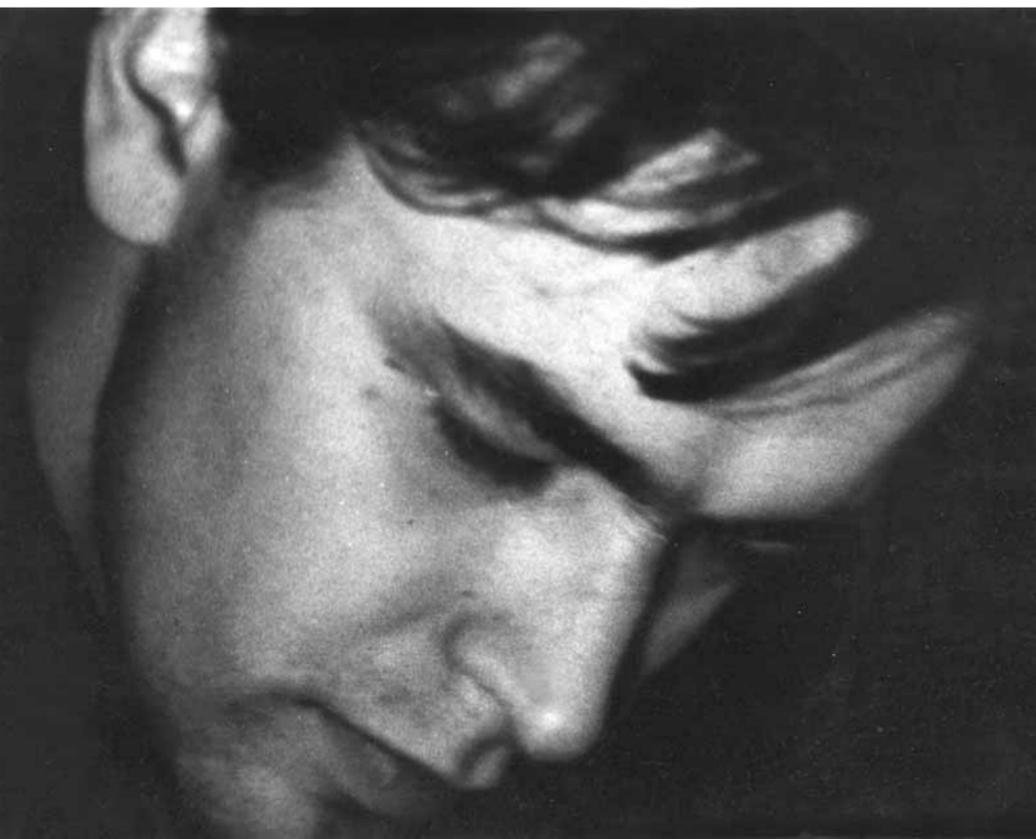

Г Е Л И К О Н П Л Ю С

Александр Матвеевич Шарымов (1936–2003). Фотография 1962 года

Александр Шарымов

Стихи
и комментарии

ГЕЛИКОН ПЛЮС
Санкт-Петербург
2006

ББК 84(2Рос-Рус)6-5
Ш25

Составление

И. П. Каспари, А. П. Самойлов

В книге использованы материалы и фотографии из семейных архивов А. М. Шарымова и его друзей

Издание осуществлено благодаря финансовой поддержке
Дмитрия Павловича Губина, Беллы Алексеевны Курковой,
Регины Антоновны Курьянович, Льва Владимировича Лосева,
Кирилла Викторовича Набутова,
Бориса Васильевича Спасского

Шарымов А. М.

Ш25

Стихи и комментарии. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. — Санкт-Петербург: «Геликон Плюс», 2006. — 320 с., ил.

ISBN 5-93682-321-0

Книга филолога, журналиста и литератора Александра Матвеевича Шарымова (1936–2003) — лирический дневник, охватывающий полвека жизни автора.

Сборник состоит из трех разделов. Первый — стихотворения 1956–2002 годов. Во втором — две «энтомологические» поэмы: «Дояр Пауков» и «Ангел Жуков». В третьем — переводы и переложения 1951–2001 годов, среди которых — перевод поэмы из романа Владимира Набокова «Бледный огонь».

ISBN 5-93682-321-0

9 785936 823213

© Шарымов А. М. Текст, составление, 2001.

© Каспари И. П. Текст, составление, 2005.

© Самойлов А. П. Составление, 2005.

© «Геликон Плюс», оформление, 2006.

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Перед вами одна из книг, по которым будущие историки станут восстанавливать прошедшую эпоху, а читатели нового века узнавать, какими были их недавние предки, чему они радовались, над чем смеялись или горевали.

Здесь все точно — даты, события, имена. Автор — историк по призванию, летописец и лирик в одном лице, возродивший в этом томе почти забытый жанр русской поэзии, жанр лирического дневника, в котором исторические потрясения соседствуют с бытовыми фактами, а великие фигуры с друзьями застолья.

И написано это тем внятнм, «полным разума», по выражению Заболоцкого, русским языком, который ныне тоже уходит в прошлое.

Стихи «по случаю», шуточные послания и серьезные посвящения очерчивают круг лиц, живших в Ленинграде—Петербурге во второй половине двадцатого века, круг питерской интеллигенции, может быть, не знаменитой, но крепкой своими корнями и связями с русской культурой прошлых времен, с литературными и дружескими братствами, начиная с Лицея и заканчивая журналом «Аврора», которому автор отдал многие годы жизни.

И зарубежные поэты, переводам и переложениям которых Александр Шарымов посвятил немало времени, и Владимир Набоков, чьи стихи в переводе автора здесь представлены, легко и естественно входят в этот круг людей и событий. Все спаяно авторской личностью — трезвой и ироничной, точной в любой мелочи и широкой своим историческим кругозором.

Я был знаком и дружен с автором более тридцати лет, ценил эту дружбу и хочу, чтобы читатель оказался своей душой с душою автора «в сношеньи», как сказал Баратынский.

Александр Житинский

ОТ АВТОРА

*Жизнь — комментарий непонятных строк
Неконченной поэмы...*

Владимир Набоков

Как верно заметил в «Предисловии издателя» Александр Житинский, эта книга — не столько поэтический сборник, сколько лирический дневник, охвативший почти полвека жизни автора.

Стихи я начал писать в 1945 году, с девяти лет, в Тамбове, где мы жили тогда с отцом, Матвеем Шарымовым, артистом драмы, по наущению которого я и приступил к своим стихотворным опытам. Это были письма к маме, Валентине Ивановой, которая работала библиотекарем в оренбургском (тогда — чкаловском) Доме офицеров.

Тогда же состоялся и публичный дебют: стишок мой поместили в классную стенгазету. Юный натурфилософ, путая анапест с ямбом, хореем и амфибрахием (и не имея о них, разумеется, никакого представления), размышлял о временах года: *«Наступила холодная осень, / Скоро зима постучится в двери. / Ветер листья сухие разносит. / К холодам готовятся люди и звери...»*

Тогда же я узнал, что такое цензура: строфа, в которой говорилось, что от холода у меня *«нос становится синий»*, была выброшена, ибо синий нос ассоциировался у моих критиков, видимо, с детским алкоголизмом.

Переехав к маме, я стал с третьего класса учить английский у престарелой внучки Огарева, жившей в Оренбурге, что подвигло меня к переводам и переложениям (переводил Байрона, Бернса, Лонгфелло, Уитмена). Кроме того описывал свои летние путешествия к отцу в Таджикистан и в Ташкент, сочинял веселые стишки своей маленькой сестренке Ирише Шарымовой.

В студенчестве (1954–1959), по приезду в Ленинград, начал стихотворствовать всерьез, не забывая и пошучивать (вот как, например, я описывал хозяина дома, у которого жил на практике: «Он — микст¹ типичный: нет ноги. / На нем — сапог (не сапоги). / В одной нуждается руке. / Нет глаза, дырка на щеке. / И как поведет нам народ, / Щекой он ест, щекой и пьет...»).

К 1957 году относится и первая моя — тоже шутейная — публикация — «частушки» в сельхозгазете: «Механизатор! Цель высока. / Бери быка за рога! / Большие мяса и молока / С каждых ста га!», или: «Комбайнер лафетной жатки! / Агрегат блюда в порядке, / Чтоб в просторе полосы / Он работал, как часы!»

Став профессиональным журналистом и литератором, я также продолжал писать стихи и переводить, правда, публиковался нечасто — в журналах «Костер» и «Аврора».

Не перестаю писать и сейчас, завершив свою профессиональную карьеру журналиста.

Последние стихи датированы 2001 годом².

...Итак, коль скоро перед читателем — именно дневник, то самое интересное в нем, вероятно, — это хронология, фиксация впечатлений от жизни, размышлений о ней, пристрастий и антипатий автора, динамики его чувств, переживаний и страданий, привязанностей и влюбленностей, дружб и верностей спутникам его жизни.

Поэтому здесь так много имен, фактов, сопроводительных примечаний и комментариев. Ведь каждого человека сопровождает в жизни немалое число друзей, любимых, да и литературных героев, между прочим. Взгляните на прилагаемый «Индекс имен»: как часто в нем встречаются, скажем, фамилии моих давних друзей Светланы и Алексея Самойловых или Александра Анейчика.

Комментарии к стихам — тройкого рода.

Во-первых, это — рассказ о том, что побуждало и сопутствовало написанию того или иного стихотворения, о сопутствующих обстоятельствах жизни автора.

¹ Микст — человек, подвергшийся одновременно артиллерийскому и воздушному налету, газовой, химической и атомной атаке.

² А. М. Шарьмов скончался в марте 2003 года в результате тяжелой болезни. В это, посмертное, издание добавлено несколько стихотворений, написанных им в 2002 году (прим. ред.).

Во-вторых, это — исторические комментарии: в тех случаях, когда перед читателем — исторические переводы или переложения.

И в-третьих, это — разъяснения переводчика (когда в том есть нужда) о принципах и особенностях как первоисточника произведения, так и самого перевода.

А еще — о датах и месте написания стихотворений, поэм и переводов. Они стоят под каждым сочинением.¹

С местом написания, думаю, все ясно, а даты означают следующее: первая — время начального написания; вторая и третья — время окончательной редакции стихотворения.

Если доработки были незначительны, стихотворение помещается в книге по дате начального написания; в противном случае — по дате окончательной отделки. Опубликованные стихи снабжены и датой публикаций...

И последнее. Я хочу поблагодарить за бесценную помощь в создании этой книги мою жену Ирэн Павловну Каспари, — а также воздать должное дружескому и столь редкому в наше время меценатству главы «Геликона» писателя Александра Николаевича Житинского и трудам его сотрудников, обеспечивших появление на свет моих «Стихов и комментариев».

Александр Шарымов

Май 2001, С.-Петербург

¹ За исключением нескольких, добавленных в это, посмертное, издание по просьбе родных и друзей (*прим. ред.*).

Раздел I

СТИХОТВОРЕНИЯ 1956—2002 годов

КРЕСТ

Откровенничать, души не чаять, но
Как-нибудь однажды поздним вечером
Рассказать, как будто бы нечаянно,
Про баранью жизнь и про овечью.
Так и будет. Так должно у нас и быть.
А потом, замкнувши погребя-умы,
Убегай по бесконечной насыпи,
Опуская за собой шлагбаумы,
Пышмами, Ухтами, Перемышлями
И другими реками и весями,
Жизнь свою таща с собой под мышкою —
Странную, усеянную спесями.
Та страна — далекая. И гость ее
Много лет пробудет в ней. А после них
В двух верстах, хотя бы для спокойствия,
Хороните любящих и сосланных.

Но при этом непременно помните,
Каково — с разорванной аортою
День на день верстать. Еще потом на те,
Бритвою любви твоей распоротые,
Каково — до гроба этот крест нести,
Ждать, чтоб хоть немного это зажило...
В двух вершках — хотя бы ради честности —
Хороните разлученных заживо.

1956, 1999, Ленинград, С.-Петербург

ВЕСНА В МОЕМ САДУ

*Алексею Самойлову*¹

Она пришла, как старый пес,
Почуявший беду,
И улеглась на мокрый плес —
Весна в моем саду.
Но пес ушел с грозой. Гроза
Утихла поутру —
И долго девичьи глаза
Смотрели в конуру.
К реке, в траву ли, в брод ли, в бред,
Омытые волной,
Бежал тропой легкий след,
Тяжелый — стороной,
Как будто в глубь холодных вод
По кочкам и кустам
Тащил изменчивый народ
Распятого Христа².
Как век назад, к утру свирель
Заплакала, смешав
Февраль и сумрачный апрель —
Смутившихся мышат.
Каких детей звала Весна
Расписывать холсты:
Озер и рек голубизна,
Зеленые листы.
Как будто сказку обо мне
В горячечном бреду
Им нашептала в полусне
Весна в моем саду.

1957, Ленинград

¹ Алексей Петрович Самойлов (1936) — филолог, журналист, литератор.

² Иисус Христос — Сын Божий, мессия, искупитель наших грехов.

ИЗ СЕРИИ «ИСТОРИЧЕСКИЕ УБИЙСТВА»

I

Решили выждать до темна:
старик силен и кряжист,
и челюсть знает не одна
руки свинцовой тяжесть;
сначала — в пояс, — чтоб не мог
подумать, что разбойники.
Перекреститься в уголок
блаженному угоднику;
потом о сыне: мол, замерз,
свалившись в стужу в речку.
(Старик не любит лишних слез
и отвернется к печке, —
тогда, Иван, бери топор
и — с богом! — только быстро!)

С рожденья любит русский вор
обдумывать убийства.

II

Тот человек ей был известен:
картав и рыж, немного в теле.
О нем еще не пели песен,
и ей хотелось, чтоб не спели.
Он не нуждался в пышной свите,
хоть был беспрекословно признан
как основной руководитель
и теоретик коммунизма.

Она продвинулась намеренно,
для верности — к нему поближе.
Когда стреляла, то уверенно
шепнула дважды: «Рыжий, рыжий».

Все кончилось одним событием, —
оно и страшное, и милое:
тот, раненый, сказал: «Простить ее»,
а комендант Кремля убил ее.

1958, Ленинград

АВГУСТ

Обманчивы пошли туманы в августе.
Не стоит верить лунам августовским:
Они мечтают об умершем Августе¹
Небеспристрастно и совсем не просто.
За пять шагов обманешься в глазах.
За две минуты станешь сам далеким.
И минет дождь. И в мокрых небесах,
Бранясь, не в сроки тают самолеты.

1958, Астрахань

ПОРТРЕТ ЛЮБИМОЙ

Наташе Птицыной²

Как клад, обещанный на бедность,
До гроба манит, чуть свяжись с ним,
Людей прельщает неизведанность
И пестрота бродячей жизни.
И оттого от слав и ставок их
И от любимых жен, наверно,
Везут составы за составами
Под перестук вагонов мерный.
Но мне милей дорог нехоженных,
Милей любой новинки ходкой

¹ Октавиан Август (65 г. до РХ–14 г. по РХ) — римский император.

² Наталья Григорьевна Птицына — астрофизик и геофизик. Жительница Памира и Питера.

Твои глаза, на смерть похожие,
Твоя осанка и походка,
И челки перевязь косая,
Волос нечесанные струи,
И губы: в гневе их кусают,
А от отчаянья целуют,
Целуют, как целуют памятник
Над телом чьим-то, милым донельзя,
И бахрому на платье памяти,
Разорванном от верха донизу,
Ключицы — ключ к морозке с просекой,
Влекущий к влажному провалу,
Кончающейся страшным просверком —
Манящим, розовым и алым.

1959, Петропавловск-Камчатский

АПРЕЛЬ

Апрель, заря весенняя —
И слаще боль о ней,
И церковь Вознесения
Запахла смоляней;
Нелепей не придумаешь —
Стоит, тиха, проста
С колоколов и шума их
До черного креста;
Над ней все так же движутся
Сырые облака;
На крыше скомкан ижицей
Слой талого ледка,
И ветер пахнет ласковой,
И взвинченных собак
Хоть за уши оттаскивай
От каждого столба.

Апрель, заря весенняя,
И звонче боль о нем.

А церковь Вознесения
Старее с каждым днем.
Весной тесней просторы ей —
И прямо на глазах
Становятся историей
Святыя образа.
Стоит — и нет спасения.
Стоит сто лет — и зря?
Апрель, заря весенняя,
Весны моей заря.

*1960, у кондопожской Успенской церкви
(см. также стихотворение в конце этого раздела)*

НА СМЕРТЬ ПАСТЕРНАКА¹

*...«Ты не уедешь?» — и глаза огромные.
А осень близится к концу. А дождь неистовый
По полю пробежит аэродромному,
Сквозь зубы тот же все мотив насвистывая...*

*Александр Шарымов.
«На отъезд (предполагаемый)
Пастернака». 1958*

Не осень, а лето. И в самом разгаре
(Всегда для красот сочиним и приврем).
И зелень в разгуле. И солнце в ударе.
И зори, как воск, отдают янтарем.
Но зори бывают и с привкусом крови,
Когда они — верный и траурный знак
Того, что на даче своей в Подмоскovie
Действительно умер старик Пастернак.

1960, Петрозаводск

¹ Борис Леонидович Пастернак (1890–1960) — русский поэт.

НА РОЖДЕНИЕ НИКИТЫ ВИНОГРАДОВА ¹

Я вне себя. Сожженной охрой стал
 Восход, в огонь багря заката строфы.
 Являлся, бес! Рождение Христа
 В охоту гонит грозы катастрофы.
 А тьма людей рассчитана до зги —
 Завет краду из молчаливой книги:
 От молодой трещит она тоски,
 Зовя к труду изменчивую Нике.²
 Ученье раз едва ли не посметь
 Назвать отребьем, гнусью и причудой.
 Уже не раз, а два³ нелепа смерть,
 Но знать о третьем и не трусить — чудо.
 Неважно! Зачат, пусть и в схимах, скиф.
 Жирам вскипать, в мозгу вариться травам...
 Но вот что значит пушкинский мотив:
 «Ширванский полк могу сравнить с октавой».

1960, Ленинград

РЕВНОСТЬ

*Дине Шурыгиной*⁴

Я в пыльном саду с побеленной листвой
 Хожу до рассвета — и слышу:
 Под вечер ветра с упоенной лихвой
 Пожухлые травы колышут,
 Как будто хотят их в мой сад принести
 И в волосы крепко стеблями вплести
 Их женщину грустной и нежной,

¹ Никита Леонидович Виноградов (1960) — агроном, сын Леонида Аркадьевича Виноградова (1936–2004) и Натальи Константиновны Лебзак.

² Нике — богиня победы.

³ «Два раза» — это Хиросима и Нагасаки.

⁴ Дина Яковлевна Шурыгина — режиссер Петрозаводской телестудии.

.....
Которая ходит по саду за мной,
Которая пахнет зеленой весной
И любит светло и прилежно —
Крупинка к зерну, завиток к волоску.
Она мне не в радость, она мне в тоску...
Любовь мимо нас на рысях пронеслась
Прелестной заморской царевной.
Прошла. Впопыхах порастратила власть —
И здесь воцаряется ревность,
Стихов о которой уже не поют,
Вина за которую больше не пьют,
А просто живут и стареют.
И радость не в радость, работа не в труд,
И смерть, как ловушка, встает поутру,
И жалобно просишь: скорее!
Да будет для тех несчастливым житье,
Кто раз испытал уже силу ее.

1961, Петрозаводск

НА ВЫНОС ИЗ МАВЗОЛЕЯ

И был он унесен из Мавзолея.
Его зарыли в землю, не жалея, —
И на его отторженной могиле
Спокойно написали: «Джугашвили»,
А рядом с этим в скобках написали,
Что он известен был по кличке «Сталин»¹.
И там лежит он, мертвый и усатый,
По самые по брови волосатый,
И не дымит его большая трубка,
А над плитой летит стальная крупка —
И та пурга ворчит с утра сердито,
О том, что скоро мальчик любопытный,
Желая все повыведать упрямо,
Наверно спросит папу или маму

¹ Джугашвили (Сталин) Иосиф Виссарионович (1879–1953) — тиран.

С непрошеною детской прямою:
 «Кто тут зарыт, под этою плитою?
 За что его снесли из Мавзолея?
 Зачем зарыли в землю, не жалея?» —
 И что ответит папа, неизвестно
 И никому теперь не интересно.

1961, Ленинград

О ЖИЗНИ

Жизнь коротка,
 Как детская рука.

1961, Ленинград

МЕТАТЕЛИ НОЖЕЙ

И вот мы отведали водки
 В далеком карельском селе,
 И дерево в мокрых разводах
 От пролитых щей на столе,
 И пива бутылки — рядами,
 И каждый отчаянно пьян,
 И вот поднялся перед нами
 Наш друг, армянин Тиросян¹.
 Его закавказские очи
 Немного от хмеля косы,
 Стакан он усами щекочет
 И мочит он в пиве усы;
 Черняв, волосат, импозантен,
 Хвастлив, хамоват и речист,
 В душе — безнадежный романтик,
 Пройдоха и авантюрист...
 И года не минет, как канет

¹ Георгий Тиросян — оператор Петрозаводской телестудии.

Он в нети, с собой прихватив
Две пары чужих фотокамер
И ценный какой-то штатив.
Двух лет не пройдет — и однажды
Откуда-то с юга придет
На полную стоимость кражи
Почтовый его перевод.
Но это — потом... А сейчас-то
Он, вдребезги пьяный уже,
Себя возглашает прекрасным
Метателем острых ножей
И нож на ладони кидает,
И вешает листик на дверь,
И спину, кряхтя, выгибает,
Как старый проснувшийся зверь,
И словно бы нехотя вроде,
И словно в себя погружен,
Он медленно руку отводит
С блистающим острым ножом,
И сдвинув решительно плечи
И не разогнувши спины,
Рывком приседает — и мечет
Свой нож от стены до стены,
И сызнова, рад и доволен,
Бросает он ножик в руке.
И множатся щелки пробойн
В прибитом на двери листке...
...Сейчас вспоминаю: в тот вечер,
И пьян, и достаточно глуп,
Я вдруг потащился на вечер
В тоскливый бревенчатый клуб,
Какую-то девушку взялся
Домой провожать на ура.
В ста метрах от сборища танцев
Лежали мы с ней до утра.
О, ласки и нежности женщин —
Забудутся разве? Но вот —
Забыты. Ни больше, ни меньше,
Как будто и нет ничего.

Я правды ничем не нарушу,
 Ничем не украшу ее.
 С кинжалом, запущенным в душу,
 Мне это далось забыть
 О честной любви до рассвета.
 Сравненья бесплодны, но все ж
 Мне больше запомнился этот
 Бумагу пронзающий нож
 И наши пустые стаканы,
 И лужица пролитых щей,
 И этот прекрасный и странный
 Искусный метатель ножей.

1963, Ленинград

НОЧЬ

Наталье Герасимовой

Ты спи. А я пободрствую,
 Померяюсь с притворствами,
 С высокою и смелою
 Судьбой своей померяюсь.
 С дремотою не хочется
 Сверяться по часам:
 Ведь день еще не кончился,
 А сон не начался...
 Ты спи. А я помучаюсь,
 Еще поспорю с участью,
 С делами непочатыми
 Еще посводим счеты мы.
 Еще не предназначено,
 Довериться кому б
 И кто из нас — Башмачкин¹, ну,
 А кто из нас — Колумб²...

¹ Акакий Акакиевич Башмачкин — герой гоголевской «Шинели».

² Христофор Колумб (1451–1506) — мореплаватель; открыл Америку.

Ты спи. А я подумаю
Про трудности бездомные,
Про то, как сложно женщине
Стать вечно неизменчивой,
Про то, как часто плохо ей
Бывает на земле,
Коль смысл философии —
В овсяном киселе.

1963, Ленинград

Стихотворение посвящено Наталье Яковлевне Вайнер (в первом замужестве — Герасимовой), которая к концу года стала Натальей Шарымовой.

ГАМЛЕТ

Какая же подлость и низость:
Средь этих злодеев и дур
Я буду на шпагу нанизан,
Как глупый баран на шампур.
На четверть ступени от власти,
На миг, на движенье ресниц...
Кривляйся, козявка, кривляйся,
На шпильку нанизанный принц!
На четверть движенья от мести,
Клинок — на ладонь от ребра...
Пляши на поминках и смейся,
Любимец судьбы Фортинбрас.
Зачем она, зная бесспорно
Итоги бесцельных трудов,
Меня увела из обжорных
Святых королевских рядов?
Зачем, содрогаясь в обиде,
Манит меня призрак-отец,
Опять научая провидеть
Начало всех бед и конец?

*О чем бы меня ни спросили —
Лишь трупы вокруг и разбой.
Наверно, лишь в дикой России
Венец мне назначен судьбой¹.*

Закроюсь краями плаща я,
Чтоб стыть — и не думать, не сметь...
Такого, увы, не прощают.
Доверье обмануто. Смерть.

1963, Ленинград

СНЕГИРЬ

Кате²

Я ни разу, откровенно говоря,
Не видал еще живого снегиря,
Оттого-то и поверить не могу,
Что не мерзнет эта птичка на снегу.
Я из птиц, любимых мною, назову
Воробья, орла, ворону и сову.
Чтобы пятого прибавить к четырем,
Познакомиться хочу со снегирем.

*1963, Ленинград; опубликовано
в журнале «Костер» № 12–1965*

¹ Предпоследняя, выделенная строфа написана была тридцать лет спустя — для публикации в журнале «Аврора». Но тогда эта публикация не состоялась.

² Посвящено дочке Кате Шарымовой, родившейся у нас с Натальей 29 ноября 1963 года.

МНЕ ПРАВИТСЯ АНЕЙЧИК¹

*Дорогому Анейчику —
в качестве новогоднего подарка —
труд полутора лет*

Мне нравится Анейчик,
когда он с бородой.
Он выглядит, конечно,
совсем как молодой,
он весел и приятен,
слова его тверды.
Мне дорог мой приятель,
но не без бороды...
Скажите, отчего же
твержу, как попугай:
— Побрейся-ка, вот — ножик,
прохожих не пугай...
Ведь большего-то бреда
не выдумаешь, нет!
И лишь в ученье Фрейда
мы выйдем на ответ.
«Завидует богатым
на свой манер, но — всяк, —
учил людей когда-то
ученый австрияк. —
Бездомные — богатым,
а великану — гном,
а лысый — волосатым,
мечтая об одном:
чтоб нищий стал богатым,
а великаном — гном,
и лысый — волосатым,
и тощий — толстяком...»
Вот ключ и вот находка
ко всем моим словам:

¹ Александр Николаевич Анейчик — соученик по филологическому факультету, близкий друг и названный брат автора (*прим. ред.*).

татарская бородка
 растет едва-едва,
 и чтобы было легче —
 третируешь друзей...
 Плюнь на меня, Анейчик!
 Расти и волосей!

Июнь 1963–31 декабря 1964

ЕЩЕ ПРОСЬБА

Наталье Шарымовой

Постой, постой, не уходи.
 Ко мне губами припади,
 Смахни с груди моей листок,
 Испей воды моей глоток,
 Глотни воды моей, глотни
 И утомленные ступни
 В исходе долгого пути
 В мою прохладу опусти:
 Я — твой родник, я — твой ручей.
 Я — твой, и больше я — ничей.

1964, Ленинград

КАК АЛХИМИК БРАНД ИСКАЛ ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

Жил некий купец по фамилии Бранд.
 Утративши веру в торговый талант,
 Но жажда добыть золотишка в избытке,
 Читал он ученые древние свитки.
 «Найду философский таинственный камень, —
 Мечтал он, — тогда рассчитаюсь с долгами...»
 Но вместо «камней» неожиданно просто

Открыл наш алхимик светящийся фосфор —
И начал торговлю «холодным огнем»:
«Прием посетителей ночью и днем!..»

...Так жил и скончался великий алхимик —
И было забыто алхимика имя...
Но мало ль на свете бывает чудес? —
Спустя три столетья алхимик воскрес!

Идет он, — а слева, и справа, и прямо
Горит перед ним световая реклама.
— Не мой ли то фосфор на стенке горит?..
А школьник в ответ ему так говорит:
— Ошиблись, товарищ алхимик. Не он.
Тут светится в трубках обычный неон...
Алхимик от горести руки воздел:
— Неужто мой фосфор теперь не у дел?..
— Работы ему и теперь многовато:
Без фосфора не было б суперфосфата,
Его не возили б тогда на поля —
И меньше бы хлеба рожала земля...
Смутился алхимик, сказав:

— Виноват,

Но мне незнаком этот... суперфосфат...

— Считайте, за это я вас извинил.

Но вам неизвестен еще хлорвинил!..

— Простите!..

— Вискоза!..

— Простите!..

— Пластмасса:

Сортов перечислить не хватит и часа!..

— Простите!..

— А ткань из искусственных нитей:

Капрон...

— Извините...

— Перлон!..

— Извините...

— Нейлон! Фторопласт! Эпоксидные смолы!..

— Неужто, — раздался алхимика голос, —

Открыли вы то, что искали веками:
 Нашли философский таинственный камень?..
 Но тут — магазин. И витрина. И в ней —
 Совсем никаких философских камней...

...Алхимия долго и тщетно искала,
 Как золотом сделать простые металлы.
 Но если подумать как следует: что ж,
 Из золота шубу себе не сошьешь.
 А химик из угля, и нефти, и газа
 И шубу, и здание делает разом;
 Из дерева, воздуха, торфа и смол —
 Станок, кинолентку, бумагу и стол...
 Выходит, что химия нынче нужней
 Всех сказочных «золотоносных» камней.

*1964, Ленинград,
 опубликовано в журнале «Костер» № 6–1964*

АПОЛОГИЯ КОНФОРМИЗМА

*За поворотом, в глубине
 Лесного лога
 Готово будущее мне
 Верней залога...*

Борис Пастернак

Да что поворот, когда за два шага —
 Обрыв и волна под обрывом,
 И встретит, коль ступит неверно нога,
 Прибоя игривая грива...
 Так вот что за мысли приходят, когда
 Вконец человека измучат
 Любовь, одиночество, люди, года
 И серп, заплутавшийся в тучах!
 И я испытал тривиальности зуд,
 Когда проливными ночами
 Идешь — и ползут за тобою, ползут

Лазутчики звезд стукачами.
Шуршат по ушам и виски теребят
Охранка, охрана, ограда —
И бьет камнепадом по сердцу тебя
Холодный огонь звездопада:
«Схизмат! Под знамена каленой звезды
Он в мир этот послан и призван!
Взрезай же косою призовой борозды
Его селезенку за схизму
И тычь его в печень, пихай его в пах,
Бей в лоб и пусти ему сопли!..»
...Я морем, как краб, в этот вечер пропах,
Как кровь, и соленным и теплым...
Пусть звезды — другим и из глаз, и в глаза,
Другой — кандидатом в калеки,
А я поклонюсь уж святым образам,
В двадцатом исполненном веке.
И что же я раньше, дурак, не допер,
Как жить подобает на свете?..
Меняю! Мотив, как на свадьбе тапер,
Как курс — капитан на корвете,
Как боцман — команду, как лоцман — ладью,
Как Спасский — фигуру на пешки,
Как старый преступник — судью на судью,
Как фунты на доллары в спешке,
Как в лавке — товар на товар мелочной
(На то ты и есть мелочная) —
Дурацкий мотив на мотив сволочной
Меняю, меняю, меняю!
Недаром тоску мы привыкли легко
Сражать оптимизма зарядом.
Пусть гибнут все те, кто от нас далеко —
Цвели бы живущие рядом...
И вот никаких звездопадов уже.
Торжественно в небе и пусто.
Спокойствие в сердце. Покой на душе.
В стране процветает искусство.
А после — и свинства грядет апогей,
И шепчут старательно губы:

«Что Гамлета смерть, если — гвоздь в сапоге?..»
 И — подлое: «Что мне Гекуба?»
 И — жалкое: «Что мне политики медь?»
 И — худшее: «Люди? Да что там!»
 Шепчи — не нашепчешься. Сказано ведь:
 «Готово... За тем поворотом...»
 ...Так вот что за мысли приходят, когда
 Вконец человека измучат
 Любовь, одиночество, люди, года
 И серп, заплутавшийся в тучах...

Долой парики накладные и грим —
 Еще мы свободой покуда горим!

1967, Крым

ПАРАБОЛА

Вале Плотниковой¹

Губами согрета,
 Слюною пропитана клейкой,
 Летит сигарета
 В траву, за плечо, за скамейку,
 В пожухлые листья,
 С насупленным схожие крабом —
 Движением кисти,
 Изысканнейшей из парабол.
 ...Сквозь хаос и ужас
 Вот так, за созданием Света,
 Метал, поднатужась,
 Господь по Вселенной планеты.
 Они остывали.
 На них зарождалось живое.
 Он думал едва ли,
 В усердии творческом воя,

¹ Валентина Плотникова — тогда актриса БДТ.

.....
Что время промчится —
И вечер осенний настанет,
Когда повторится
Тот взмах его старческой длани —
И женщина эта
С простыми, как небо, глазами
Швырнет сигарету
И тут же зальется слезами.

1968, Ленинград

АКРОСТИХ

*Майе Романовой*¹

.....
Мальчик Гамлет любит дядю,
А фигляр и нижний чин
Йорик тихо череп гладит,
Ярко блестящий в ночи.
Разум с прелестью в придачу
(О, неправда ль, это — вы!)
Множит чаще неудачи,
А не радости, увы!
Наши знания и догмы
О причинах старых драм
Выплыванию подобны
Аргонатов по волнам.

1968, Ленинград

В ЛЕСУ

В лесу темно. Выводит на верхи
Лихую песнь неведомая птица.
Мне надобно садиться за стихи.

¹ Майя Романова — тогда сотрудница Театрального музея.

Мне за стихи не надобно садиться.
 Когда б я мог в них рассказать про то,
 Чем я так сладко мучаюсь отныне:
 Что есть любовь, что этого никто —
 Ни этот лес, ни полночь — не отнимет;
 Что так любить — нести тяжелый крест,
 Что этот путь безрадостен и скучен...
 Какие песни слышатся окрест —
 Какому мастерству не я обучен!
 Мне быть бы этой птицей: громко пой,
 Пускайся влет за мухой на охоту.
 Я полетел бы следом за тобой —
 И был бы счастлив этому полету.
 Мне быть бы псом, чтоб ты меня вела,
 Спаниелем — чтоб мои трепала уши;
 Травой — чтоб ты по мне на речку шла;
 Душой твоей — чтоб не теряла душу;
 Быть воздухом — чтоб ты дышала мной;
 Водой — чтоб ты пила меня на завтрак;
 Весной твоей — чтоб пела ты весной,
 И быть бы «завтра» — чтоб ждала ты «завтра»;
 Травкою лечь бы под ноги твои
 Густою свежескошенной грудой...
 В лесу темно. Остры, как бритва, и
 Нелепы упования на чудо.

1968, Ленинград

ШЕЛЬДИХО́¹

*Алексею Петровичу —
с верой в скорое здорovie*

Если твой друг у тебя под рукой —
 «Радость» зовут это, «мир» и «покой».
 Если твой друг от тебя далеко —

¹ Слово «шельдихо́» — изобретение автора; означает «шельдихо́».

Эту разлуку зовут «шельдихо».
Все, испытавшие это, поймут:
Чувство сродни это мрачному «mood».
Всё рассказать я о нем не берусь:
«Грусть» это — только грустнее, чем «грусть»;
Это — «тоска», но тоскливей «тоски»;
Это — как речку заносят пески;
Шельды стальнее, летучей духóв,
Льдов вековых холодней — «шельдихó»...
...Ну-ка, пальто поскорей нацеплю,
Почтой письмо это быстро пошлю —
Пусть путешествует, словно Кихот:
«Я — шельдихó, — говорит, — шельдихó»...

1968

ЕЩЕ ЛЕТО

I

Литое, как яйцо,
Наташино лицо
В ночи передо мной
Ущербною луной.

Сверкая, как река,
Наташина рука
Мне влита горячо
За шею и плечо.

Крутая, как серьга,
Наташина нога
Берет меня в кольцо,
Как звонкое кольцо.

Златая, как луна,
Наташина спина
Открыта для меня
Уже четыре дня.

II

До свиданья, Наташа... Закончилось дивное лето.
На поляне ромашки, тоскуя, коснулись земли.
Улетающим вдаль, непонятым блестящим предметом
Оставляет нас память, как сумрачный порт — корабли.
Мы уходим из лета в печально тоскливое что-то —
И томительный список теряемых истин растет.
Треск взметаемых крыльев. Подходят к концу перелеты.
Хриплым голосом страха отставшая птица орет.
С дачи съехали гости. Теперь на поляне пустынно,
Лишь стреноженный конь обрывает остатки травы.
Без тебя безотраднa, бессмысленна эта картина.
Сердце с памятью немы и воспоминанья мертвы.

1969, Ленинград

ПИЦУНДСКАЯ СОСНА

Гремело окно. Сотрясалась сосна.
Я вскакивал, обалдевая со сна
Балкон в поднебесье, а там, под тобой,
Летит, лежаки заливая, прибой.
Так вот он, сезон черноморских штормов!
Но как он красив и совсем не суров...
Взгляни: над горами как призрак пройдя,
Вдали исчезает завеса дождя.
Трехцветна морская тревожная зыбь.
Спят тучи в долине, где кроется Бзыбь,
И их переключка мрачна и легка,
И в горы вцепившись, лежат облака.
А в окна — шуршанье пицундской сосны,
Как в осени — прикосновенье весны,
И баров ночных лихорадочный свет,
И старого храма неслышный привет,
Что скрыт от бесстрастных и суетных лиц
Стеною с глазницами темных бойниц.

О Питиус! Очи твоих амбразур
Подобны огню стихотворных цезур,
Подобны огню проповедных речей
Твоих патриархов, лжецов и рвачей,
Учивших, свои клубуки теребя:
«Живите для Бога, а не для себя».
И что им придумаешь нынче в ответ?
Что Бога в тебе, к сожалению, нет?
Так отповедь эта для веры пресна...
Но вот ведь — шумит подо мною сосна,
Диковинной кроной под ветром клонясь, —
И что ей до Бога? И что ей до нас?
И истина эта ясна и проста:
Природа есть чудо и есть красота.
Но страшен ее созидательный дар,
Поскольку слепила она, как гончар,
Опавшие иглы столетней сосны,
Что стали под ливнем прошедшим красны;
Дельфина с лукавым сверканием глаз
И разумом, что недоступен для нас;
Лозы виноградной пленительный груз
И страшную тайну холодных медуз;
Прибоя набег и грохочущий звук
И тучи, летящие хмуро на юг,
И горной речушки стремительный бег,
И все, что зовется у нас «человек».
И, полная жара такого огня,
Она — не для Бога. Она — для меня.

1970, Пицунда

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ

ВСТУПЛЕНИЕ 1995 ГОДА

Это стихотворение (за исключением дописки, сделанной по совету друзей в 1987 году) я сочинил двадцать пять лет назад, в 1970-м,

когда до высылки официально жившего тогда в Рязани Александра Исаевича Солженицына¹ оставалось еще четыре года.

Стихотворение это носит характер записи в литературном дневнике — и пусть таковым остается.

Читатель заметит, что я не верил не только в возможность сломить «бумажной плетью» литературы и публицистики «обух» тоталитарной власти. Не очень-то верю в это и сегодня.

Когда Солженицын оказался на Западе, я не верил и в то, что он когда-либо при жизни сможет вернуться на родину (как и Бродский², который хоть и опроверг в 1987 году мою уверенность, что Россия «вполне проживет и без премий» — нобелевских, — но пополнил ряды наших лауреатов, чьи судьбы в связи с присуждением этой премии были безжалостно вывихнуты).

Приятно сегодня сознать, что в чем-то я ошибался, хотя нынешняя «глухая слава» Александра Исаевича подтверждает, увы, безнадежный скепсис последней строфы этого стихотворения.

Ну, как, Александр Исаич,
 Колюч ли терновник, кусающ?
 Все так же ль желанна правдоха?
 Пусть труд ваш оценят неплохо,
 Но можно ли шведскою кроной
 Сберечь переплетик оконный,
 Который мечтает ночами
 Заваленным быть кирпичами
 (А можно покрепче, покруче:
 Что — окна! По самую крышу
 Пусть меру изведает зданье
 «Народного негодованья»!)?

Ну, как вам живется в Рязани,
 Где окна и крыши — с глазами,
 Где в вашу вплелись бородавку
 Подонки, подонки, подонки,
 Где в форточку ветер ударит —

¹ Александр Исаевич Солженицын (1915) — литератор, лауреат Нобелевской премии 1970 года.

² Иосиф Александрович Бродский (1940–95) — поэт, лауреат Нобелевской премии 1987 года.

Как будто облавой подарит,
Где вскрикнет клаксоном автобус —
Как обыск, как обыск, как обыск?
Я вижу отчетливо это:
В тиши своего кабинета,
В мерцании слабом кивота
Вы ждете все время кого-то.
А сила ушла. А осталась
Усталость, усталость, усталость,
Не сломишь — хоть жвахай до гроба!
Бумажною плеткою обух.
Успех у народа не светит:
Он любит обычные плети
И, выбор свой перемежая,
Он обух вполне уважает.
К кому ж, Александр Исаич,
Ваш крик, столь вельми потрясающ?

К витиям? Так разве ж витии
Давно уже не осветили
Все ваши «просчеты» в газете?
Не светит, Исаич, не светит...
Российских силенок не хватит —
Друзья за границей подхватят:
Какой-нибудь Филя Боноски¹
Притащит доносы-поноски,
Подонски подвоет, подбрешет
(Авось за ушами почешут!).
Так ради кого же, Исаич,
Ваш стон — умирающ и заяч?..

Потомки? Они-то, конечно,
Нас будут добрей и сердечней:
С высот своего процветанья
Вас выпустят полным изданьем,
Потом ваши книги изучат —
И скажут, что вы невезучий,

¹ Филипп Боноски — американский публицист прокоммунистического толка, «критик» Солженицына.

Что тяжкое вынесли бремя,
Что жили в тяжелое время,
Когда под бельем, как вериги,
Носили запретные книги,
Когда заправляли моментом
Холеные в доск референты
И сеяли ужас в потемках
Подонки, подонки, подонки...
Тогда вас, наверно, похвалят
И в общую кучу не свалят,
Помянут «незлыми словами».
Но что нам до этого с вами?
Живем мы сегодня. Не завтра.
Сегодняшний лопаем завтрак.
В сегодняшний поезд влезаем.
И плачем своими слезами,
Друзьям собирая котомки...

Потомки? Да что нам — потомки!
Вот так надоели, обрыдли
Грядущие дали в повидле
С кисельными их берегами —
Покрыть бы их всех матюгами!
Сосут, как вампиры в потемках
Из нас наши души потомки —
И душам нужна как лечение
Высокая страсть обличенья —
Вот в этом и тайна искусства
Великой словесности русской...

А есть еще фактор и частный:
Фамильный стокгольмский участок,
Где, некогда верный короне,
Один инженер похоронен.
А был он весьма знаменитым,
Когда торговал динамитом.
Под старость он принял решение
Направить свои сбереженья
На премии в помощь наукам

И литературным кунштюкам —
На опусы эпоса вроде,
В которых есть скорбь о народе.
И вот уж промчался едва ли
Не век, как его закопали
(Не знаю уж — в урне ль, во гробе ль),
Но миру фамилия Нобель¹,
Презревши текучее время,
Является в облике премий,
Которые (верьте — не верьте)
Есть некий талон на бессмертье.

Но вот что еще безусловно:
Есть в мире заклятие словно,
В согласье с которым, наверно,
Наследье того инженера
С упорством — невольным, но грустным —
Приносит писателям русским
И лавры, добытые с боем,
И рядом — позор и побои.
Примером — судьба Пастернака²,
Что загнан был, словно собака;
А Шолохов³? То же проклятье:
Он был обвинен в плагиате.

ПРИПИСКА 1987 ГОДА

А Бунин Иван⁴? Или Бродский
Иосиф с судьбой идиотской,
Когда из себя, как из жерла,
Страна их родная извергла?

¹ Имеется в виду Альфред Бернхард Нобель (1833–96).

² Борис Леонидович Пастернак — поэт и прозаик, нобелевский лауреат 1958 года; от премии отказался.

³ Михаил Александрович Шолохов (1905–84) — русский прозаик, лауреат Нобелевской премии 1965 года.

⁴ Иван Алексеевич Бунин (1870–1953) — русский прозаик и поэт, нобелевский лауреат 1933 года; премию получил, живя уже за границей.

Теперь поразмыслим, касаясь
 И вас, Александр Исаич:
 Что вас ожидает? Гоненья?
 Доносы? Арест? Избиенья?
 Допросы? Отсидка? Подсадка?
 Да что бы ни ждало, но сладко
 Вам, видно, не будет в Рязани.
 Так что же вам делать? Да сани
 Готовить заранее, летом,
 Чтоб разом покончить на этом
 С Рязанью, со слезкой, с облавой,
 Со шмоном, со жлобскою славой,
 С подонками разного сорта —
 И ехать куда-нибудь к черту:
 К зулусам, к банту, к азиатам,
 К индусам, к индейцам пернатым —
 Лишь не было б рядом России
 С ее микрофоном в сортире!
 ...Она же какое-то время
 Вполне проживет и без премий,
 И, как ни страдай, огрызаясь,
 Без вас, Александр Исаич.

*1970, 1987, 1995 (первая публикация — в журнале «Аврора»
 № 7–1996 под заголовком «Нобелевский динамит»)*

17 МАРТА

Пишет март мартиролог:
 «Не спеши, подожди!
 Юный метеоролог
 Обещает дожди,
 Но отхлынут лавины
 Из заоблачных рек.
 Со второй половины
 Ожидается снег...»
 Снег! Но в пику прогнозам
 Снегопад пронесло

Всем ветрам и морозам
И метелям назло.
Растопляемой льдиной
Март воспрял ото сна.
Со второй половины
Наступает весна.

1972, Ленинград

Это стихотворение (как и следующее — «Письмо Кутузова») посвящено Ирэне Павловне Каспари, тогда — машинистке журнала «Аврора», ныне — компьютерному редактору издательства «Геликон-Плюс». Но в рукописном оригинале посвящения нет: в ту пору отношения автора с будущей женой не афишировались, лишь через три года они перешли в стадию супружества; но семнадцатое число отмечается нами именно с 1972 года.

**ПИСЬМО,
ПИСАННОЕ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛОМ
КНЯЗЕМ СМОЛЕНСКИМ
МИХАИЛОМ ИЛЛАРИОНОВИЧЕМ
ГОЛЕНИЩЕВЫМ-КУТУЗОВЫМ (1745–1813)
ИЗ БУНЦЛАУ В ДЕЙСТВУЮЩЮЮ АРМИЮ
КОРНЕТУ АЛЕКСАНДРОВУ,
В ПЬЕСЕ «ДАВНЫМ-ДАВНО»
ИМЕНУЕМОМУ ТАКЖЕ ШУРОЙ АЗАРОВОЙ**

*О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суверней...*

Федор Тютчев

Шуренок мой! Ты где-то там летишь,
Влекомая вперед гусарской лавой, —
А здесь война закончилась. И тишь
Висит, как паутина, над Бунцлау.
Твой генерал-фельдмаршал занемог.
Лежит в постели. Представляешь, Шурка?

И это значит: подошел мой срок —
 И я не дотяну до Петербурга.
 Я не вернусь в белоколонный дом
 Над медленной насмешливой Невою —
 И оттого так дышится с трудом,
 Как будто бы колпак над головою,
 И оттого опять болит висок,
 Простреленный тогда под Измаилом...
 Твой генерал-фельдмаршал занемог.
 А где же ты, мой врачеватель милый?
 Летишь, летишь, волнуясь и спеша,
 И, крепко перехваченная кистью,
 Трепещет рукоятка палаша,
 Ссекая прочь над головою листья.
 Ты снова, вероятно, впереди,
 Диане¹ легконогой уподобясь,
 И бьется крестик белый на груди
 Наградой за бешеную доблесть,
 А смуглая и тонкая рука
 Сжимает повод и портупею...

Ты сердисься ль на бредни старика,
 Что и при мысли о тебе — тупеет?
 Ты сердисься ль, мой ветренный корнет,
 Летя вперед стремительно гончей?
 Ты сердисься ль?..

О, как на склоне лет
 Мы любим неожиданней и звонче!

Теперь, когда приходит немота,
 Мне видится одна лишь в целом мире
 Минута твоего явленья — та,
 Под Велижем, в походной штаб-квартире:
 «Скажите мне: вы — женщина, корнет?» —
 «Я — воин». — «Но нельзя ли откровенней;
 Вы — женщина?» — «Я — женщина!» Ответ
 Был выпада быстрей и дерзновенней!

¹ Диана — римский аналог Артемиды, богини охоты.

Ты — женщина. Ты — блеск и красота.
Ты — ветерком раскрытая страница.
Ты — песенка, пропетая с листа,
И с ветки ввысь взлетающая птица.
Ты — солнце, растопляющее лед,
И солнышко, что взращивает злаки...

Зачем тебе твой бешеный полет
Куда-то там, на острие атаки?..

Назавтра — смерть... Какая это жуть —
Метаться, словно в каменном скафандре!
«Оставьте сердце армии», — скажу.
Подумаю: «Оставьте Александре».

Но — полно, все! И страха больше нет,
И горечи — ни признака, ни знака...
Лишь маленький, лишь худенький корнет
Летит, летит в последнюю атаку...
И я летел... Луна глядит в окно...
А нынче вот — и ехать недалеко...
Ну, все, Шуренок. Кончено письмо...
— Эй, адъютанты! Принесите свечи...

1972, Ленинград

19 ОКТЯБРЯ 1972. АЛЕКСЕЮ САМОЙЛОВУ

*Прошли года чредою незаметной —
И как они переменили нас!*

Александр Пушкин

I

Ну разве это — праздник? Ну скажи,
Ты разве сам не думал: оттянуть бы!
Но мы свои вершить не в силах судьбы

И, взявшись, дюжим тяжкие гужи:
С утра расписан каждый перезвон.
Душа полна, а ждет отдохновенья
И тщится крикнуть: «Погоди, мгновенье!».
Отнюдь не Фауст, далеко не он,
Не он, а ты, а я, а он, они —
Все вместе... Дай же, Бог, нам тихой ночи,
Когда и женщин хочется не очень
И не долдонишь сам себе: «Усни!».

Как хорошо: «Уснуть — и видеть сны...
Какие сны в том смертном сне приснятся?».
Ну, скажем, как однажды с места сняться
И мчать к чертям под знаменем весны,
Хоть на дворе — осенний листопад,
И звезды ночью светят серебристой,
И шорохи сухих осенних листьев
Жестянкою венковою гремят.

II

Пусть краски засыхающей травы
Твой день венчают радостно и щедро:
Не щедростью испуганного Педры,
А щедростью Анейчика, увы.
Знакомо все. Но будь стократно нов
Ты, Ленинград, ты, выблядок столичный,
Чтобы от счастья вздрогнул и циничный,
Все в этой жизни знавший Бузинов.
И чтоб от этой острой новизны
Пресдержанному даже Шевелеву
Всхотелось силы испытать по новой:
В растрате, скажем, парковой казны.
Пусть этот день застанет нас врасплох,
Чтоб даже эlegantнейший Вильчинский,
Не матерясь в своей манере свинской,
Романсы пел — и в этом был неплох.
Пусть в честь друзей огни везде горят

В день праздника — ведь имя Алексея
Рифмуется удачно и с Лицеём,
И с праздником лицейским октября.

III

Мы разойдемся все в урочный час
Задолго, я уверен, до рассвета:
«Прошли года чредою незаметной,
И как они переменяли нас...»
Но ты представь: полночная пора,
Закончен пир — и час разлуки близок.
И он настал. Дружья хмельные снизу
Тебе кричат прощальное «ура».
Ты — у окна. Вечерний воздух тих.
Ты не грустишь: ты счастлив, ты спокоен.
Ты руку, словно древний римский воин,
Подъемлешь в честь приятелей своих.
И этот жест — как просьба к небесам
О милости к друзьям и о пощаде:
«Прощайте, мои милые, прощайте,
Храни вас Бог (а нет — спасайся сам)...»

1972, Ленинград

«Педро» в этом стихотворении — университетское прозвище Бориса Васильевича Спасского (1937), соученика Алексея Самойлова по 2-й группе отделения журналистики филфака ЛГУ; Спасский — X чемпион мира по шахматам, человек осмотрительный и радушный.

Александр Николаевич Анейчик (1937) — соученик Самойлова по филологическому факультету, человек красноречивый и небогатый.

Виктор Михайлович Бузинов (1934) — соученик Самойлова по отделению журналистики, человек саркастический и забубенный.

Эдуард Алексеевич Шевелев (1935) — соученик Самойлова по 2-й группе отделения журналистики филфака, человек увлекающийся и чиновный, земляк автора этой книги.

Виталий Вячеславович Вильчинский (1936) — соученик Самойлова по филологическому факультету ЛГУ; человек чувствительный и безобразный ругатель.

Алексей — вестимо, сам Самойлов, родившийся 19 октября, в день пушкинской лицейской годовщины.

НАТАЛЬЕ ШАРЫМОВОЙ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ 11 ИЮНЯ

Мы с тобой — моряки двух недружных держав.
Флаг твой — «Зебры», а мой — «Бегемот и Жираф».
Мы пальбы не открыли. Но в море, тайком,
Мы нередко друг другу грозим кулаком.
Но бывают такие у нас времена,
Когда, выпив в таверне бутылку вина,
Мы глядим друг на друга, разжав кулаки,
Как глядят не враги, как глядят — моряки.

1973, Ленинград

ПАМЯТИ БУРДУКОВА ¹

I

Бурдуков, друг, для чего прожил?
Для того ль, чтоб после стать — сажей?
Если был смысл, то он был — что же?
Где предел жить? До какой стражи?
Говорят те, что тебя знали,
Что ты был прост, но — почти гений,
Что стране ты подарил галлий,
Что возвращен был тобой ар-сений.
Для наук — нет! Ты был *мне* нужен.
Как понять мне, для какой цели

¹ Юрий Михайлович Бурдуков (1930–73) — физик, практик и теоретик, сотрудник питерского Физтеха.

Ты, как пес, был смертью у-душен
Под скулеж пса в смятой по-стели?
Я с тобой был не всегда нежен.
Ты ушел прочь. Для чего прожил?
За тобой в глушь мы идем тоже.
Ты ушел в ночь. Ты ушел — пешим.

II

Бурдуков, знай: я давно помер,
Хоть служу, жив и люблю даже,
Хоть порой рад отколоть номер
(Хоть его мог отколоть каждый).
Я познал все. Потому — мертвый,
Хоть моя кровь не летит в небо,
К облакам, из рваной а-орты,
Чтобы пасть вниз — и взойти хлебом.
Подберем кус от больших истин —
И торчит нос из стены гроба.
Мы — чтоб знать все про добро жизни,
Мы — чтоб знать все про ее злобу!..
Бурдуков, брат, мы с тобой — вместе.
Посидим всласть. Пожужим соли.
Мы с тобой — прах. Мы с тобой — песня,
Что поет ветер в ледяном поле.

1973, Ленинград

ИННЕ ЛАНКИНЕН ¹

Ни к чему глаголить длинно:
Ты всегда во всем права.
Ты — сестра мне, друг мой, Инна,

¹ Инна Тойвовна Ланкинен — сестра Светланы Самойловой, живет и работает в Хельсинки.

Ты мне — речка и трава.
Но для братских чувств уздечки
В этом мире не найти:
Словно в травы, словно в речку,
Я хочу в тебя войти.
Братски пуп о пуп похлопать,
Полежать — рука в руке,
А потом уйти, утопать
По траве и по реке,
Сколько дури в человеке!
Ты пойдй ее уйми...
Сохнут травы, сохнут реки,
Чувства сохнут, черт возьми!

1974, Ленинград

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Застыну на пороге,
Как паровоз пыхтя,
А после грянусь в ноги,
Бессмертье обрета.
Напрасные рыдания!
Как птичка свиристель,
Летит мое сознание
На гробовую ель.
Свистит оно и скачет
У ели на ветвях.
Под нею скупо плачет
Неведомый мертвяк:
Какой-то гнусный призрак —
Прыщи, парша и гной...
В безумье, словно в призме,
Мы видим мир иной.

1975, Ленинград

ДЕРЕВЬЯ

Всю ночь в маяте урагана,
Почти доставая земли,
Подобно философам пьяным,
Деревья ветвями гребли,
Стараясь, чтоб ветру не внемля,
Чьим голосом мрак оглашен,
Из воздуха вытрясти Землю —
И в бездну пустить нагишом.

1978, Ленинград

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

*Ты, отче патриарх, вы все, бояре,
Обнажена моя душа пред вами.*

Александр Пушкин. «Борис Годунов»

Я хожу, как страж, на краю моря —
И слова летят, как шары в лузу.
Застывая странной слезой во взоре,
Умирает тихо в песке медуза:
Затихает пульс в черпаке студня,
Утекает жизнь из комка плазмы,
Но спасти противно (хотя и стыдно!):
Не коснуться — горло хватают спазмы...
Но какая ж медуза в балтийской стуже?
Это — рдест, измочаленный в студень, вянет.
Да и луза ли? Нет — Маркизова лужа.
Не мираж — обычный синдром незнания.
Этот мир не то чтоб непознаваем.
Просто тем — дано, а другим — кукиш.
И не мысля, а с пива манжет сдувая,
Пониманья жизни ничем не купишь.
Остается одно: ухромать в нети,
На диван залечь и копить сальце,

И уж коль ничего не понять в свете,
Так в душе своей покопать пальцем...
Я — как Лир, стар. Как Гамлёт — грузен.
Плохо стал слышать, различать строчки.
Я сижу плотно, словно шар в лузе,
В глубине стареющей оболочки.
Я уже потерял эластичность кожи.
Но всего ужасней, увы, не это,
А другое. То, что внутри — все то же,
Тех же юных фобий рубцы и меты:
Дефицит веры в себя и робость;
Романтизм со вспыхивающей в союзе
И мечтаний осклизлая рябь и дробность —
Как стрела, как заноза, как шар в лузе.
Как пилот, выбирающий пункт посадки,
Озираю то, чем намерен жить я, —
И, увы, результаты совсем не сладки,
Ибо я завершаю свое развитие.
Не собрав в кошельке десяти гривен,
Запустив в эфир только два слова,
Я давно и мелочно консервативен,
Как рыбац, не меняющий места лова.
И своим речам с омерзеньем внемля,
Преподносишь себе лишь одну услугу:
Упадаешь, закрывши лицо, на землю,
Чтоб не выше травы озирать округу...
Как прекрасен злак: корешки, гроздья.
Как не хочется — из простоты в сложность!
Человек погряз в суете, кознях:
Что ни шаг — мразь, что ни звук — ложность.
Человек сам по себе — низок,
Но иное дело, когда он — в массе.
Я людей не люблю. Мне народ близок,
Он мне дорог — и в этом мои страсти...
Человек и народ — это два мира:
Это — два жениха на одной свадьбе;
Это — два очка одного сортира;
Это — два сортира одной усадьбы;
Два дворца, но у каждого — свой мастер;

Человек — в тюрьме, а народ — волен;
 Человек — холоп, а народ — властен;
 Человек — здоров, а народ — болен.
 Как мы мало о нем говорим, братцы
 (Результат трепотни и отцов, и дедов, —
 Но ведь жизнь бессмысленна, может стать ся,
 Если в ней говнеца отцов не отведать).
 Мне нелепою кажется роль провидца,
 Но пророчу в этом именно роде,
 Заверяя, что должен он появиться —
 Человек, порадеющий о народе;
 Ведь об этом мечтает любой нытик
 На просторах Союза, Китая, Штатов:
 Что придет он — защитник (а не политик,
 Оживляющий строчки своих трактатов:
 Что за страшный мир! — Робеспьер¹ с плахой
 И Ульянов² со стреляной — с ядом! — раной,
 Кривобокий Мао³, объятый страхом,
 И жулябия Ельцин⁴ — богач драный;
 Или этот: украинский немец Пестель⁵
 С «Русской правдою», в русской земле зарытой;
 Все они — пироги одного теста,
 Все они — хряки одного корыта,
 Себялюбцы, собаки на скотьем сене,
 «Кал сей!» — как раскольники, злясь, визжали;
 Всем им, сукам, по сути, народ — до фени,
 Лишь бы пер в грядущее их скрижали)!
 ...Что же делать? Как же стыда и горя
 Разорвать тенета, силки и узы?..

¹ Максимилиен Робеспьер (1758–94) — якобинец, поклонник гильотины, под которой и сам окончил свои дни.

² Владимир Ильич Ульянов (Ленин) (1870–1924) — вождь российских коммунистов, жертва покушения Фанни Каплан.

³ Мао Цзэдун (1893–1976) — глава китайских коммунистов; отличался (как Александр Македонский) склоненной набок головой.

⁴ Борис Николаевич Ельцин (1931) — первый президент России; не раз несправедливо обличаем был в корысти; мастер аппаратных игр.

⁵ Павел Иванович Пестель (1793–1826) — декабрист, автор конституционного сочинения «Русская правда»; казнен.

Я хожу медленно на краю моря —
И слова ложатся, как шары в лузу.
Прорастает мысль чертежом кальки —
Теплоход отваливает от причала.
Я беру в руку пригоршню гальки —
И смотрю на милые их овалы:
Сколько их, шевеля, словно ветер вату,
Бил прибой хронометром высшего класса,
Прежде чем, потеряв свою угловатость,
Стать смогли они цельной, единой массой!
Может быть, и нам совершить то же,
Может быть, и мы точно так ляжем,
Прежде чем стать для реки ложем,
Прежде чем лечь для ноги пляжем:
Потерять самовитость и самобытность,
Мишуру привилегий любого рода,
Лишь бы только поверить в свою слитность
С гороскопом отечества и народа.
Но для этого есть лишь одна тропка
И одну лишь песню мурлычет муза:
Для листовок бумаги готова стопка
И слова — в кассу, как шары — в лузу!
«Ты готов?» — «Боюсь...» А куда ж делось
То, что ты кричал, с господами ссорясь?
Так пускай за то, что успел сделать,
Пред народом судит тебя совесть...
У приборя — Кобы¹ лицо рябое;
Приговор суров, как седой пристав:
Хочешь жить с народом одной судьбою —
Поступай в партию коммунистов,
Ибо, чтоб понять все его ноши,
Недостаточно в жизни одной бравады —
Измараться надо бы, да поплоше,
Пострадать надо, помучиться надо...
Что же, буду жить и таким хлебом,
Если жизнь, прощаясь таким прощаньем,

¹ «Коба» — партийная кличка И. В. Джугашвили (Сталина).

Черной тучей легла надо мной, небом
И моим политическим завещаньем.

*1978; окончательный вариант — 1996.
Ленинград, С.-Петербург*

Это стихотворение требует своего комментария.

В 1972 году меня по моей стандартной просьбе («Хочу быть в рядах...») приняли в компартию Советского Союза. Вступив в нее по достаточно легкомысленной причине — для усиления «партийной прослойки» редакции журнала «Аврора», где я служил и куда должны были пригласить на работу моего беспартийного друга, — я от партии не получил никаких благ. Получил только две затрешины. Сначала — строгий выговор с занесением в личное дело «за политическую близорукость, выразившуюся в пропаганде монархизма». Затем «за неподозволенные связи с заграницей» меня вообще на девять лет выставили из редакции.

Тогда я и начал писать «Политическое завещание»: мне хотелось обдумать и описать стихами причины, приведшие меня к столь радикальному жизненному решению, как поступление в партию.

Должен сказать, что в постперестроечные годы я не клеймил компартию с трибун и партбилета прилюдно не сжигал: мне это представлялось не очень приличным. Партия в 1991 году просто сама отпала от меня — как отболевшая короста...

Стихотворение это — свидетельство и плод былых размышлений, некогда тревоживших меня. Для меня они небезынтересны и сегодня.

ПРЕДТЕЧЕНСКОЙ ЦЕРКВИ ИГЛА

Когда листопада настала пора,
То легкая, словно бы росчерк пера,
Виднелась она лишь намеком, едва,
Поскольку еще не опала листва...
Когда же потом холода подошли
И листья усеяли тело земли,
И тонкая роща застыла, гола,
То стало понятно, что это — игла...

Потом повалила морозная пыль —
И льдом оковало серебряный шпиль,
Который арктическим блеском горел, —
И стало понятно, куда он глядел...
А после, лишь только весна подошла,
Он снова укрыт был листвой до чела.
Все шло, как и прежде до этого шло,
Но снова начаться уже не могло,
Затем, что, какие бы дни ни пришли,
Каким бы морозом сердца ни ожгли,
Мечта об ином продолженье пути,
Явившись, из сердца не может уйти.

1979, Ленинград

ЧТО ТАКОЕ «АНЕЙЧИК»

Что такое «Анейчик»?
Это — с робостью бой.
Это — киноразведчик,
В путь зовущий с собой.
И — порядок в сортире.
И — уменье поесть.
Всё, что лучшее в мире,
То «Анейчик» и есть.
Слушай, юноша! Если
Ты почувствуешь вдруг
Приступ сил неизвестный,
Сердца смелого стук —
Будь за это ты вечно
Благодарен судьбе:
Это значит — «Анейчик»
Пробудился в тебе.
Слушай, девушка! Если
Ты услышишь внутри
Чей-то шорох безвестный —
Все сомненья сотри:
Это — он, бесконечно

Неустанный в борьбе,
Это — смелый «Анейчик»
Шевельнулся в тебе.
Если я, трехживотый
И ленивый илот,
Вдруг сажусь за работу —
И работа идет,
И не пялюсь в окошко,
Не скулю, что устал,
Это значит: немножко
Я «Анейчиком» стал.
Будь, мой друг, как «Анейчик» —
И наградой тебе —
Алый доблести венчик,
Марша звук на трубе,
Почитанье потомков,
Денег полный мешок,
А ночами, в потемках —
Нинки сладкий смешок...

21 февраля 1980, Ленинград

ТРИДЦАТИЛЕТИЕ ИРИНЫ¹

Тридцатилетие Ирины
Напоминает праздник Фрины²,
Когда средь всяческой еды
Та сыплет спелые плоды.

Тридцатилетие Ирины
Подобно празднику Беллоны³,
Когда воинственно мужи
Подъемлют в честь нее ножи.

¹ Ирина Матвеевна Шарымова — театровед, сестра А. М. Шарымова (*прим. ред.*).

² Беллона — богиня войны у древних римлян (*прим. ред.*).

³ Фрина — знаменитая афинская гетера IV в. до Р. Х. (*прим. ред.*).

Но мы на празднике Ирины
Едим отнюдь не апельсины,
Поскольку люди теплых стран
Нам мстят за наш Афганистан.

Но пусть плододавалка Фрина
Полупокинула Ирину, —
Мы ж, тем не менее, горды,
Что пожинаем здесь плоды:

Плоды Ирининых трудов,
Которые важней плодов,
Поскольку — правду режь иль ври я,
Всех цитрусовых на земле
Милей мне плод кулинарии,
Лежащий скромно на столе
(И если я не ошибусь,
То это называлось «гусь»).

И потому сейчас с поклоном
Мы все зовем сюда Беллону,
Поскольку время подоспело
Ножи пустить мужчинам в дело
(Ведь если в том ошибки нет,
Гуся руками рвать не след).

Вот так — с Беллоною и с Фриной
(И с вами, милые друзья)
Задумал знатно выпить я
За процветание Ирины.

Пою хвалу, бокал наполнив, —
Сестре, и маме, и жене,
Ее целуя и напомнив:
Пей с мужиками наравне!

8 марта 1980, Новосибирск

ПАМЯТИ ВЫСОЦКОГО ¹

Где родился Володя Высоцкий,
Он о том не сказал никому.
Не вопил он про станцию Сростки,
Про алтайский поселок Зиму.
Те, что маленькой правды вкусили,
Бьются мордой за горстку земли.
А Володя родился в России —
И в России его погребли.

*1980, Ленинград (впервые —
в журнале «Аврора» № 6—1996)*

ОТЧАЯНИЕ

Наш путь познания не тяжек —
Он просто страшен, потому
Что мглой сжигаемых бумажек
Не разогнать ночную тьму.

1980, Ленинград

РУССКИЙ БУНТ

Плюю на гестапо и хунту!
Но должен сказать, кореша:
По темному русскому бунту
Давно изболелась душа.
В Камбодже прогнали Пол Пота ²,
В Иране — правитель иной,
А мы подзаквасились что-то...
Пора бы тряхнуть стариной!
Бунтуют и венгры, и чехи,

¹ Владимир Семенович Высоцкий (1938–80) — русский поэт и бард.

² Пол Пот — камбоджийский тиран и душегуб.

И Герека¹ — в дупу долой!
Россия же только прорехи
Латает ракетной иглой.
У моря балтийского ляхи
Устроили гранд-перекур —
А мы колушаем в рубахе,
Голландских налопавшись кур...
Взбунтуются где-то на Висле —
А отзвуки в Чили слышны.
А мы, кореша, подзакисли —
Аж рвет от натуги штаны.
Ну что ж это, в самом-то деле?
В башке — лишь сивушный туман...
Возьми меня в други, Емеля²,
Возьми меня в струги, Степан³!
Но кто так придумал толково,
Какой езуит-паразит? —
С пластинки поет Пугачева⁴,
От Разина⁵ пивом разит.
Какими измерить словами
Извивы российской судьбы?
Братва, не рабы ли мы с вами?
А может быть, все ж, не рабы?
Довольно по чахлому грунту
Ходить босиком, без порток!
С чего начинаются бунты?
С ночного разбоя, браток.
Ну, так: на ближайший неделе
Кистень достаем и наган...
Берем тебя в дело, Емеля,
Берем тебя в долю, Степан...

1980 (впервые — в журнале «Аврора» № 6–1996)

¹ Эдвард Герек (1912–2001) — генсек ЦК ПОРП.

² «Емеля» — Емельян Иванович Пугачев (1740 или 1742–75) — мятежный казак, самозванец под именем Петра III.

³ Степан Тимофеевич Разин (ок. 1630–71) — русский разбойник.

⁴ Алла Борисовна Пугачева — российская шансонетка.

⁵ «Разин» здесь — продукция питерского пивоваренного комбината.

Это стихотворение, как и пять последующих — «В Братске», три владивостокских стиха и бóльшую часть «Школы», — я написал во время творческой командировки на Дальний Восток группы кинорежиссеров, операторов и сценаристов (к которым я и принадлежал). За это творческое свершение один из острословов поименовал меня «известным неизвестным русским поэтом», что вызвало всеобщее одобрение.

В БРАТСКЕ

Сквозь звенящие метели,
Сквозь воздушный звездный плеск
Мы летели. Прилетели.
Сели. В Братске. Рядом с ГЭС.
«Скоро ль вылет?» — мы спросили
Со стеснением в груди.
Местный чиф сказал с усиьем:
«Нет горючего. Сиди!».
Вышли в ночь. Холодногато.
Кедры высятся окрест.
Где-то рядом киловатты
Вырабатывает ГЭС.
Встал вопрос огромной силы:
«Отчего, скажите мне,
Нет энергии в России,
Нет горючего в стране?».
Мы вздохнули мрачногато,
Зябко кутаясь в пальто:
«Как же так? А киловатты?
Что-то, братцы, здесь не то!
Что ж, выходит, зря нам сланцы
Добывает Кингисепи?
Торф черпают зря засранцы,
От работы окосев?
Нефть в Ухте бурят впустую?
Понапрасну валят лес?
Вхолостую, вхолостую
Мчат турбины Братской ГЭС?

Химик мыслит понапрасну?
Не для ча бежит спортсмен?
Не для ча трубит несчастный
Сварщик в ходе трудных смен?
Не для дела обалдело
Мы куда-то сдуру мчим —
И когда доходит дело
До решения, молчим:
Мол, такое дело, вроде,
Не совсем бы и по мне?..
Нет энергии в народе.
Нет горячего в стране!
Есть горячее, которым
Заправляемся. Дает
Нам всегда его ликеро-
Винно-водочный завод.
Но на том горячем в небо,
В звездной ночи высоту,
Своего не слоав хлеба,
Не взлетает мощный “Ту”.
Обороты холостые...
Киловатты мчат вовне...»
Так сидим среди России —
Плотно, по уши в говне.

1980, Братск

ВЛАДИВОСТОКСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Печален хожу и потерян,
Ужасной тоской потрясен —
И тетушкин адрес потерян,
И дедушкин домик снесен.
И прочего прошлого ныне
Уже не отыщешь конца:
И маменьки нету в помине,
И нету в помине отца.
Когда-то, году в тридцать пятом,

Здесь молодо, мило, шутя
Роман начался, результатом
Которого стало дитя.
И ныне во Владивостоке
Дитя это грузно сидит,
Царапает эти вот строки
И тупо на город глядит —
И темной холодной могилой
Слепит ему в очи окно:
«А где ж твое прошлое, милый?» —
Потеряно. Нет. Снесено...

1980, Владивосток

В этом стихотворении упомянуты мой дед, капитан дальнего плавания Андрей Иванович Иванов, последние годы жизни ходивший на пароходе «Индигирка»; моя маменька, библиотекарь и библиограф Валентина Андреевна Иванова; мой отец, артист драмы Матвей Филиппович Шарымов и тетушка Нонна Андреевна Шевченко, жительница Владивостока. Отец и мама познакомились во Владивостоке во время гастролей свердловского ТРАМа, после чего мама уехала к отцу в Свердловск, где в 1936 году и родился автор этих строк.

МОРСКАЯ ПРОГУЛКА

Как старый краб хватает в полусне
Рыбешку, задремавшую немного,
Владивосток зажал в своей клешне
Хрусталик бухты Золотого Рога.
А там, за ним, за Рогом, вдалеке,
Когда пролив минуем очень узкий,
Лежит в морщине фьордов, как в песке,
Громадный краб, но не камчатский — Русский.
А вот — Попова остров. Вот — причал.
«Светлана» — яхта. Вот идем дорогой.
Дальневосточный пес нас провожал
Доверчивой, но все же — недотрогой.

Но вот — и финиш. Дальше мчатся дни.
 Но позже ты забудешь вряд ли это:
 Владивосток из розовой клешни
 Тебя на волю выпускает в Лету.

1980, Владивосток, остров Попова

УЛЕТЯЯ ИЗ ВЛАДИВОСТОКА

Мерси, Аксенов¹, ангел мой,
 За эти краски, воздух, запах...
 Но, Боже, как влечет домой,
 Как тянет нас назад — на Запад!
 Кто спорит, что прекрасен вид
 Владивостока-скалолаза?
 Но что ж нас Питер так манит
 Своей равнинностью, зараза!
 Конечно, суть — не в видах гор
 Или холмов. Не в них, конечно.
 Но жив в душе российской спор
 Востока с Западом извечный.
 Тем спором с детства не один
 Из нас по черепу ударен.
 Я сам есть западник, Ich bin —
 Вполне прозападный татарин.
 Из всех деяний, что вчера
 Народу бедами грозили,
 Мне мило жажданье Петра²
 Продуть сквозь Балтику Россию.
 Но Юг, Восток — одной судьбы.
 Мы только помним неустанно,
 Как шлют кровавые гробы
 Нам небом из Афганистана.
 Путь в Индию... Да Бог ты мой,

¹ Виталий Евгеньевич Аксенов (1931) — в ту пору директор киностудии «Леннаучфильм», организатор нашей поездки на Дальний Восток.

² Петр I Алексеевич Романов (1672–1725), Великий — русский царь и император.

Да об одном лишь мы мечтаем:
Не надо Индии с Китаем —
Вернитесь, милые домой.

(Дописка 1995 года:

А нынче размышлять начни —
Не то ли вновь сказать случится,
Взглянув в измученной Чечни
Свинцом пробитые глазницы?)
Ведь так от века повелось:
Нести сквозь годы (и не гнутья!),
Сквозь грусть, и жалобы, и злость
Одно желание — вернуться.
И оттого, оставив тут
Котомки, онучи и лапоть,
Мы улетаем. Там нас ждут.
Домой летим. К себе. На Запад.

1980, Владивосток.

Впервые опубликовано в «Авроре» № 6—1996

ШКОЛА

Много в России темного и странного.
Ждали Нежданову¹ — не ждали Жданова².
Комиссаржевскую³
На руках носили.
Комиссаров, зверствуя,
Как траву косили.
Ликбез
Всем
Буквы
Вывесил на стены.
Безлик
Кремль:

¹ Антонина Васильевна Нежданова (1873–1950) — русская певица.

² Андрей Александрович Жданов (1896–1948) — душитель культуры.

³ Вера Федоровна Комиссаржевская (1864–1910) — русская драматическая актриса.

Буки,
А не Демосфены¹...
Что народу — прошагать
Пол-Европы. Но
Приучился погибать
Он безропотно.
В печках газовых горя,
Гибли в канцлерлагерях —
Мыло тоннами...
А в колымских краях
Гибли в концлагерях
Миллионами.
Сколько сгибло душ пейзажных
В буднях бунтов, войн гражданских,
В рудных коях магаданских —
Хоть костями мосты мости!
О, народ ты мой веселый,
Ты по Волгам, Шилкам, Песлам
Прошагал большую школу
Русской нетерпимости...
Что ж так невезучи мы,
Что совсем замучили
Родину тираны?
Будем чуть покруче мы —
Соберем их в кучу мы
Поздно или рано...
Но пошла на пользу школа.
Вместо виселиц и шашек
Обнажим-ка при народе
Их филейные красы —
Получи колом, Никола²?
Получи по шее, Саша³;
Получи линька, Володя⁴;

¹ Демосфен (ок. 384–322 до РХ) — афинский оратор.

² «Никола» — Николай II Александрович Романов (1868–1918) — русский император.

³ «Саша» — Александр Федорович Керенский (1881–1970) — глава Временного правительства.

⁴ «Володя» — Владимир Ильич Ульянов (Ленин).

Получи, Сосо¹, в усы!
И чтоб было шито-крыто,
К современничкам в поклоне —
Получи-ка, дорогой:
Получи кнута, Никита²,
Получи в ланиты, Ленья³,
Получи любой другой.

(Дописка 1995 года:

У других губа не дура.
Но не дай завеять злости.
Леопольд⁴, не лопай мышек
Мягче с серыми борись:
Получи в урину, Юра⁵,
Получи по кости, Костя⁶,
Получи в мусало, Миша⁷,
Получи в ребро, Борис⁸!)
За издевки, за мученье,
За бездарное правленье
(Вместо пули и штыка)
От души, от сильной силы,
От народа, от России
Просто — гневного плевка!

1980, 1995.

Впервые опубликовано в журнале «Аврора» № 6–1996

Первые пятнадцать строк написаны были еще в университетском 1956 году. Остальной текст — за исключением дописки 1995 года — во время путешествия на Дальний Восток.

¹ «Сосо» — Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин).

² «Никита» — Никита Сергеевич Хрущев (1894–1971) — генеральный секретарь ЦК КПСС.

³ «Ленья» — Леонид Ильич Брежнев (1906–82) — генеральный секретарь ЦК КПСС.

⁴ Мультикот с девизом: «Ребята, давайте жить дружно!».

⁵ «Юра» — Юрий Владимирович Андропов (1914–84) — генеральный секретарь ЦК КПСС.

⁶ «Костя» — Константин Устинович Черненко (1911–85) — генсек ЦК КПСС.

⁷ «Миша» — Михаил Сергеевич Горбачев (1931) — генсек ЦК КПСС и первый президент Советского Союза.

⁸ «Борис» — Борис Николаевич Ельцин. Если исходить из того, что некоторые историки полагают XX век законченным с наступлением 2000 года, то список русских лидеров России Ельциным и завершается, так что делать еще одну «дописку» не стоило.

ТРИДЦАТЬ ТРИ СЛОВА О БЛОКЕ¹

*Николаю Крыщук*²

Исчезает, как фикция,
Петроградский денек.
От душевной асфиксии
Загибается Блок.
Как креста целование,
Смерть вблизи хороша.
От разочарования
Надорвалась душа.
Были разные сложности,
Но от этой — устал.
От дышать невозможности
Я дышать перестал.

*1980, Ленинград,
Чайковские бани*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДАРА

*Нине Васильковой*³

Ты выйдешь на сцену — и глянешь
В притихший партер свысока:
«Кого же сегодня ты ранишь,
Прочтенная мною строка?»
А дома, когда остаешься
Одна, простыню теребя,
Ты снова и вновь задаешься
Вопросом о сути себя:

¹ Александр Александрович Блок (1880–1921) — русский поэт.

² Николай Прохорович Крыщук (1947) — русский писатель.

³ Нина Владимировна Василькова — питерская актриса, жена Александра Анейчика.

«Какая же это обуза —
Таить под лопаткой крыло!
Ни фея, ни Эхо, ни муза,
Я бьюсь, как мотыль о стекло.
Как трудно, другим потакая,
Свою сердцевину сберечь!
Но кто же я, кто я такая?». —
И полночь ответила: «Речь».

1980, Ленинград

ПИСЬМА

*Галине Мурзинцевой*¹

По Земле, во все концы,
Уезжают мертвецы.
Сдох любимый, умер друг —
Мертвецы летят на юг.
Под крылом земля вертится
Вдовьим золотым кольцом...
Длится, длится, длится, длится
Переписка с мертвецом.
...Правда, можно все без риска
Повернуть другим концом:
Будто это — переписка
Мертвеца (не «с мертвецом»).
Значит, так: во все концы
Пишут письма мертвецы.
Люди бросили уют —
Мертвецы в гробу гниют.
Похоронный дым клубится...
Не видать во тьме лица...
Длится, длится, длится, длится
Переписка мертвеца...

1980, Ленинград

¹ Галина Федоровна Мурзинцева — тогда собкор «Пионерской правды» в Новосибирске.

НА ЮБИЛЕЙ ЛИИ РАДИНОЙ¹

Сегодня мы справляем юбилей
Бесценной Лии Радиной. Немало
За сорок лет она переиграла
Веселых и трагических ролей,
Которых мы не в силах перечесть.
За это ей — хвала, почет и честь!

Как было всё? Была — за ролью роль,
Всё новые и новые подмостки,
А зрителей — то полный зал, то горстка,
И за гастролью — новая гастроль.
Рукоплескали, Радина, тебе
И фронт, и Оренбург, и Душанбе.

Под небом артистической Перми
Звучали в честь тебя аплодисменты.
На русской сцене города Ташкента
Овации гремели, черт возьми!
И в зале поднимал веселый гвалт
Сын Таллина — пресдержанный прибалт.

Но всех сердечней, что ни говори,
Твое услышав имя, оживлялись
И вмиг аплодисментами взрывались
Ульяновцы, симбирцы, волгари,
Что вкус свой отточили как стилет
За триста тридцать с лишним славных лет.

Здесь, в городе над Волгой, тышла
И радостей немало, и печалей.
Здесь зори тебя *разные* встречали:
Та — словно снег прохладна, та — тепла.
Хоть общий свет их ровен, но и он
Сегодня легкой дымкой омрачен.

¹ Лия Ефимовна Радина (1921–2000) — народная артистка России, вторая жена Матвея Филипповича Шарьмова, отца автора (*прим. ред.*).

Да, лишь одна обида нас грызет
На радостнейшем этом юбилее:
Что с нами нет Шарымова Матвея,
Который нынче рядом не пройдет
Над Волгой, над Свягой, на Венец...
Твой муж. Твой друг. Твой рыцарь... Мой отец...

Судьба, судьба!.. И так угодно ей...
Но, как в оркестре — нота музыканта,
В твоём огне — огонь его таланта
И кровь его — в крови его детей:
В глаза Ирины, дочери, взгляни —
Его улыбкой светятся они.

Иначе быть не может! Ведь любовью,
В ком живы совесть, сердце, ум и чувство,
Издrevле служит сложному искусству
Делиться щедро с прочими — собой;
И первенствует в этом среди людей
Артист, актер, Высокий Лицедей.

Российские актеры, вам — привет!
Пусть не каждый день у вас — удачи,
Но каждый день вы — в творчестве. И, значит,
За судьбы сцены опасений нет.
Спасибо! И с особой теплотой —
Одной из вас. Заслуженной. Вон той...

Что ж, нынче — юбилей. А завтра вновь
Дадут спектакль. И зритель постепенно
Заполнит зал. И вот стихает сцена.
И занавес взвывается. И кровь
Как сорок лет назад стучит в груди.
Сейчас — твой выход... Реплика! Иди!..

Апрель 1981, Ульяновск

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ О ЧУХЛОМЕ

I

За неделю кипрей побурел.
Пылью русла ручьев затянуло.
Солнца лик, окровавивший скулы,
Словно пьяный монгол, озверел.

...Я плеснул из ведра на кусты —
Куст поник, распрямился, воспрянул —
И такую вдруг зеленью прянул,
Что почудились лавром листы.

...Воздух зноен, недвижим и густ,
Но на плечи прохладой веет:
Кифареда¹ венком зеленеет
У развилки оставленный куст.

1981, шоссе Чухлома—Галич

II

«Мы значим лишь то, что мы значим», —
Шептал я, справляясь с тоской,
Которой внезапно охвачен
Я был на земле чухломской,
Поскольку, как влажная нежность
В кроваво-засушливой мгле,
Прожгла меня вдруг принадлежность
К сухой этой, хрупкой земле.

1981 (впервые — в журнале «Аврора» № 6–1996)

¹ Кифаред — прозвище Аполлона.

ДИКТОРСКИЙ ТЕКСТ К КИНОФИЛЬМУ «ЧУХЛОМСКАЯ КАДРИЛЬ»

В дымке времени былинной,
В костромском лесном краю
Город Чухлома старинный
Начал летопись свою.
И однажды на рассвете,
Развернув тумана флаг,
Он в свое шестисотлетье —
В праздник светлый — сделал шаг...
Сколько ты хранишь, Россия,
Этих тихих городков!
Эти улицы простые...
Эти лица стариков...
Каждый город слит привычно
Общим жребием с тобой,
Но и жив своею, личной,
Неземной своей судьбой.
И живя в любой столице,
Помни — ежели толков! —
Есть чему и поучиться
У российских городков.
Чтобы совесть и степенность —
Нету их в труде нужней! —
Сохраняли неизменность,
Не лишались бы корней.
Чтоб заботиться о ближнем —
Чтоб устой заботы той
В ливне будничности выжил,
Не был смазан суетой.
Время мчи, гремя мотором!
Но какой ни взят подъем,
Помни прошлое, в котором
И сегодня мы живем...
Будни буднями, но все же
Люди знали, как закон,
Кем их город был заложен,
Для какой нужды рожден.

Встал он в час борьбы суровой,
От врагов оборонясь —
Тех, что в битве Куликовой
Бил нещадно Дмитрий-князь ¹...
Пусть бывшее испытанье
Отлетело, словно дым,
Ратник-пращур из преданья,
Будь примером молодым!
Чтоб не тратили бы силы
В маяте летящих дней.
Чтоб любили бы Россию —
Чтобы помнили о ней.
Чтобы в голосе тальянки
Дома отчего призыв —
Марш «Прощание славянки» —
Сберегли, не позабыв...
Будни буднями, но в эти
Дни, встречая юбилей,
Городок шестисотлетний
Жил историей своей...
Как не вспомнить было людям,
Что от этой вот земли
Чухломской купец Июдин ²
Слал в Европу корабли.
Будни буднями, и вроде,
Нет в них ниточки к векам,
Но живет любовь в народе
К знаменитым землякам.
Это — Писемский ³, Катенин ⁴:
Уроженцы этих мест,
Что почтили в сочиненьях
Старый Чухломский уезд...

¹ Князь Дмитрий Иванович Донской (1350–89) — победитель татар на Куликовом поле; Чухлома известна с 1381-го: года его княжения.

² Иван Июдин — чухломской негоциант XVII столетия.

³ Алексей Феофилактович Писемский (1821–81) — писатель.

⁴ Павел Александрович Катенин (1792–1853) — поэт, переводчик, театрал; из современных уроженцев Чухломы особо знаменит киноартист Михаил Иванович Пуговкин (1923) — почетный гражданин города, как и его коллега Лев Георгиевич Прыгунов (1939).

Все тут помнят между прочим
То, чего дороже нет:
Терпеливый труд рабочий
И былых, и наших лет.
В пену ярких обрамлений
Влито каждое окно:
Древним плотницким уменьем
Город славится давно.
Вот — прошедшими веками
К нам протянутая нить:
Чтоб о них не только память,
Но и навык сохранить.
Оттого искусство это
И впадает, как река,
В перспективные проекты
О грядущем городка...
Пахнет здесь смолой душистой,
Свежеструганной доской:
Дом янтарно-золотистый
Встал у кромки городской...
Здесь — родник, первооснова
Русских песен и речей.
Здесь звучит родное слово,
Словно пенистый ручей,
С чувством юмора и меры,
Как весенняя свирель:
«Вы вставайте, кавалеры,
Приглашайте на кадрили!..»
Людам солнечное блюдо
Теплоту и радость льет.
Сутки празднику даются —
И готов к нему народ.
Все на улицу стремятся,
Краски праздника надев,
Сохранив в сердцах, как в святцах,
Шутки, пляски и напев.
Вот проходят землемеры,
Чьим трудом жива земля,
Войн минувших кавалеры,

Рыбаки, учителя,
Лесорубы, полеводы,
Плотники, ученики...
Сколько ликов у народа —
Как движенья их легки!..
А в вечернем тихом гуде
Внемлют города словам:
«Счастья вам, родные люди!
Пусть покой нисходит к вам.
Ведь какие б испытанья
Ни грозили вам тоской,
Вас спасет воспоминаньем
Этот праздник городской,
Потому что сохранили
Все сердца, наверняка,
День, украшенный кадрилию,
Сбереженной на века...»
...Так — над озером в низине,
В костромском лесном краю —
Город Чухлома и ныне
Продолжает жизнь свою.

1981, Чухлома, Ленинград

Среди полусотни сценариев, написанных мною за четверть века для питерских киностудий документальных, научно-популярных и телевизионных фильмов, есть и такие, для которых я делал стихотворный дикторский текст (к примеру, «Резные камни Эрмитажа» или «Ленинграда белый стих»).

«Чухломская кадрили» — фильм, который я вспоминаю с особой теплотой, — из их числа.

Читателю стоит, вероятно, знать, что местные жители название своего города произносят с ударением на первом слоге.

Не забуду изумления, с которым как-то в Москве, придя в кинотеатр на «Амаркорд» Феллини, я увидел, что «Чухломская кадрили» поставлена к нему в качестве киножурнала — и услышал свой голос, читавший за кадром вышеприведенный текст...

У ПАМЯТНИКА БАЛТИЙСКИМ ТОРПЕДНЫМ КАТЕРАМ НА ПЛОЩАДИ МОРСКОЙ СЛАВЫ

Люблю я этот памятник зимой —
Холодный, одинокий и немой.

...Вот так же гибли некогда они —
В ночи, безмолвно, в стужу и одни.

1981, Ленинград

«БРИТВА ОККАМА»

*Ларисе Морозовой*¹

*Сущности не стоит умножать
без необходимости.*

*Уильям Оккам*²

Четырнадцатый век. Москва живет
Иваном Калитою³ (или — около),
А Оксфорд принцип утверждает — тот,
Что назван будет позже «бритвой Оккама».
Он учит, заставляя нас дрожать
От безграничья собственной вмести­мости,
Что сущности не должно умножать
Без надобной на то необходимости.

...Спасибо, Вильям Оккам, за слова,
Что шесть столетий прожили без ржавчины
И ныне — как целебная трава
Тебе, мой современник, от мерзавчины:
Ты можешь награждать или сажать,

¹ Лариса Георгиевна Морозова (Кондратьева) — переводчица.

² Уильям Оккам (1285–1349) — английский, оксфордский философ-схоласт, логик и церковно-политический деятель.

³ Иван I Данилович Калита (?–1340) — с 1325 года князь московский.

Давать лауреатства иль судимости, —
 Но сущности негоже умножать
 Без нужной для того необходимости.

...Как просто: меж стремлений и надежд
 Ищи не те, что лишены значения,
 Но те, что всех желаннее, — и режь
 Их бритвою самоограничения
 (Ведь можно обладать или ссужать,
 Растить плоды добра иль нетерпимости,
 Но сущности не нужно умножать
 Без требуемой им необходимости).

...И жизнь прожив в дурацкой маяте,
 Однажды ты задумаешься вечером
 О всех мечтаньях и об их тщете,
 И что к утру и вспомнить, в общем, нечего.
 О том, что мало лет жила, держать
 Ты станешь речь. Но будь полна решимости:
 Без видимой на то необходимости
 Их, в сущности, не стоит продолжать.

1981, Ленинград

ВЫХОД

Народ проживет без цензуры:
 Он плюнет на спирт и коньяк —
 И в ГУМе, в отделе культуры
 Потребует новенький маг.
 Запомните это, поэты
 От вузов, от труб, от сохи:
 С полуночи и до рассвета
 Читайте на пленку стихи!
 Дрожавший в приемных когда-то
 Издательств, журналов, газет,
 Магнатом магнитоиздата
 Становится ныне поэт.

Трясутся в Кремле мудозвоны.
Гуляет малиновый звон:
Егоров ведро самогона
Меняет на магнитофон!

1981, Москва

ПЕТР

Он входит, потен и громаден,
Непредсказуем, беспощаден,
И женщин мнет, и пьет вино.
И я речам его внимаю —
И ничего не понимаю,
Затем, что это не дано.

1982, Ленинград (впервые — в «Авроре» № 6–1996)

БОРИСУ МОИСЕЕВУ¹

Обопрись на меня, Борис!
Не когда сочиняешь дачу,
Не в минуту злой неудачи —
В час прощания обопрись.
Мы с тобой рождены, видать
(Да и столько уж лет знакомы),
Чтобы в час тот один другому
Милосердия дань подать.
В Алазани цветет лоза...
А когда наши вина скиснут,
Пальцы друга мне руку стиснут —
Я закрою ему глаза.

1982, Ленинград

¹ Борис Васильевич Моисеев (1935) — филолог, журналист.

Что он пишет? В сумерках глаз разобрать ни буквы
не может,
Но сидит он, задумчивый, словно каменный мужик
Родена¹—
И понимаешь: он пишет о том, что каждого сейчас гложет;
О тебе, обо мне, о людях, о судьбах Земли и Вселенной.
Вот еще одного занес он в свои проскрипционные списки.
Вот еще одну душу вывел к свободе из тьмы...
В эти страшные минуты нет для него ни родных, ни близких,
Потому что родные и близкие для него в этот миг — все мы.

1982, Петрозаводск

ОДА ДОЗАПРАВКЕ, ИЛИ ПОЗДРАВЛЕНИЕ СЕМЕНУ МАЙСТЕРМАНУ², МАСТЕРУ И ЧЕЛОВЕКУ

Кто в искусство входит пером, кто — словом,
А другие на сцене пляшут, почти наги...
Как сегодня мне не воспеть их снова —
Мастеров кисти, вокала, пера, ноги!
Линник³ пишет стихи о природе и травах;
Мыслит Ланкинен⁴: Сиркку слепить попроще как?
Майстерман фотографирует дозправку
Стратегического бомбардировщика⁵.
Юлиан⁶ детектива о Штирлице держит правку.
Фуэте Плисецкая⁷ вертит по-прежнему.
Майстерман фотографирует дозправку

¹ Огюст Роден (1840–1917) — французский скульптор, автор, в частности, философского произведения «Мыслитель».

² Семен Аронович Майстерман (1932) — карельский фотограф.

³ Юрий Владимирович Линник (1944) — современный российский поэт.

⁴ Лео Фомич Ланкинен (1926–96) — карельский скульптор, автор, в частности, лирического портрета «Сиркка».

⁵ Всемирно известная фоторабота Семена Майстермана «Дозправка стратегического бомбардировщика».

⁶ Юлиан Семенович Семенов (1931–91) — писатель, автор, в частности, романов о советском разведчике Максе Отто фон Штирлице.

⁷ Майя Михайловна Плисецкая (1925) — великая балерина.

Бутербродом Леонида Ильича Брежнева¹.
 Диор² в манекенщицу втыкает булавку,
 А Ульянов³ монологи читает Стенькины.
 Майстерман фотографирует дозаправку
 Стограммовичем Ивана Ильича Сенькина⁴.
 Генсек Кая со страху подает в отставку⁵,
 Лех Валенса⁶ в трубе исчезает фановой.
 Майстерман фотографирует дозаправку
 Валидолом Михаила Степановича Епифанова⁷,
 В общем, так: на что б ты ни сделал ставку —
 На политику, хореографию или роман, —
 Как-то в жизни тебе понадобится дозаправка —
 И ее сфотографирует Майстерман!
 Вывод делаю (только не поздно ли слишком?),
 Что других художников хвалить пока рано:
 Надо прежде воспеть объектив и вспышку
 Свет Семена Ароновича Майстермана.
 А для этого — даю официальную справку —
 Нам нужна будет влага, что весьма горяча.
 А за нею потребуется дозаправка
 За столом Майстермана Семена Ароновича.
 А уж там мы восславим с большим удовольствием
 И его, и семейство его поименно,
 Ибо нет большей радости, чем быть гостем
 Майстермана — Ароновича Семена!
 И я шланг своей мысли простираю сквозь версты,
 Словно я хочу — через снега и волости —
 Дозаправиться на этом празднике горсткой
 Мастерства, человечности и Семеновой молодости.

1982, Петрозаводск

¹ Майстерман нафотографировал многих партийных и государственных деятелей, в том числе Брежнева, Ельцина, Горбачева, Путина.

² Кристиан Диор (1905–57) — французский кутюрье.

³ Михаил Александрович Ульянов (1927) — артист-вахтанговец.

⁴ Иван Ильич Сенькин (1915–92) — карельский партбосс.

⁵ Станислав Кая — польский партийный босс.

⁶ Лех Валенса (1943) — сначала диссидент, потом (1990–1995) — президент Польши.

⁷ Михаил Степанович Епифанов (1934) — в ту пору инженер Онежского завода, друг Алексея Самойлова, приятель Майстермана.

ЭПИТАФИЯ

*Здесь лежит Шарымов —
человек ума быстрого,
острого и поверхностного.*

Надпись на могильной плите

Изнутри блистать нельзя —
Лишь снаружи это можно.
Потому мой ум безбожно
Звать блистательным, друзья.
Это если б был я шар —
Шарик с елки новогодней, —
То могли бы вы сегодня
Звать блистательным мой дар.
А поскольку нет ни дара,
Ни блистающих шаров,
Приговор судьбы суров,
Но снесу ее удары,
Проживу не при деньгах —
Не помогут деньги эти
На блистающем паркете
Удержаться на ногах.

1982, ленинградские Чайковские бани

ПАМЯТИ БРЕЖНЕВА

По за самым Мавзолеем,
У седой стены Кремля
Меж поляком¹ и евреем²
Приняла его земля.
Он с врагами был железен
И, медалями звеня,
Думал он, что был полезен
Для тебя и для меня.

¹ Феликс Эдмундович Дзержинский (1877–1926) — глава ВЧК.

² Яков Михайлович Свердлов (1885–1919) — глава ВЦИК.

Над Европой гордо рея,
 Мудро вел страны ладью,
 Меж поляком¹ и евреем²
 Завершил судьбу свою.
 И моргнув орлиным глазом,
 Пережив свои года,
 Умер мигом, умер разом —
 Как и не жил никогда.

1982, Ленинград

СТИХОТВОРЕНИЕ ИЗ ПОВЕСТИ «1703 ГОД»

Во влажный грунт вгрызается лопата —
 И вот уже становятся видны
 Заложенные в древности когда-то
 Ряжи старинной крепостной стены.
 Как будто кто-то вдруг откинул полог —
 И сквозь столетья брызнули лучи...
 Чего ты ищешь в прошлом, археолог?
 Каких секретов тайные ключи?
 В какую даль нацелен этот кратер?..
 Зачем опять — сегодня, как вчера —
 Налет веков стирает реставратор
 Со стен и окон Домика Петра?..
 Зачем берет перо свое историк,
 Рассказывая снова о пути,
 Который был велик, порою горек,
 Который было надобно пройти?..
 Затем, что память то в прошедшем ищет,
 Чем связаны на много лет вперед
 Вернадский³, Достоевский⁴ и Радищев⁵,

¹ Войцех Ярузельский (1923) — маршал Польши, в ту пору — председатель Совета Министров Польши, с 1989 по декабрь 1990 — президент Польши.

² Менахем Бегин (1913–92) — в ту пору премьер-министр Израиля.

³ Владимир Иванович Вернадский (1863–1945) — естествоиспытатель.

⁴ Федор Михайлович Достоевский (1821–81) — писатель.

⁵ Александр Николаевич Радищев (1749–1802) — писатель.

И Пушкин¹ с Ломоносовым² — и год,
Когда войны нелегкое искусство
К Неве солдат Петровых привело...
На Заячьем — еще темно и пусто.
Светает, — но еще не рассвело...

1982, 1995. Впервые — в «Авроре» № 12–1983

К этому небольшому стихотворению хочется сделать достаточно пространственный комментарий относительно моих исторических штудий.

С 1983 по 1994 годы журнал «Аврора» опубликовал несколько моих сочинений, касающихся ранней истории Санкт-Петербурга. «1703 год» (1983) — повесть об основании города — стала первой такой публикацией. Затем последовали «Кроншлот. Обер-комендант Брюс. 1704 год» (1985), «Оборона Кроншлота. Вице-адмирал Крейс. 1705 год» (1987), «Выборгский поход 1706 года» (1990) и «Отражение Любеккера. 1707–1708 годы» (1994). В ту же пору, в 1992 году, я написал очерк «Был ли Петр I основателем Санкт-Петербурга?», объединивший ряд сугубо исторических исследований о времени заложения города.

Сразу за «Отражением Любеккера» появился в «Авроре» очерк «Нева и ее дельта весной 1703 года» в рубрике «Из истории Приневья». Очерк этот был основан на анализе Писцовских новгородских книг 1500 года и шведских и русских карт XVI–XVIII веков. По их данным на берегах Невы и ее дельты ко времени основания Петербурга стояло более двухсот селений и два довольно крупных города — Нотэборг и основанный еще в XVI веке Ниен. Этот анализ достаточно весомо опровергает легенду о малой заселенности невских берегов.

С этого очерка началась работа над историей допетровского Приневья. Обычно история эта излагается со времен прибытия в Ладогу Рюрика с братьями. Моя хроника начинается со времен таяния ледника и заселения приневских территорий вернувшимися с востока угро-финнами, среди которых заметное место занимала летописная корела, слившаяся с пришельцами с Кавказа — рухс-асами, которые, достигнув Скандинавии, приняли имя русов.

¹ Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837) — русский поэт.

² Михайло Васильевич Ломоносов (1711–65) — ученый, поэт.

Что до стихов, то лишь «1703 год» содержал несколько вышеприведенных строк. В «Истории Приневья» стихи представлены в виде переводов немецких и шведских рифмованных хроник, с которыми читатель познакомится в разделе III этой книги.

УСТАЛОСТЬ

Наташе Птицыной

Усталость прячется на лицах
 У русских женщин поутру.
 Она в глазах у них таится.
 Господь накажет, если вру!
 У этой запил муж. А этой
 И вовсе мужа не дал рок.
 У этой мастер хам отпетый.
 У той сынишке дали срок.
 Но чаще это — просто малость,
 Следы вчерашнего труда,
 Что нижет день на день усталость
 Недели, месяцы, года.
 А сколько ж сил у человека
 В спине, ладонях и ногах?
 И где же праздники? И млеко,
 Что мчит в кисельных берегах?
 Открой им, бедным, Вагнер Рихард¹,
 Из Нибелунгова кольца
 Трудов и мук — достойный выход
 К спасенью лика и лица.
 Он, впрочем, есть, но он печален:
 Из мглы рабочей маяты —
 В миры безделья, сплетен, спален,
 Измен, безверья, пустоты...

1983, Ленинград

¹ Рихард Вагнер (1813–83) — немецкий композитор; автор, в частности, тетралогии «Кольцо нибелунга».

НА ДАЧЕ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВА¹

Ночь бесшумна. Лишь осенний
Ветер плещется вдали —
И колеблются, как тени,
Сосны — волосы Земли...
Корабли с повадкой волчьей
Появляются из тьмы —
И лежат у пирса молча,
Словно сонные сомы...
Жар огней зелено-красный
Покрывает города —
И дрожит он псом несчастным,
В дреме ищущим следа...
Жизнь моя летит над Русью
(Что ни взмах — итог ясней)
И кричит она, как гуси,
Распрощавшиеся с ней.

*1983, 63-й километр от Петербурга;
опубликовано в журнале «Аврора» № 4–1993*

БАЛЛАДА О НАРОДЕ

Борису Спасскому

Мы смотрим, как грузно, пыля едва,
Колонна уходит, в долину скользя —
И мы про себя повторяем слова:
«Народ победить нельзя»...
Они уходят! — оставив дым
И прах, где нет ни кола, ни гвоздя.
Нам хочется крикнуть, но мы — молчим:
«Народ победить нельзя»...
Лишь слабый духом (их много, да)
Запляшет теперь, о победе бузя,

¹ Алексей Георгиевич Иванов (1940) — литератор.

Но мы бесчестьем не тронем уста:
 Народ победить нельзя...
 На автомате застыла рука,
 Готовая сеять огонь, разя.
 Но мы сейчас не нажмем курка:
 И их народ победить нельзя...
 Мы точно знаем, с каким трудом,
 С обидой они громыхают, ползя.
 Но мир не мог не прийти в наш дом —
 Народ победить нельзя...
 Итог суров, но итог и прост:
 Мы, люди, не воины, не князья,
 Мы все отстроим — и встанем в рост.
 Народ победить нельзя...
 Иссохли губы. Безмолвен крик.
 Но ждем, три истины в сердце вонзя:
 Душа бессмертна; Аллах велик;
 Народ победить нельзя.

1983, 1998, Ленинград-Петербург

НА СМЕРТЬ ПОЭТА

Совестно как-то, как прежде, шагая, сопеть на Земле:
 Умер Сережа Кулле¹.
 Страшно взамен языка говорить на кошмарном аргю:
 «Плачь, дорогая Марго²!».
 С шумом, живые калеки, садимся за траурный стол.
 Где же хозяин? Ушел.
 Так вот живем — у приятелей жизни минуты крадем.
 Жди нас, Сережа, придем.

*1984, Ленинград,
напечатано в «Авроре» № 4–1993*

¹ Сергей Леонидович Кулле (1936–84) — питерский поэт.

² Маргарита Васильевна Разумовская (1936–99) — филолог, исследовательница французской литературы; жена Сергея Кулле.

СОН

Как Велизарий или Помпей...

Иосиф Бродский

В вытянутой комнате с широким окном на север
На столе, приставленном к восточной стене,
Папки с обложками, плотными и зелеными, как клевер,
Худощавый служитель молча раскладывает мне.

Вот он раскрыл две огромные створки картонки —
И еще с десятков принес на спине, как куль,
Тихо улыбаясь курляндской улыбкой тонкой,
Словно Ренне, Буксгевден или Иксукуль¹.

Я, нагибаясь с лупой, смотрю на эти карты, картинки
И разбираю подписи — в ту минуту, когда
Голого большого пальца, высунувшегося из ботинка,
Касается висящий на тесемке папки кусок льда.

Тупо смотрю на лед, забыв о старинном портрете.
Вижу лишь палец нелепый, забыв лежащее на столе.
— Как же-с, ведь это — тысяча семьсот третий²! —
Тихо говорит мне в спину покойный Сережа Кулле...

...С ужасом просыпаюсь. Веет декабрьская стужа.
В комнате Петровича³ светит северная звезда.
Прячу под одеяло палец, высунувшийся наружу.
Думаю о людях, которых не увижу теперь никогда.

1984, дом Алексея Самойлова

¹ Буксгевдены, Иксукули, Ренне — старинные дворянские эстонские и курляндские фамилии.

² «Тысяча семьсот третий» появляется в этом сне не случайно: за два года до того автор закончил первую свою историко-исследовательскую повесть «1703 год», продолжив в архивах розыск материалов для следующих по хронологии сочинений.

³ «Петрович» — вестимо, Алексей Самойлов.

МОЛЧАНИЕ

Ничего давно не пишу,
 Потому что молчанье —
 Это темный тот парашют,
 На котором отчаянье,
 Подогнувши хвостик назад
 И медвежью лапку,
 В чей-то старый вспаханный сад
 Совершает посадку.

4 июня 1984 (день рождения), Ленинград

ВАРИАНТ ЗАВЕЩАНИЯ

*Однажды на ноже карманном
 Найдешь пылинку дальних стран...*

Александр Блок

В бессмертье не верю.
 Но если умру
 Не раненым зверем,
 Уползшим в нору,
 А если случится
 Мне жребий такой,
 Что в стенах больницы
 Уйду на покой,
 Не прячьте в могиле:
 Молчи не молчи,
 Мы узники были,
 Нам место — в печи.
 Любезный коллега!
 К вам — просьбицы две.
 У старых Коллегий —
 Ступеньки к Неве;
 Так урну — не в нишу,
 А к лесенке, где

Мы с Вовой¹ и Мишей²
Резвились в воде, —
И сыпьте сурово
Мой пепел на дно,
Где с Мишей и Вовой
Мы плыли давно.
Авось мимо Ханко
Сквозь узенький Зунд
К Ла-Маншу останки
Мои проползут.
Атлантики — мало!
Сквозь тысячу стран
Панамским каналом —
В другой океан!
А там — в холодину:
Вдоль северных скал
С какой-нибудь льдиной
Пройдут на Ямал
И верст этак с тыщу
Промчатся хитро,
Приклеившись к днищу
Гиганта «ро-ро»³.
Гонца Беломорья
Встречают — гудок
И дамба, и, вскоре, —
Ремонтников док.
Мой прах, как ракушки,
На них рассердясь,
Собьет пескопушка

¹ «Вова» — Владимир Иосифович Уфлянд (1937) — питерский поэт так называемой Филологической школы. Вместе с Михаилом Красильниковым и автором этих строк Уфлянд был участником ставшего вполне легендарным заплыва в июле 1956 года через Неву — от здания Двенадцати коллегий к Сенатской площади. Нашу одежду на левый берег Невы нес другой поэт Школы — Михаил Федорович Ерёмин (1936).

² «Миша» — Михаил Михайлович Красильников (1933–96) — поэт и бывший политический заключенный; вместе с Юрием Леонидовичем Михайловым (1933–90) — один из основателей Филологической школы. При жизни Красильников публиковался в питерском журнале «Аврора».

³ «Ро-ро» — тип грузового судна.

От днища — как грязь.
 На запад помчится
 Он вновь, как Нева.
 И так повторится
 Не раз и не два...
 ...Но крошечка праха,
 Сухая уже,
 Присядет, как птаха,
 На чем-то ноже,
 Проплыв океаны,
 Шутя, налегке,
 Цветному туману
 Даст место в строке, —
 Случись лишь поэту
 Приметить ее...
 И может быть, это —
 Бессмертье мое.

1985, Ленинград

В ВЕСЕЛЫЙ МИГ

Я, наверное, — безбожник:
 Мне не нравится Руссо
 (Не Жан Жак¹ — Анри², художник
 С бородой во все лицо).
 У Руссо (Анри, не Жака)
 Простоты полно всегда —
 Той, что стих у Пастернака
 Метит в поздние года.
 Но в душе отнюдь не всякий
 Полон этой простоты,
 С коей мочатся собаки
 И случаются скоты.
 А учтя сомненья эти,

¹ Жан Жак Руссо (1712–78) — французский писатель, философ.

² Анри Руссо (1841–1910) — французский художник-примитивист по прозвищу «Таможенник».

Лучше, что ни говори —
К черту всех Руссо на свете:
И Жан Жака, и Анри.

1985, Ленинград

**СВЕЧЕНЬКЕ¹ И ПЕТРОВИЧУ²
ПРИ ПОДНЕСЕНИИ ИМ
В ДЕНЬ ИХ СЕРЕБРЯНОЙ СВАДЬБЫ
КОЛЛЕКТИВНОГО ПОДАРКА
В ВИДЕ БОГЕМСКОГО СТЕКЛА**

Куда девалось серебро?
Вот мы прошли по магазинам —
Кругом народное добро
Лежит по полкам и витринам —
Лежат подтяжки и штаны,
Часы, платки. Но как обидно:
Того, чем гости вас должны
Сегодня радовать, — не видно.
Бывало, в старых городах
Рубли звенели у народца —
Теперь в Серебряных рядах³
Торгуют чем душе придется —
Ну, есть гранатовый браслет,
Ну, ложки есть из мельхиора,
А серебра-то нет как нет,
Не радует собою взора.
Ну, может, встретишь на столе
Намек на блеск его, но все же —
Лишь как чекан на хрустале,
Который сам его дороже.
Теперь и ложкой на зубок
Уж не порадуешь ребенка:
Аргентум, что копили впрок,

¹ Вестимо, Светлана Тойвовна Самойлова, жена Алексея.

² Вестимо, Алексей Петрович Самойлов, муж Светланы.

³ Старое название магазина на Невском, «под Думой».

Пошел к чертям на кинолентку,
На микросхемы для ракет,
Чтоб либо в космос мчаться, либо
(Когда достойней цели нет)
Ударить Рейгана¹ в полипа.
Нет серебра нигде, нигде!
Осталось, рассуждая строго,
Лишь у меня на бороде
(Но там его весьма немного),
Да у Анейчика в висках;
Да Лившиц², скрытый от природы,
Таит, как золото в песках,
Сребринки в буйстве куафюры.
Но это — мнимости: ведь мы —
Анейчик, Саша и Володя, —
Коль нам прикажут, из сумы
Не вытянем и меди вроде.
Ну, а подумаем слегка:
Откуда ж серебришку взяться
У Бори М.³, у Крыщука,
У Грищенко⁴ — обоих братцев?
Вот и выходит, что оно
(Как поэзиящее сказать бы?)
В одном лишь виде нам дано:
В обличье вашей дивной свадьбы.
«В надежде славы и добра»
Вперед мы смотрим без боязни,
Поскольку груды серебра
Нам подарил ваш чудный праздник.

¹ Рональд Рейган (1911–2004) — 40-й президент США; в тот год потряс мир операцией по удалению полипа с носа.

² Владимир Аронович Лившиц (1923) — питерский востоковед, член Британской академии и муж Натальи Птицыной; «буйство» его куафюры — постыдный сарказм автора.

³ «Боря М.» — Борис Моисеев.

⁴ «Братцы Грищенко» — это, во-первых, Борис Сергеевич Грищенко (1937–2004) — соученик Алексея Самойлова и автора этих строк по 2-й группе отделения журналистики филфака ЛГУ, один из руководителей Интерфакса, а во-вторых — Александр Сергеевич Грищенко (1944) — тоже выпускник филфака, ныне — дипломат.

И есть намек один простой
(Надеюсь, я хамлю не слишком?):
На вашей свадьбе золотой
Нам поразжиться б золотишком.
И предварив оваций гром,
Бокал свой подниму за то я,
Чтоб нынче ж стал он серебром,
А после — чашей золотою.
Ведь вы ж — умельцы. Вы прожить
Сумели четверть века? Ну те-с,
Теперь за вас мы будем пить
И будем есть. А вы — целуйтесь!

1985, Ленинград

ФРИДЕ ГРИГОРЬЕВНЕ ЛЕБЕДЕВОЙ¹ по случаю 60-летия

Не будьте за стих опоздавший в обиде,
Мы дружбою с Вами всечасно горды.
Отдать в этот праздник нам хочется Фриде
Григорьевне низкий поклон за труды.

Бежит борзописцев нестройное стадо,
Идет, топоча, литераторов рать —
И всех их учить (кроме нескольких!) надо
По правилам русским по-русски писать.

Порой перекраивать рукопись, вида
При том не подав, будто тронул строку.
Вот в этом искусстве Григорьевна Фрида
Джигитом срывает цветок на скаку.

И слово поет! — и веселому звуку
Во втору и терцию фразы звучит!..

¹ Фрида Григорьевна Лебедева — уникальный корректор, многие годы проработавшая в журнале «Аврора» (*прим. ред.*).

И, в общем, позвольте пожать Вашу руку...
Кто пишет — тот знает. Кто знает — молчит.

Март 1985, Ленинград

МАМОНТ

Раньше было: утром выйдешь,
Хрустнешь мышцей от души,
Растворишь глаза и видишь —
Мамонт вышел из глуши.
Подойдет к тебе он, чтобы
Подышать тебе в лицо,
А потом свивает хобот
С удовольствием в кольцо.
Добрый мамонт мохноротый,
Как мне твой приятен вид!
За доверчивость давно ты
Гнусным пращуром убит.
Оттого-то я, повинный,
Рыбной ловли не люблю,
Не охочусь — и дубиной
В кумпол мамонта не бью.

1985, Ленинград

ПОПЫТКА СОЧУВСТВИЯ

Ларисе Морозовой

В жизни нету поражений —
Только долгая игра.
Гром побед и поражений —
Канитель и мишура.
Это — ясно. Но на деле,
Средь зимы и средь весны
Блеском этой канители

Часто мы ослеплены.
Ну, а если сбросить шоры
И, дрожа, не падать ниц,
То услышишь только шорох
От листаемых страниц.
С век летит, летит ресница,
Глаз слезится голубой.
Перевернута страница —
Две другие пред тобой.

1985, Ленинград

СТАНСЫ

Анейчику в день пятидесятилетия

*Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона?*

Александр Пушкин

О, вопль женщин всех времен...

Марина Цветаева

Ему — чего-нибудь попроще бы...

Булат Окуджава

Хватать — и ждать, что вот — мильон!
Потом — по паперти, по площади...
О, вопль женщин всех времен:
«Мине чего-нибудь попроще бы!».

Мой брат, ты счастлив только тем,
Что рядом скорбной Эвридикой
Идет жена, а вместе с тем —
Соратница в судьбе великой.

Лишь ты средь нас — литой сосуд.
Кто я в сравнении? Осколок...

Ты — словно царь, вершащий суд,
Влачащий шлейф своих Николок.

Орел самойловской «Игры»,
В паренье поражавший женщин!
Улыбкой светлою сестры
Сегодня праздник твой увенчан.

Ты словно создан небом, чтоб
Нам указать, живущим вглупе:
Ты всевладеющ, как набоб,
В сей однокомнатной халупе.

Летающий в Машине Времени,
Приди, гаденыш, и глазей:
Здесь будет вечный, словно кремень,
Тысячелетия музей!

Ведь здесь живет твоя семья —
Пример (как в банке инфузория)
Презренья к благам бытия
И принадлежности к истории.

И в той семье тучнейший — ты:
Непознанный от невозможности,
Микстура чистой простоты
С экстрактом философской сложности.

Мембрана окриков судьбы,
Служитель Эроса до пенсии
(Владелец сказочной трубы —
Источника святой суспензии).

Сибирь познал ты и Ташкент,
Покрыв их знанием, как тентом.
Тобой повержен навзничь кент,
Тебя назвать посмевший Кентом.

Ты тем прекрасен и велик,
Что, словно в фокусе, сплотились

В тебе и жизни скудный лик,
И неоплатность всех усилий.

О, птенчик ласковой любви,
Кокоса Босховой причуды, —
Яви Земле и это чудо:
До сотни с лишним лет живи!

Пускай лютует Колизей,
На смерть рабов искусных плясь, —
Но нет таких среди друзей,
Кто вниз большой опустит палец.

Пусть ветер воеет, хлещет дождь,
Но, жалим в глаз познания гнусом,
Ты в жизнь без устали бредешь
Пузатым Вечным Белорусом.

Зачем на грани зримых сил
Идешь во тьме кромешной ощупью? —
Затем, что можно бы попроще бы,
А ты — Циркачку полюбил.

Затем, что смело смёл золу
Боязни ветошью суконной.
Затем... что ветру, и орлу,
И сердцу девы — нет закона...

21 февраля 1987, Ленинград

ПИСЬМО АНЕЙЧИКУ ОБ ОСНОВАХ ЗАКОНОВ НОВОГО РОССИЙСКОГО СТИХОСЛОЖЕНИЯ

За окном февраль повалил снегопад наземь —
И к артерии сонной тянет свои руки.
Понимаю: хочет всех усыпить разом —
Города, звезды, поступки, людей, звуки.

На исходе февраль — и мороз за окном злится.
Заметает снега уходящей зимы веник.
Но сегодня с тобою нечем мне поделиться:
Для достойных подарков нет у меня денег.
Опускаю уду в океан бушующей мерзоты —
Золотая рыбка к крючку начинает скольжение.
Что — поэзия? Смесь интонаций и соразмерности.
Принимай же новый способ ее сложения...
В кислоте сатир исходил Кантемир¹ гноем,
Погружая их в силлабический мир Буало².
Но ему потребно одно, а тебе — иное:
Недостаточно «рожи» — теперь подавай «ебло».
Силлабисты считали: да будет **слог**ов поровну.
Освежимся же нового строя живительным рислингом,
Чтоб в строке, считая в любую сторону,
Слов количество было размерно расчислено³,
А предлоги, союзы, частицы — не в счет: мелочь!
Избегай односложного «я»: не на пользу ритмике,
А за сим изливай Ниагару мелодий смело,
Словно нью-орлеанский трубач — синкопы и ритмики.
Сослужил языку возвратившую долг службу —
И пускай в поднебесье ленивых канцон петуха...
Что останется миру от нашей дружбы,
Кроме этого сломанного болью стиха?
Нанизал фразы на ветреной мысли вертел —
И вдвойне счастлив сегодня, вдвойне рад:
Я стихом этим тебя обессмертил.
Обессмертил тебя — не себя, а тебя, брат.
Ибо однажды, сжигая бумаги в печке,
Чиновник грядущего века случайным движением
Обнаружит, запомнит и обнародует «Письмо к Анейчику
Об основах законов нового российского стихосложения».
И пускай гололед февральский звенит звонче
И простуженный ветер чарующе в щель дует.

¹ Антиох Дмитриевич Кантемир (1708–41) — поэт-классицист.

² Никола Буало (1636–1711) — французский поэт-классицист.

³ В отличие от силлабической (равносложной) речь идет об изологической (равнословной) системе: в этом стихотворении, к примеру, в каждой строке по пять смысловых слов.

Дело сделано — значит тоннель кончен.
Человек бодрствует, значит он существует.

1987, Ленинград (впервые — в «Авроре» № 4—1993)

БОРИСУ СПАССКОМУ

Хотя по слухам нынче ты и в Штатах,
Но в этот день мы помним о тебе.
«Мы» — это те, кто был с тобой в солдатах
И кто твоей сочувствовал судьбе.
«Сочувствовал»? «Сопутствовал»? — Не важно!..
«Судьбе»? «Борьбе»? — на чей придется вкус...
«Мы» — это те, кто некогда отважно
Вкусил молодого дружества искус.
Поверь, слова о дружбе — не игрушки,
Поскольку — вспомнишь прошлое едва,
Встает перед тобой кудрявый Пушкин
И вновь звучат веселые слова:
«Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда б...» Отменный слог!
Один объедет света половину, —
А я? «Товарищ смог, а я — не смог».
Но в этом ли — в скитаниях, в пути ли
Храним мы верность выбранной судьбе?
Давно известно: мы тогда лишь в силе,
Когда верны единому Себе.
И сводится вопрос опять к тому же:
А что ж в себя вместило это «Я»?
Достоинство отца, мужчины, мужа
При звуке слов «отчизна» и «семья»?
Уверенность? Критичность? Веру? Юмор?
Презренье? Честность? Ненависть и гнев?..
Давай и дружбу прежнюю свою мы
Внесем сюда, сомнения презрев!
И если дружба держится без взяток,
То и прими совет нехитрый мой:
Вот ты вступил сейчас в шестой десяток, —
Потом иди в седьмой. Потом — в восьмой...
А если уж захочется — в девятый!..

Но вспомни, во второй вступая век:
Там, за спиной, легли твои ребята.
Там все — бело. Молчание — и снег.

30 января 1987, Ленинград

СВЕТЛАНЕ САМОЙЛОВОЙ

Дорогая, я тебя люблю!
Я сегодня буду очень краток:
Я б хотел и дней своих остаток
Провести в сем сладостном хмелю.
Дорогая, я тебя люблю!
Разделяет нас одна лишь малость:
Никогда ты мне не отдавалась —
И об этом страшно я скорблю.
Дорогая, я тебя люблю!
Удержи завистливую руку,
Чтоб не всыпать яду в рюмку другу —
Удержи, молю тебя, молю!
Скоро жизни праздничный салют
Отцветет — и, радости итожка,
Я скажу тебе все то же, то же:
«Дорогая, я тебя люблю...»

1987, Ленинград

ШИФРОВАННОЕ ПОСЛАНИЕ НИКОЛАЮ ПРОХОРОВУ¹

Над Невою, среди ингерманландских полей
Разметнувшись отважно-вальяжно,
Кто справляет сегодня большой юбилей?
Коля Прохоров — крупный и важный.

¹ «Николай Прохоров» — литературный псевдоним Николая Прохоровича Крыщука; в соответствии со способом образования этого псевдонима произошли метаморфозы имен и почти всех других персонажей сочиненного к сорокалетию Крыщука послания.

За столом, протянувшимся вширь далеко,
 Контингент подобрался хороший:
 Александр Сергеев¹, Васильев Коко²,
 Николаевы — Лев³ и Алеша⁴.
 Вдоль заставленных книгами Колиных стен,
 Вдоль стоящих шпалерами стульев
 Ходят Федя Михайлов⁵, Андреева Энн⁶,
 Михаилы — Евграфов⁷ и Юрьев⁸.
 Наливают до края себе посочки
 И вершат юбилей исполинский
 Александров⁹ с Семеновым¹⁰ (оба — Сашки),
 Александр Николаич Житинский¹¹.
 Закусив, поболтать этим людям не лень
 О трудах юбиляра, которым
 Позавидовал сам бы Михайлов Монтень¹²
 По издании их — радостно скором.
 Говорят, будто Прохоров к делу готов:
 О двухтомнике гости толкуют
 В шестьдесят (и представить-то страшно!) листов,
 Плохо веря в возможность такую.
 Но прекрасно вершит невозможное он,
 Дарованьем гостей накаляя, —
 И в восторге писатели разных времен
 Говорят о Большом Николае...
 ...Вот и выпито все. Вот и праздник прошел.
 Вот и кончилось летнее время.
 Вот и наш юбиляр головою на стол
 Повалился, целуемый всеми.
 А назавтра пойдет разговором страна:

¹ «Александр Сергеев» — Александр Сергеевич Пушкин.

² «Коко Васильев» — Николай Васильевич Гоголь (1809–52).

³ «Лев Николаев» — Лев Николаевич Толстой (1828–1910).

⁴ «Алеша Николаев» — Алексей Николаевич Толстой (1882/3–1945).

⁵ «Федя Михайлов» — Федор Михайлович Достоевский.

⁶ «Энн Андреева» — Анна Андреевна Ахматова (1889–1966).

⁷ «Михаил Евграфов» — Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин (1826–89).

⁸ «Михаил Юрьев» — Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–41).

⁹ «Сашок Александров» — Александр Александрович Блок.

¹⁰ «Сашок Семенов» — Александр Семенович Купнер (1936).

¹¹ Александр Николаевич Житинский (1941) — писатель.

¹² «Монтень Михайлов» — Мишель Монтень (1533–91).

Возродились былые застолья —
Те, что славили Питер во дни Смирдина¹
И гостями, и хлебом и солью...

1987, Чайковские бани

МОСКОВСКОЕ

*Кире Михайловской*²

Окоем на беду неширокий.
Вид пейзажа безжизнен и нов.
Красный флаг на высоком флагштоке
Меж кулисами стылых домов.
Дом стоит, по бокам от протенка
Хоры окон своих отворя.
И особого — с желчью — оттенка
Снег лежит на груди пустыря.
С неба сыплет железная крупка,
Забеляя московскую жуть, —
И в контексте любого поступка
Проступает холодная суть.

1988, Москва

ГЛОКАЯ КОЗДРА

Глокая коздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка.

*Л. В. Щерба*³

Друг мой! С минуты, с которой планета родная жива,
Рано иль поздно

¹ Александр Филиппович Смирдин (1795–1857) — книгоиздатель.

² Кира Николаевна Михайловская — писательница.

³ Лев Владимирович Щерба (1880–1944) — выдающийся советский лингвист, академик АН СССР. Автор счел возможным переименовать щербовскую «куздру» в шарымовскую «коздру» (*прим. ред.*).

Вновь повисают зловещие эти слова:
«Глокая коздра».

Скольким из нас понабила в ладони корявых гвоздей,
Вырвала ноздри,
Сколько в болотах гнилых погубила безвинных людей
Глокая коздра!

Чудище обло, огромно, стозевно — и лайяй на нас
Зло и стервозно,
Снова впивает в тебя ненавидящий алчущий глаз
Глокая коздра.

Снова, карманы набивши, дела свои прячет, как встарь:
«Коза, мол, ностра!»
Снова безглазо, но гласно хавло подняла свое тварь —
Глокая коздра.

Совести нашей бессильной сановная шваль подлецов
Грязно и грозно
Тычет армейской афганской кровавой подковкой в лицо:
Глокая коздра!

Как бы хотел я, чтоб вошью, раздавленной намертво, всмак,
Сыпнотифозной
Щелкнул, как выстрел, под ногтем крестьянина классовый
враг —
Глокая коздра!

Но безрассудны мечты — ведь задачу решила судьба
Больно, но просто:
Связана с нами навек, как и мы — провиденья раба —
Глокая коздра.

Связаны насмерть Добро и безликое хамское Зло:
Рана с коростой.
Но неизменно нам будет твое ненавистно мурло,
Глокая коздра!

Вот и всади себе в сердце иглы раскаленный алмаз,
Светлый и острый, —
Вот и живи с этой болью, до смертного часа борясь
С глокою коздрой!

4 июня 1989 года

ОПОЧИННИНСКИЙ САД

Ларисе Морозовой

Сад, что покрыт был вчера листвою,
Просматривается насквозь.
Шаг, что в аллее звучал лишь твой,
Гремит, как вбиваемый гвоздь.
Солнце осеннее стужу льет,
Желтое, как драже.
И одиночество — лишь твое —
Стало общим уже.

1989, Опочининский сад

ПРЕДНОВОГОДНЕЕ

Спасибо — ветру или Богу —
За то, что снег пошел с утра,
За то, что белые сугробы
Прикрыли мерзости двора,
За то, что мгливой пеленою
Сокрыта скверна жалких фраз
И все, творимое со мною,
Превращено в трепливый фарс.

1989, Ленинград

ИРИШЕ

Наступает золотая пора —
Просыпается осень.
Спи, моя дорогая сестра,
До без четверти восемь.

Если страсти уляжется муть,
Если трезво все взвесить, —
Может, завтра удастся заснуть
До без четверти десять.

Но идет нашей жизни игра.
Побеждает беспечность.
Спи, моя дорогая сестра,
До без четверти вечность.

Середина 80-х, Ленинград

С УЛЫБКОЙ

*Александрю Кушнеру*¹

Наш Пушкин, сбривший бакенбарды
И вздевший на нос два очка!
Люблю стихов твоих петарды,
Ледком прибитые слегка,
Их цельнокованных доспехов
Венецианский полный звук
И вечный ключ твоих успехов —
Строку, ломаемую вдруг.

1991, С.-Петербург

¹ Александр Семенович Кушнер (1936) — русский поэт.

19 ОКТЯБРЯ

*Гусей крикливых караван
Тянулся к югу...*

Александр Пушкин

Осень, Петрович... Тихо вошла осень...
Словно листья, падают в грязь люди.
И потому шелест листвы грозен.
Сосен стволы — в сонном ее гуде.
Падают в грязь люди, словно листы,
Ноги и руки раскинув, разъяв персты...

Дятла слышна дробь, икота кукушки,
Вскрики к югу летящих гусей — тоже...
Это время года любил Пушкин,
Ибо нас на двадцать был лет моложе...
В этот легкий мороз ощущал он себя бодрей.
Вижу пар изо рта, русский разлет кудрей...

В пестром — аж глазу больно! — наряде стоят чащи.
Листья безумных линий на землю кладут рощи.
Только веселья нету — и думаю все чаще
О ледяном пространстве, где видится все проще.
Память о нем — с рожденья у нас внутри.
Вспомнишь о нем — закрой глаза и смотри...

Все же, чем дальше в лес, тем очевидней сроки.
И не о том ли — летящих гусей звуки...
В этом пространстве будем мы все одиноки —
И потому сейчас нельзя размыкать руки.
Это — уроки осени. Тайный ее знак.
Спрятанный в землю завтрашних дней знак...

Не размыкайте дружеских рук, братцы,
Ни на единственный миг и ни на малость.
Что, неужели стали слабей братья?
Или от этих криков мне показалось?..

Вот почему муторно так очень
В эту, Петрович, дивную, друг, осень.

1991, С.-Петербург

(впервые напечатано в «Авроре» № 4–1993)

СТАРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Ирэне Каспару

О пешеход, бывал ли ты
Хоть раз у городской черты,
Где, как обрублен топором,
Скончался город?.. Новый дом
Глядится окнами в ольху
С листвой зеленой наверху.
Ольшаник хил и редок, но
Он смотрит с вызовом в окно:
Над ним — синей простор небес,
Уже не город он, но — лес.
Уже он лес, уже не сад,
Зажатый посреди громад
Домов под тысячу квартир;
Уже в лесу — особый мир,
Особый блеск озер и рек.
И, как на праздник, человек,
«Печальный пасынок судьбы»,
Идет сюда собирать грибы...

Там, у границы городской,
Над лесом с маленькой рекой,
Где воздух сладок, свеж и чист,
Живет-бывает старик-чекист,
Сюда ушедший на покой.
Ему — за семьдесят годин.
В квартире он живет один.
Он не случайно одинок:
Родню давно он (как уж смог,

Пока еще хватало сил)
Поочередно перебил.
Он любит свой домашний кров.
Он — длиннолиц. Лицом суров.
Его живот не тронул жир.
Он пьет не водку, а кефир.
А поутру, с постели встав,
Он гладит плечевой сустав
(Когда-то здесь у старика
Была поломана рука:
«Бывает так — махнешь рукой,
Да промахнешься сгоряча;
Работы вид у нас такой:
Особо требует — плеча...»)
С больной рукой выходит он
Пораньше утром на балкон
И, грустно голову подняв,
Мечтает об ушедших днях.

Ах, в этих годах молодых
Он так любил сбивать с копыт:
Ударом сбоку — и в поддых! —
И жертва делала кульбит.
Он так любил решать вопрос:
С размаху и наискосок
По линии «плечо — висок» —
Удар! — и жертве свернут нос.
Он так решал вопрос ребром:
По почкам, коротко — ребром!
«Дыхни, попробуй-ка, стервец! —
И жертва дохла наконец...
И вот, доживши до седых,
Подбритых скобкою волос, —
Попробуй-ка теперь — «в поддых»
Или — «удар — и свернут нос».
Нет линии «плечо — висок»,
Нет права «коротко — ребром».
Есть лозунг: «Пей томатный сок»,
Совет: «Примите на ночь бром».

Старик поник. Старик зачах
(А как бывало: «Резко — в пах!»).
И паха нет. И нету драк.
Есть пах, да свой. А в пахе — рак.
Не рак, что роется в реке,
А рак, что роет в старике,
Не радость — рак в прохладе вод,
А рак — зараза...

Через год,
Когда старик совсем уж сдаст,
Страна воздаст ему, воздаст:
Вот он скончается — и на
Его могиле ни хрена
Не будет вовсе. Ни креста,
Ни соловейки, ни клеста,
Ни памятника, ни кола,
Ни пень не встанет, ни метла,
Ни травка и ни корешок,
Ни пьяный блев и ни горшок
Ночной. И даже муравьи
Проложат прочь пути свои.
И даже черви, чтоб не пасть,
Глодать не станут эту мразь...¹

Так у границы городской,
Изъеден страшною тоской,
Пустой, ничтожный человек
Натужно доживает век.

1983, 1993, Ленинград, С.-Петербург
(опубликовано в журнале «Аврора» № 4–1993)

¹ Выделено мной (прим. Ирэны Каспари).

ЗАДАЮСЬ МНОГИМИ ВОПРОСАМИ В ДЕНЬ 19 ОКТЯБРЯ

...Это был, конечно, он.

Александр Твардовский

Поздравляю всех с блестящим
И придуманным не зря
Девятнадцатым — летящим,
Романтичным — октябрю.
Бросим к черту черный юмор,
Свитый желчью, как плетень:
Есть и так о чем подумать,
Посудачить в этот день.
Век мой, злой и тароватый, —
Что печалиться о нем,
Если зримо староватым
Становлюсь с ушедшим днем,
Если видимость — плохая,
Если стал невнятен слух,
Если ноги набухают,
А меж ними — ни бух-бух?
Вот в такие-то минуты
Вспомнишь ты **его** красы,
Ибо только по **нему** ты
Жизни меряешь часы.
Кто, родившийся сегодня,
Кто, в лицейский день рожден,
Энергичней и свободней
И подвижней, нежли он?
Кто, копьём радикулита
Продырявленный уже,
Тащит очень деловито
Груз пудовых багажей?
Кто достойно и бесстрастно
Ловит счастье на лету,
Элегантный и прекрасный
Даже в пятнах и в поту?

Кто, далекий всякой дури,
Бархат Свечиной щеки
Предпочтет объятьям гурий,
Чьи одежды так легки?
Кто, исполнен жуткой силы,
На пол свалит не спеша
За бутылкою текилы
Даже Бобку-крепыша ¹?
Кто, в газетную страницу
Удосужась не попасть,
Может так воспламениться,
Чтобы в обморок упасть?
Кто, от счастья ошалевши,
Что опять вернулся в дом,
Бьет об стенку «Оджалеш» ²,
Пья остатки со стеклом?
Кто, покуда из куста ты
Тонко воешь на Луну,
Облетел Европу, Штаты
И бразильскую страну?
Кто, в объятьях президента ³
Оказавшись наяву,
Не вкусив удач момента,
Мчит из Хельсинки в Москву?
Кто лопатит величаво
Горы тяжкого труда,
Чтоб Житинского-разяву
Опозорить навсегда?
Кто для прихоти, затеи,
Ради «паркера» пера
У Димокла-богатея ⁴
Сто доллáров взял вчера?
Кто столь щедро и по праву

¹ «Бобка-крепыш» — Борис Грищенко, мастер борьбы с текилой.

² «Оджалеш» — грузинское полусладкое вино.

³ Имеется в виду историческая встреча Алексея Самойлова с президентом Финляндии Мауно Койвисто (1923).

⁴ «Димокл-богатея» — Дмитрий Павлович Губин (1964) — журналист, главный редактор журнала для мужчин «ГНМ».

Деньги выложит сполна,
 Чтоб Анейчик на халяву
 Выпил пива и вина?
 Кто, что б там ни говорили,
 К черту почести послава,
 Читт друзей и пурмарили¹
 Выше всяких жалких слав?
 Кто по сердцу, как по крови,
 Нами в братья занесен?
 Сэм, Самойлов А. Петрович!
 Это был, конечно, он!

1993, С.-Петербург, сауна на Зимнем стадионе

ЕЩЕ СОН

*Памяти отца —
 Матвея Филипповича Шарымова*

Я знаю: есть Город, где жив мой отец,
 Давно уж надевший смертельный венец,
 Лишившийся жизни веселой огня,
 Покинувший в муке и мир и меня.
 Но жив он — и в Городе этом живет:
 К себе меня тихо и сладко зовет,
 Грустит обо мне — и ночами ко мне
 Является часто и тайно во сне.
 Но странное дело: во снах этих он
 Какой-то стеной от меня отделен.
 И в гневе я стенку ломаю и жгу,
 Но только пробиться к нему не могу.
 И все же не плачу о том среди сна,
 Поскольку уверен: сдается стена.
 Боюсь этой встречи, но радостно жду
 И знаю: пробью и пробьюсь — и приду.
 Тогда уж обнимемся крепко с отцом:

¹ Пурмарили — пир (*грузинск.*). Страсть к пурмарили Алексей разделяет с любовью к сауне.

«Ты выглядишь сносно». — «И ты молодцом»...
Тогда уж уведает дочка моя:
Есть Город, где живы — отец мой и я.

1994, С.-Петербург

ФРАЗА ПАМЯТИ ИБ ¹

*Куда уходит тот канал,
Куда Иосиф поканал?*

По Бродскому

Чтоб сохранить связующую нить —
Улику в предстоящем долгом споре, —
Распорядись себя похоронить
В краю дворцов (построенных при море,
Вторгающемся в сушу глубоко),
В старинном поселении (в округе,
Которых нам отыщутся легко
Аналоги на севере и юге),
В Европе, в дивном городе из снов
С ладонью рек, с текучими мостами
(Лежащем на десятке островов,
Отчерченных не нашими перстами,
В согласье с чем эпитетом «святой»
Там хрупких храмов названо немало,
И купола растут во тьме густой,
Как лапы якорей на дне канала),
В порту (чьи корабли пускались в путь
По скачущим пунктирам в океане),
Который есть не просто чей-нибудь,
Но Боциса и Луки Дамиани.²

¹ «ИБ» в данном случае — инициал Иосифа Бродского (ниже инициал этот означает уже другого человека).

² Шаутбейнахт (контр-адмирал) Иван Боцис и капитан Лука Дамиани (Демьянов) — венецианские моряки начала XVIII века на русской службе на Балтике.

(О первом Петр¹ однажды скажет так:
 «ИБ служил искусно нам, но все же
 Шаутбейнахт умре; спустите флаг;
 Отправьте тело парусником к дожу»);
 Вот так и ты отправишься — пускай
 Искатели доищутся когда-то,
 Зачем все тлела тусклая тоска
 О том, к чему не виделось возврата.

*7–8 февраля 1996, Москва.
 Впервые — в «Авроре» № 6–1996*

Стихотворение было написано, когда тело Бродского еще не было переправлено из Нью-Йорка в Венецию, но о решении этом уже стало известно.

Я хотел подчеркнуть в стихотворении географическую и архитектурную адекватность Венеции и Петербурга, что делает версию о двойном предназначении места будущего упокоения Иосифа не столь уж надуманным. По крайней мере, никто из знакомых Бродского о таком двойничестве вроде не писал.

ДВЕНАДЦАТЬ СЕМНАДЦАТЫХ ДНЕЙ

Табун разудалых коней
 В степи пролетает и тонет.
 Двенадцать семнадцатых дней
 В судьбе моей мчатся, как кони.
 Ранжира для дней этих нет
 И каждый огромен и скромн,
 И запах особый и цвет
 У каждого дня незаёмен.

Серебряным светом горя,
 В торосах стоит у причала

¹ «Петр» — русский царь Петр I Алексеевич, по договоренности с венецианским дожем взявший к себе на флот ряд опытных капитанов.

Семнадцатый день января
И года венчает начало.
Он — как свежевыпавший снег
Пронзительно пахнет теченьем
Воды, чей стремительный бег
Ни с чем не потерпит сличенья.

Когда розовата земля
От утренних туч над полями,
Семнадцатый день февраля
В санях заезжает за нами.
Как ветер, что мчит и затем,
В мансардах запутавшись, тает,
Он пахнет и морем, и тем,
Над чем по пути пролетает.

Как сельский чудака-паренек
В отчаянно-алой сорочке,
Семнадцатый марта денек
Лукаво стоит в уголочке.
Веселой любви часовой,
Презревший закон и науки,
Он пахнет внезапной зарей,
В полнеба раскинувшей руки.

Сирень по углам, и сирень,
Куда ни помотришь, повсюду:
Апреля семнадцатый день,
Весны получающий ссуду.
Сиреневой чуткой лисой
Ступая неслышно на лапах,
Он пахнет ночью росой:
Тягучий и ласковый запах!..

Как солнечный юркий желток,
Как пол, навощенный до блеска,
Семнадцатый мая денек
Цветком промелькнет в перелеске.
Он сладостно спит, как енот,

Хвостом прикрывающий ухо.
С полей его веет и вод
Медвяным целительным духом...

Но негу забывши и лень,
Оранжевым мячиком пляшет
Июня семнадцатый день,
Вобравший и море, и пляжи.
Он вкусен, как манговый сок,
Он полон движенья и роста.
Ракушкой, растертой в песок,
Он пахнет задумчиво-просто.

Прикройся зонтом и надень
Коричневых шторок оконца:
Июльский семнадцатый день
Вполне шоколаден от солнца.
Коричневы шторы для глаз,
Коричнево в день этот небо.
Он пахнет краюшкою час
Назад испеченного хлеба.

Зеленой травы дребедень
Всю землю покрыла, качаясь;
Семнадцатый августа день
Идет, сквозь нее продираясь.
Идет — и проходит. Но ты
Из памяти все не стираешь:
Он пахнет, как пахнут листы,
Когда их в руке растираешь.

С утра золотится заря,
А к ночи закат золотится.
Семнадцатый день сентября —
Он сноп золотистой пшеницы.
И руки, и плечи, и грудь,
Спина, и живот, и колена
Пропитаны — аж не вздохнуть! —
Щекочущим запахом сена.

Рябиновый отблеск не зря
Сквозит из хаоса колдобин:
Семнадцатый день октября
Кровавому Марсу подобен.
Но сам он себе господин —
Болтун, доходяга, бездельник,
Он пахнет, как английский джин,
Как ангельский фрукт — можжевельник.

Ладони, как дом растворя,
В них небо вобрав голубое,
Семнадцатый день ноября
Соседствует рядом с тобою.
Как сокол, запущенный влет,
Он воздух кромсает с обидой.
Он пахнет, как панцирный лед
Над каменным дном Антарктиды.

Как чашка в руках кустаря,
Склонившего выю над нею,
Семнадцатый день декабря
Слезой в финале синее.
Ничем он не пахнет. Оно
Понятно, явление это:
Ведь запаха все лишено,
Что синим помечено цветом.

Ни цвета, ни запаха Бог
Не знает, как пресная ватка.
Но если б ответить я мог,
Откуда приходит догадка?
Тогда бы — узнавши о ней,
Догнав ее бойкою гончей, —
Двенадцать семнадцатых дней
Воспел я смелее и звонче.

1996, С.-Петербург

Равнозначна природе, как птицы, собаки и овцы,
И отлично видна от восточной ограды моста:
Эти буйные ясени, тонкие клены, ольха,
Эти кроны осин, что над кладбищем реют шумливо,
И склоненные временем к водам корявые ивы
Составляют, как небо и реки, основу стиха.
С берегов тут встает допетровско-варяжская Русь,
Сохранившая имя старинное — Ямакайоки¹,
Донесенное к нам через долгие годы и сроки,
Как карельско-ижорские ясные очи и грусть.
Это все — на восток. А на запад царит сопромат,
Геометрия, ватман, расчеты до заданной точки.
Лишь весной привезенные липы пускают листочки
Вдоль сереющих в небе немых этажерок-громзд.
Справа — Петр и Русь, и сто тысяч могил мертвецов²,
Слева новое русло Смоленка стремится к горизонту.
Между ними — пространство моста, как подобие фронта,
Как пристанище умных детей и усталых отцов.
Дивный мост! Оттого я еще уподоблю его
Дню рожденья, где справа темнеют отжившие годы,
Слева — серый гранит пьедестала неясной свободы
И химерного счастья — ее, моего, твоего.

1996, С.-Петербург

Понятие «допетровско-варяжская Русь», встречающееся в этом стихотворении, связано с моими историческими исследованиями древнего Приневья. Появление народа, позже ставшего именоваться русами, относится к последним годам дохристианской эры и связано с приходом в Скандинавию и на Карельский перешеек племени «рухс-асы» («светлые асы») во главе с их легендарным харизматическим вождем Одним. Пройдя с юга на север по Скандинавскому полуострову, «рухс-асы» поселились на «острове руков»: его с севера образовывала Вуокса, протекавшая раньше по линии Выборг — Приозерск, с востока — Ладога, с юга — Нева, а с запада — Невская губа Финского залива. Смешавшись на этом

¹ «Ямакайоки» — так на шведской карте XVII века названа Смоленка. По-фински это означает «речка с ледяными горками»: видимо, с таких горок тут катались аборигены будущего Васильевского острова.

² «Сто тысяч могил» — Смоленское кладбище.

«острове» с местными племенами корелы и ижоры, «рухс-асы» дали им свое этническое имя, которое позже, в IX веке, получили и славяне Приильменя и Киева. Рюрик — этнический рус, славянин и швед, — а позже норвежец Олег стали основателями Древнерусского государства. Что до варягов, то этим именем называли и русов, и шведов, и норвежцев, и англов, и уроженцев острова Готланда; «варяг» обозначало скорее образ жизни, было понятием социально-географическим, нежели этническим.

Эти соображения я изложил в книге «Предыстория Санкт-Петербурга», пока не изданной. Вторая часть книги называется «1703-й: хроника года и его загадки» и посвящена основанию Петербурга.¹

ДЕКАРТОВ² ЛИСТ

Алексею Самойлову

$x^3 + y^3 - \text{Заху есть ничто.}$

Михаил Ерёмин

Тишина такая, что слышу: ногти
 Растут, на подушке скрипя.
 В тишине этой лежа, раскинув локти,
 Размышляю вслух про тебя.
 Я не знаю чувства нежней и строже
 Того, что мерцает во мне:
 Может стать оно взрывчатее, но все же
 Таким же настойчивым — нет.
 Слава, Богу, живы в нас величины,
 Словно лист Декартов, чисты,
 В чьих мирах любовь к мужчине мужчины —
 Не болезнь, не страсть и не стыд.
 наших душ, как прежде, нерасторжимость,
 По общению нашем тоска,

¹ Книга «Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год» вышла в свет в 2004 г. в издательстве «Журнал “Нева”» (прим. ред.).

² Рене Декарт (1596–1650) — французский философ, математик, физик и физиолог. Декартов лист — алгебраическая кривая 3-го порядка: $x^3 + y^3 - \text{Заху} = 0$.

Словно прессом сдавленная пружина,
Сохраняет пламя броска.
Лист Декартов — вычурная кривая.
Так за что ж я его люблю?
Ведь тройник из суммы кубов вычитая,
Все равно приходишь к нулю.
Вроде, можно брать — из любых количеств, —
Самолюбие теща свое.
Но из нас двоих ничего не вычесть.
Разве только жизнь самое.

1996, С.-Петербург

РАСКАЯНИЕ

Родной Ирэше — в день юбилея

Вот праздник пришел твой, играя,
И небо салютом горит,
Но что ж на душе, дорогая,
Тоскливо и сердце щемит?
Когда вместо умственных этик
Вершит наша совесть права,
Простейшая из арифметик
Диктует бесстрастно слова.
Подсчетов ее не отрину:
Ведь в полном согласии с ней
Ты мне отдала половину
Из прожитой жизни своей.
Полжизни и скудной и нищей,
Покорной внушенной судьбе —
И должен бы сторицей, тыщей
Воздать я за это тебе.
Но будто бы этак и надо,
И будто того лишь и ждал,
Ни златом, ни ласковым взглядом
Тебе я за то не воздал...
Я знаю: уже не поправить

Того, что я сделал и нет.
 Просить ни о чем я не вправе:
 Ведь нечего ждать мне в ответ.
 Мир склеен уж так, как он склеен,
 Вполне безобразен на вид.
 Надежда одна только тлеет:
 Что все-таки сердце щемит.
 А если надежда такая
 Питает покуда сердца,
 Давай помолчим, дорогая,
 И двинемся в путь — до конца.

1996, С.-Петербург

БАЛЛАДА О САНТЬЯГО

Александру Анейчику

Дорогой мой брат Анейчик!
 В день большого юбилея¹
 Я пишу тебе посланье
 Слогом старым и — испанским
 (Щас узнаешь, почему).
 Я хочу сегодня вспомнить,
 Как с тобой мы вместе жили
 На земле Петрозаводской,
 В Богом проклятой мансарде
 На подворье Зигуна².
 Мы с тобой тогда служили
 В телевидении местном
 У прекрасного еврея
 Леопольдовича Кана
 По прозвищу Илья³.
 Жили весело и — бедно.
 Впрочем, сил вполне хватало

¹ Стихотворение написано к 60-летию Александра Николаевича.

² Яков Зигун — петрозаводский домовладелец.

³ Илья Леопольдович Кан (1913–81) — в ту пору директор Петрозаводской студии телевидения.

(Как-то ты сумел на сутки
 Милицейскую бригаду
 На фиг парализовать).
 В жажде опыта и знаний
 Мы учебные рассказы
 По ночам с тобой писали.
 Много нам насочинялось...
 Сохранилась ли тетрадь?¹
 Вспомнить радостно сегодня,
 Как мы в «Похъеле»² кутили,
 Как к нам в гости приезжали
 Незабвенные девицы
 Лора М. с Аленой Б.³
 Ах, забыть ли, как скрипели
 Деревянные ступени
 Под легчайшими ступнями
 (Но об этом при Ницуле⁴
 Мы пожалуй, помолчим...)!)

...Но одно воспоминанье
 Душу мне *томит* сегодня...
 Помнишь, был у нас с тобою
 Пес по имени Сантьяго —
 Замечательный щенок.
 (Вот поэтому я слогом
 И пишу тебе испанским:
 Вспомни Яго Компостелло —
 «Sancto Jago Compostello» —
 У Пруткова у Козьмы⁵.)
 Это был щенок веселый

¹ Некоторые рассказы той поры сохранились, но, разумеется, опубликованы они — за исключением рассказа о Пушкине «Тяжело тебе нести меня?» — не были в силу дурного их качества.

² «Похъела» — это гостиница «Северная» с рестораном.

³ «Лора М. с Аленой Б.» — две прекрасные незнакомки-филологини: одна из Великобритании, другая — из Чехословакии.

⁴ «Ницуля» — Нина Владимировна Василькова, жена Анейчика.

⁵ «Козьма Прутков» — литературный персонаж, дитя фантазии графа Алексея Константиновича Толстого (1817–75) и братьев Жемчужниковых — Алексея (1821–1908), Александра (1826–96) и Владимира (1830–84) — Михайловичей. «Sancto Jago Compostello» — из стихотворения Козьмы Пруткова «Осада Памбы».

Серо-бурой подлой масти
С глупым носом и глазами,
Впрочем, преданный и верный,
Как любая из собак.
Позже как-то мы пустили
Меж друзей такую сплетню,
Будто в трудную минуту
(Мы нередко голодали)
Съели мы с тобой щенка,
Съели бедного Сантьягу
Вместе с носом и глазами,
С потрохами и когтями,
Вместе с серенькою шубкой,
Не оставив и хвоста.
То была, конечно, просто
Отвратительная шутка
Из того вранья, в котором
Вы с Самойловым порою
Были очень хороши...
Но хочу тебе признаться,
Что сейчас совсем не помню,
Что же сделалось с Сантьягой
И куда он подевался
Из мансарды Зигуна?¹
Что такое происходит?..
Почему так ранит сердце
Не свершенное деянье,
Если в том, что мы свершали,
Есть о чем посожалеть?
Или, может быть, на самом
Деле съели мы Сантьягу,
Только совесть сознаваться
В этой пакости не хочет
И поэтому молчит?..
Или дело в том, что просто
Над минувшим мы не властны?
Был у нас щенок — и голод.

¹ Совсем недавно я вспомнил, что Сантьяго на самом деле остался жив: однажды, попав позже в Петрозаводск, я заглянул во двор нашего домовладельца; там стояла будка и в ней сидел на цепи здоровенный пес «серо-бурой подлой масти» — это и был некогда маленький и свободный Сантьяго...

Но щенка уж нет. Остался
Голод. Больше — ничего.
И теперь вверху над нами
В небесах воспоминаний
Мчит, как облако, Сантьяго.
Мчит — и тает... Грустно что-то...
Выпить, что ли? — за тебя!

1997, С.-Петербург

ПИТЕРСКОЕ

Дмитрию Губину

Я брожу при стокаратской
Бриллиантовой луне
По посадской,
По пиратской
Петроградской
Стороне —
И в ночи финно-угорской
Мне тревожно от луны,
От чертовской,
От мордовской,
Допетровской
Старины.

1997, С.-Петербург

СЛОВО В СВЯТО-ДАНИЛОВОМ МОНАСТЫРЕ

1 июня 1997 года я произнес это «Слово» в трапезной московского Свято-Данилова монастыря на юбилее 60-летия Бориса Сергеевича Грищенко, моего друга и соученика по 2-й группе журнальстики филфака ЛГУ, а ныне одного из руководителей Интерфакса¹.

¹ Борис Сергеевич Грищенко скончался 21 апреля 2004 г. (*прим. ред.*).

*Should you ask me, whence this stories,
Whence this legends and traditions?*

Henry Longfellow.
«The song of Hiawatha»

*...В доме сером и высоком
У морских ворот Невы.*

Анна Ахматова.
«Я пришла к поэту в гости...»

*Кто ты, Рыба, что с такой заботой
Материнской смотришь на меня?..*

Борис Гриценко.
«Седая Рыба»

Я пройду по Офицерской
До Английского проспекта ¹.
Я от дома Мейерхольда ²
Добреду до дома Блока ³
Над водой зеленой Пряжки.
А потом сверну налево
И войду во двор просторный,
Где случайно сохранился
Старый флигель «Дома-Сказки» ⁴,
И взойду в подъезд заветный,
И, поднявшись по ступенькам,
Позвоню в один звонок...

¹ В годы нашей учебы в ЛГУ эти магистрали назывались, соответственно, Декабристов и Маклина.

² Всеволод Эмильевич Мейерхольд (1874–1940) — режиссер; жил в доме 32 по Офицерской на углу с Театральной площадью.

³ Александр Блок жил с 1912 до смерти в 1921 году в доме 57 по Офицерской улице на углу с набережной речки Пряжки; в доме Блока сейчас — мемориальный музей поэта. В наши университетские годы такого музея тут еще не было.

⁴ Почти полностью разрушенный в войну «Дом-Сказка» располагался на территории дома 41 по нынешнему Английскому проспекту; позже дом на углу Английского и Офицерской отстроили: в квартире этого-то дома на третьем этаже и жило семейство Гриценко.

Мне откроют дверь — и сразу
Попаду я в мир знакомый,
Силой памяти на сорок
Лет назад перенесясь...
На зюйд-вест пойду сначала —
В мир загадочной гостиной,
Где жеманно и картаво
Александр Николаич¹
Сообщает нам с пластинки
Что-то там про Сингапур;
Где под скатертью крахмальной
Весь в фужерах и закусках
Стол раздвинутый стоит;
Где сидит Сергей Сергеич²,
Отойдя от пианино,
Взяв на нем лихой аккорд.
Ликом — вылитый фельдмаршал
Шереметев³: с благородной
Белоснежной сединою,
Словно в пудре парика;
Рядом с ним сидит фигура
Корабела дяди Бори⁴
С дивным «знаешь-понимаешь»,
Кoим сильно обогнал он
Президента (тоже Б⁵);
А за Клопотовым нежно
С телевизора, с экрана,
Окуджава⁶ — сердцегласный
И еще тридцатилетний —

¹ Александр Николаевич Вертинский (1889–1957) — поэт, певец.

² Сергей Сергеевич Гриценко (1906–77) — питерский инженер-кораблестроитель, отец Бориса Сергеевича.

³ Борис Петрович Шереметев (1652–1718) — петровский генерал-фельдмаршал.

⁴ «Дядя Боря» — Борис Евгеньевич Клопотов (1906–74) — тогда директор Адмиралтейского завода; его именем названо было грузовое судно «Корабел Клопотов».

⁵ Борис Ельцин.

⁶ Булат Шалвович Окуджава (1924–97) — поэт и бард, песни которого автор впервые услышал по телевизору в доме Гриценко.

И «Полковника»¹ звучанье,
И купанье в теплой ванне
Спяню — в брюках и носках,
И другого рода страсти:
Не любовные однако,
А настольного футбола
«Мировой чемпионат»...
Впрочем, вспомню и другое:
В длинной комнате с балконом
На стене висит картинка —
На оgrade на чугунных
Остриях торчат гирлянды
Окровавленных сердец²;
Тут и вспомню наши танцы,
Колыханье юбок Лоры³,
Туго стянутую косу,
Незабытую любовь;
А еще я вспомню пламень
Стихотворных состязаний,
«Аллигатора» и «Рыбу»⁴
С вопрошаньем: «Кто ты, Рыба?..»
(Я теперь отгадку знаю,
Кем была Седая Рыба:
Это был Сергей Сергеич,
За «заботой материнской»
Скрытый автором стиха!).
И над всем над этим — облик
Незабвенного Бориса.
Знаменитый нос; и губы
С сардонической усмешкой —
Слышу голос ироничный,

¹ «Там, где полковник не пройдет...» — первая строка песни, которую мы пели на военных сборах.

² «Солнечный день. Лорелея прошла» — акварель автора, посвященная его сердечной привязанности, героине следующих строк.

³ «Лора» — Лариса Морозова, которую автор однажды чуть не убил на вечеринке у Грищенко, неудачно выполнив рок-н-рольное па с переворотом партнерши через голову.

⁴ «Это было, когда Аллигатор вспотел...» и «Седая Рыба» — популярные стихотворения Бориса Сергеевича.

Тихий возглас: «Ох, Шарымов!...»;
 Вижу блеск живых и карих,
 С сумасшедшинкой, но все же,
 Как у мамы, добрых глаз...
 Как приятно сознавать нам,
 Что у нас — уже задолго
 До Боба Гребенщикова¹ —
 Свой Великий был БГ.
 Как прекрасно чувство дружбы,
 Как горит оно и греет,
 Словно солнца луч в ладони!
 Что ж о прошлом горевать,
 Раз оно, как прежде, в сердце
 И пылает, и болит?..

Ну, а если вдруг взгрустнется
 Мне о том, что, как ни бейся,
 Въяве больше не вернуть, —
 Я пройду по Офицерской
 До Английского проспекта
 И в зеленой тихой Пряжке
 Утоплю свою печаль.

1997, С.-Петербург—Москва

СОНЕТ АЛЕКСЕЮ ИВАНОВУ

Я знал одного Иванова, который был немцем.

*Михаил Лермонтов.
 «Герой нашего времени»*

Вы с Лермонтовым схожи. В вас обоих
 Пылает страсть (по счастью — не порок)
 И — важный штрих! — увядшею травую
 Висят концы у рукописных строк.

¹ Борис Борисович Гребенщиков (1953) — рок-поэт, музыкант и певец, которого с юных лет именовали «Великим БГ»; Бориса Сергеевича тоже в юности называли «Бобом»; «Великим» он был всегда.

Ты не похож на Лермонтова. Вдвое
Ты органичнее. И к тому ж — не строг.
Хотя, как он, наверное, б не смог
Царапать имя милой на обоях.

Давай с тобою как-нибудь устроим
Мы чтение Михайлова «Героя» —
И что-то нам откроет дивный слог:

Ну, скажем, то, что ты-то уж, дружок,
Творца в эпиграф вынесенных строк
Переживешь не вчетверо, так втрое.

1998, С.-Петербург

ЗАВЕЩАНИЕ ШЕКСПИРА

Кире Михайловской

...И вдаль ушел с улыбкой.

*Владимир Набоков
«Шекспир» (1924)*

«Мной, Уильямом Шекспиром»¹ в знак прощанья
Подписанное в марте завещанье
(Где в подписи как будто бы резец
Два слова вывел, третье же скукожил
Последних лет припадок жалкой дрожи),
Вот это завещанье — образец
Дотошности в деталях и в науке
Унылой казуистики и скуки,
Достойный подражанья, — что в укор

¹ «By me William Shakspeare» — последний из сохранившихся автографов Шекспира (род. в 1564) под его завещанием, составленным нотариусом Фрэнсисом Коллинзом и подписанным Шекспиром 25 марта 1616 года, за месяц до смерти. Все сохранившиеся — с 1612 года — автографы Шекспира написаны дрожащим почерком, за исключением слов «...by me William» в его последней в жизни подписи.

Поставят мне неумные потомки,
Есть завещанье жизни. Злой и тонкий
Итог того, чем жил я до сих пор...

Для тех, чей слог от первородства выспрен,
Я — «Вилм Шекспир»¹, который ненавистен
Всем снобам мира тем, что неучен,
Что Кембриджа не кончил; что повсюду,
Где только мог, дома скупал; что ссуды
Давал займы; что соблюдал закон:
«Взял в долг — верни сполна, включая пени»,
Беря с людей их шиллинги и пенни...

Все это равно повергает в шок
Тех, кто твердит: поэт высоколобый
Не должен звуков издавать утробой.
Но гений так же ходит на горшок
(Коль речь заходит о простолюдине),
Как лорды, короли и герцогини;
Как первый мой патрон и кредитор
Саутгемптон² или Рэтленд-малолеток³,
Мой информатор, Кориэта предок⁴
(Чего ему не ставлю я в укор)...

Казалось бы, канон живет поныне:
«Не знаю я, как шествуют богини,

¹ «Wilm Shakespeare» — так в 1603 году Шекспир был назван в числе восьми членов труппы лондонского театра «Глобус», которые по воцарении короля Иакова I стали именоваться «слугами Его Величества».

² Граф Саутгемптон Генри Ризли — молодой вельможа, которому Шекспир посвятил первые свои поэтические опысы: поэмы «Венера и Адонис» (1593) и «Обещанная Лукреция» (1594).

³ Граф Рэтленд Роджер Мэннерс — один из претендентов на роль «подлинного Шекспира» (см. книгу Ильи Гилловова «Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса», 1997). Когда Шекспир уже опубликовал первые свои зрелые произведения, студенту Рэтленду было 17 лет.

⁴ В 1611 году в Лондоне появилась книга «Кориэтовы недепости», автором которой был якобы некий Томас Кориэт. Характеризуя его, поэт Бен Джонсон писал в предисловии к книге:

«Пытливый Роджер» тут паролем было —
«Правдивый Том» теперь его сменило...

Но милая шагает по земле»¹;
Казалось бы, и формула готова:
«Он человек был в полном смысле слова»² —
И книга, и бутылка на столе.
Но снобам идол надобен фигурный,
Шагающий по сцене на котурнах,
Сюда с Небес свалившийся живьем.
А если уж «Шекспир», то им привычный —
Начитанный и аристократичный,
И глупо «Потрясающий Копьем»³.
А мне в «Шекспире» видится другое:
Ловец, взмахнувший хищно острогою
Над тенью, мчащей в Эйвоне хитро,
К финалу жизни переживший драму
И тремором сведенный в эпиграмму:
«Шекспир», увы, — «Дрожащее Перо»...

Что двигает недугом — злым и жалким
(К бутылке страсть? К любви, недавно жаркой?
А может, просто Божья благодать?), —
Диктующим каким-то слогом скрытым
Поэту над открытым манускриптом:
«Ты ничего не сможешь написать»?..
И я покинул Лондон беспокойный⁴,
Свой труд в нем завершив вполне достойно:
Став лучшим сочинителем Земли.
Теперь пускай там рукописи ищут
Из тех, что Джонсон Бен с собой, дружнице,
И Драйтон Майкл вчера не увезли⁵.

¹ Сонет 130. Перевод Самуила Маршака.

² «Гамлет». Перевод Бориса Пастернака.

³ «Shake-speare», как подписаны многие произведения Шекспира, переводят обычно: «Потрясающий Копьем», но «speare» означает также «острога».

⁴ Шекспир навсегда уехал из Лондона в Стратфорд-на Эйвоне около 1613 года; примерно тогда же, за три года до смерти, навсегда прекратилась его творческая деятельность.

⁵ Предание гласит, что незадолго до кончины Шекспира его посетили в Стратфорде-на-Эйвоне лондонские поэты Бен Джонсон и Майкл Драйтон. После пирушки с ними Шекспир разболелся, что и стало причиной его смерти.

Как хороша была у нас пирушка,
 Как часто поднимали к небу кружки,
 Какая память вдохновляла нас!..
 Но с их отъездом стало мне несладко:
 Меня скрутила злая лихорадка —
 И словно слышу: бьет печальный час...
 Но если я так безысходно болен,
 То завещанье, что составил Коллинз,
 Наш стратфордский нотариус, пора
 Достать (коль скоро миг унылый близок)
 И перечсть составленный им список...

Вот — дочки: Джудит, Сьюзен¹... Вот — сестра
 Джоан²... А вот — жена-старушка Анна³...
 Вот — Лизбет, внучка⁴... Вот — и окаянный
 Дик Бербедж⁵ — собутыльник и актер...
 Из тех, с кем я играл, кого дурачил —
 Джон Хеминг с Генри Конделлом⁶, — тем паче,
 Что в «Глобусе» шел с ними разговор
 (Вопросы обсуждались и другие)
 О выпуске моей драматургии —
 Конечно, после смерти, ибо я
 Не получал иной за пьесы платы,
 Чем та, что полагалась мне по штату
 Как совладельцу труппы на паях...

Мне внятно содержанье документа:
 Я расписал доходы и проценты
 На много — может, на сто! — лет вперед

¹ Сьюзен и Джудит — старшая и младшая дочери Шекспира. Сьюзен в замужестве носила фамилию Холл.

² Джоан (в замужестве Хард) — сестра Шекспира.

³ Анна (в девичестве Хетгуэй) — жена Шекспира; она была на восемь лет старше мужа, и в 1616 году ей исполнилось шестьдесят.

⁴ Елизавета (во втором замужестве Барриард) — внучка Шекспира.

⁵ Ричард Бербедж — актер труппы «Глобуса», которого связывали с Шекспиром годы дружбы и общих веселых походов.

⁶ Генри Конделл и Джон Хеминг — сослуживцы Шекспира по «Глобусу», которые в 1623 году вместе с Беном Джонсоном участвовали в издании так называемого Великого Фолио — первого собрания «Мистера Уильяма Шекспира Комедий, Хроник и Трагедий» — и подписали обращение к читателям и к покровителям издания — графам Пембруку и Монтгомери.

(Как будто я и в самом деле — гений,
Провидящий, на сколько поколений
Мне продолженье рода Бог пошлет¹).
Но кто же осмеет мои расчеты?
Я должен был продумать их до йоты
За девочек безграмотных моих:
Живя в ином — не этом — измеренье,
Я не вникал в заботы об ученье, —
Так должен хоть расчислить все для них...

А что до вас, мой Бербедрж, Конделл, Хеминг,
Я уложил вас в той же самой схеме,
Связав вас крепко памятным кольцом
(Его по завещанию получит
Любой из вас²), чтоб вы трудились лучше —
И я предстал бы, кем и был: Творцом.

Все — до «второй по качеству кровати»³ —
Предусмотрел больной предприниматель
С трясущейся от тремора рукой!..

И видя: эта главная забота
Просчитана без нарушенья счета,
Я ухожу спокойно на покой...

А что до тех, кто реет в эмпиреях
И зрит во мне лишь Шейлока-еврея,
То, зная меж стихом и цифрой связь,
Склонясь над ними, словно мать над зыбкой,
Я сквозь века смотрю на них с улыбкой,
Легко над их неведением смеюсь.

*7–10 марта 1998; 4-е офтальмологическое отделение
2-й Санкт-Петербургской городской многопрофильной больницы*

¹ Род Шекспира прекратился не на седьмом (завещание было рассчитано на этот срок), а на втором после него поколении — со смертью внучки его Елизаветы Бариард, скончавшейся в 1670 году.

² Бербедржу, Хемингу и Конделлу выделялась по завещанию Шекспира небольшая сумма на приобретение памятных колец.

³ «Вторая по качеству кровать» завещалась Шекспиром жене Анне — с трудновоспринимаемым, но явно проницательным подтекстом.

ВСТРЕЧА

Алексею Самойлову

На пути от Петербурга
 К Сарской мызе¹ островной,
 Где, случается, подруга
 Тенькнет тонкою струной,
 Смуглый отрок в пелерине
 Проскользнет сквозь нас, как тень,
 И оставят нас в помине
 Почечуй и потетень².
 Скажет Пушкин: «О! Ляксан!»
 (А в руке его — стакан),
 Молвит нежно: «А! Ляксеи!» —
 И отправится в Лицей.

1998, С.-Петербург

КРИК В ПОДНЕБЕСЬЕ

Маше Загорской³

В рассветный час я вышел на Смоленку⁴.
 Проехал «форд». Прошел с клюкой старик.
 Но в общем было тихо — как в застенке.
 И тут раздался сверху этот крик.
 Крик в поднебесье. Полный сладкой грусти,
 Тревоги о неведомой судьбе.
 Его узнал я: то кричали гуси.
 Я почему-то вспомнил о тебе.
 Вдали заря алела, хорошея.
 Я пред собой увидел птицу вдруг —

¹ «Сарская мыза» — одно из начальных названий Царского Села: «Saari-moise» по-фински и по-карельски — «Островная мыза».

² Слово «потетень» — изобретение автора; означает «потетень».

³ Мария Николаевна Загорская — финансистка; сестра Ирэны Каспари.

⁴ Смоленка — река, текущая мимо дома автора; по утрам автор выгуливает тут своего пуделя Борю.

Со страстно, тонко вытянутой шеей,
С глазами, устремленными на юг.
Представил я пунктир ее движенья
На скованных усталостью крылах:
Паденье — взмах — паденье — взмах — паденье —
Взмах и паденье — взмах — паденье — взмах.
Я знаю все, моя родная птица:
Полет велик, а силы где ж возьмешь?
Итог один: лететь, пока летится,
Потом решить: «Все кончено». И все ж,
Страницы взмахов сбивчиво листая,
Суметь рубеж ужасный превзойти...
Крик в поднебесье — знак того, что стая
Еще в пути. Устала, но — в пути.

1998, С.-Петербург

О ПРИРОДЕ

Природа всегда безобразна,
Пока не узнаешь ее.
Болотная топь непролазна,
Чащоб неопрятно гнилье.
Но вспыхнет любовь в человеке —
И сразу меняется день:
В болотах рождаются реки,
Из чащи выходит олень.

1998, С.-Петербург

ПАМЯТИ МАРГАРИТЫ РАЗУМОВСКОЙ

...Что видишь?..

Василий Жуковский

Те глаза давно закрыты,
Но вопрос звенит сверчком:
Что ты видишь нерасшитым

С операции зрачком?
 Ведь под вечно спящим веком
 Скрыт немислимый ответ,
 Что нам делать с нами, веком,
 Если нас и века нет.
 Что осталось? Пылкость взоров,
 Так умеющих обжечь,
 Память губ твоих, в которых
 Навсегда умолкла речь.
 Но ответь мне, друг мой Рита,
 Просигналь мне ночничком,
 Что ж ты видишь нерасшитым
 С операции зрачком?

1999, С.-Петербург

Смерть застала Маргариту Разумовскую, лингвистку и переводчицу с французского, жену Сережи Кулле, в больнице, где ей вставили в зрачок новый хрусталик, привезенный из-за границы, и уже собирались снимать швы, но тут...

В ПОЛОВИНЕ ШЕСТОГО

Петровичу

Зимы, зисы и татры...

...Состав земли не знает грязи...

Борис Пастернак. «Вакханалия»

День приходит — и снова,
 Подчиняясь судьбе,
 В половине шестого
 Мы приходим к тебе.
 И как будто нарочно,
 Словно отзвук немой,
 В сочетании с прошлым
 Стих рождается мой.
 «Зимы, зисы и татры» —
 Было так до сих пор.

Зямы, Зоси и Сартры —
Современный набор.
«Зямы» — скепсис и дружба,
Бытовой оптимизм
И душевная стужа,
И веселый цинизм.
«Зоси» — то, что сурово
Заставляет взлетать
С половины шестого
На двенадцать ноль пять.
«Сартры» — Франция, сложность
Философских систем,
Смелость и — осторожность
Вместе с тем, вместе с тем...
Не подвержены тленю
И спасенье несут
Корни сопоставлений,
Прорастающих в суть.
Суть — не в вихре, конечно,
Вековых перемен,
А в надежности вечной
Наших женщин и стен.
И поэтому наземь
Мы упасть не смогли.
И по-прежнему грязи
Нет в составе земли.
И по первому зову
Мы готовы придти
В половине шестого
Или, скажем, к шести.

1999, С.-Петербург

РОЖДЕСТВО

Пахнет еловою странной листвою,
Елочной свечкой и спичкой.
Вновь в нашу жизнь ворвалось Рождество
Праздником, просто привычкой.

ИННЕ¹

Сольвейг²! Ты прибежала на лыжах ко мне...

Александр Блок

Инна, ты прибежала ко мне по лесам
(Не ко мне прибежала, а к нам),
Те леса окружали твой дом, как кора:
Красить стены настала пора.
В вашей кухне мы с Тойво³ прекрасным коньяк
Распивали как дружества знак.
И внезапно в окне стало вдвое светлей —
Ты там встала с подружкой своей.
В жизни было немало пленительных встреч —
Эту в памяти смог я сберечь.
Эта девочка — дикий, свободный зверек
Со сверканием вымытых ног.
Чистый образ — томительней сотни Лолит⁴ —
В сердце так же горит и болит.

2000, С.-Петербург

ОСНОВЫ МАСТЕРСТВА

Александру Анейчику

Волшебная текстура
Лежит перед тобой,
Когда литература
Становится судьбой.
Не то чтоб ты обязан
Глаголы лить рекой,

¹ «Инна» — см. прим. на стр. 46.

² «Сольвейг» (надо: «Сольвег») — Солнечный путь (*норвежск.*).

³ Петрозаводские артисты Тойво Иванович Ланкинен (1907–1970) и Дарья Кузьминична Карпова (1914–2003) — родители Светланы, Инны и Пауля (1947).

⁴ «Лолита» (Долорес Гейз, в замужестве миссис Ричард Ф. Скиллер) — героиня одноименного романа Владимира Набокова.

А просто жизнью связан
 С написанной строкой.
 И как вино в стакане
 Вживается в слова,
 Хранит структура ткани
 Основы мастерства,
 Где крупно все и крепко,
 И переплетено,
 А пряди четкой лепки —
 И лоно, и руно,
 А говоря иначе,
 И секс, и красота...
 А что все это значит,
 Не знаю ни черта,
 Зане укрыто в нитях
 Заветное число
 И фраза, извините,
 Скрывает ремесло.

2000, С.-Петербург

ЛЕТНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ МАЛЬЧИКУ, КОТОРЫЙ РОДИЛСЯ ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ

Мальчик действительно родился 13 ноября 2000 года в Нью-Йорке у Владимира Николаевича Кукушкина и Екатерины Александровны Шарымовой и получил имя Никита К. (Кукушкин) Шарымов, восприняв фамилии матери и — как middle name — отца.

Любопытно, что, не зная имени будущего внука, автор стихотворения проявил своего рода прозорливость, еще за четыре месяца до рождения мальчика упомянув в восьмой строке «китеныша» (Никита — Кит).

Наверное, в названье есть оплошность:
 Ведь осень для тебя не станет «поздней» —
 У вас там, на Манхэттене, немножко
 Все межсезонья как-то несерьезны.
 Но главное не в этом. Межсезоний
 Ты просто знать практически не будешь,

Вращенный в атлантическом озоне,
Резвящийся китенышем в запруде.
В тебя войдет не наш российский климат
С его дождями, стынью и морозом —
Ты будешь с детства солнцем теплым вымыт
И избежишь чахоточной угрозы.
Ты никогда, увы, не станешь русским
(Хоть русским быть — тяжелое наследство),
Но, слава Богу, избежишь нагрузки
Сполна понять, что значит «жить по средствам»,
Ты будешь искрой — как вино в стакане.
И будешь знать, какое это счастье —
Сказать спокойно: «Я — американец,
Но все-таки и русский я отчасти».
Возьмешь ты все, что выдадут по штату
Создатели твоей грядущей силы:
Сметливость и порядочность — у Штатов,
Душевность и духовность — у России...

Письмо пошлю, когда тебе полгода
Исполнится — наверно, где-то в мае.
Давно настанет теплая погода.
Ты будешь слушать, слов не понимая,
Но вдруг поймешь: оконный этот лучик
Родился где-то очень вдалеке —
Как отраженье капельки текучей,
Сползающей у деда по щеке.

11 июня 2000, С.-Петербург

ПРОЩАНИЕ

*Даше*¹

Ты уходишь — и твой уход
Мне не кажется очень странным.
Ты уходишь в двадцатый год.

¹ «Даша» — Дарья Александровна Шарымова. Стихотворение написано 18 октября — в день ее девятнадцатилетия — накануне ее отъезда в Штаты.

Ты уходишь в другие страны.
 Ты запомнишь прощальный тост,
 Бездну чувств и слова простые.
 Две ладони и чей-то хвост¹
 Машут вслед тебе из России.

2000, С.-Петербург

У КОНДОПОЖСКОЙ УСПЕНСКОЙ ЦЕРКВИ

*Алексею Самойлову
 в день рождения*

Было стыло. Неслись облака.
 Начинался апрельский рассвет.
 И тогда на краю городка
 Я увидел ее силуэт.

Я спросил у старушки:
 — Где от храма ключи?
 — У последней избушки
 Под окном постучи...

Кондопожская церковь росла
 Неожиданно ввысь от крыльца.
 Мне тяжелую дверь отперла
 С тихим взором смотрительница.

У порога стояла,
 Поводила рукой
 И молчала, молчала,
 Как озерный покой.

Что же, церковь была хороша
 От крыльца до резного венца,

¹ «Две ладони и чей-то хвост» — это наши с Ирэнрой ладони и хвост нашего пуделя Бори.

Но владела тобою, душа,
С тихим взором смотрительница,

Что спокойно, без злости
Вводит путника в дом...
Хочешь к Господу в гости? —
Постучи под окном.

*Апрель 1960—октябрь 2000,
Кондопога — С.-Петербург*

Это стихотворение — своеобразный римейк написанного сорок лет назад «Апреля»; только церковь тут названа своим настоящим именем: Успенская, а не Вознесения.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА АЛЛОЯ¹

При нашей последней встрече 7 декабря 2000 года Володя сказал мне: «Ты знаешь, когда в Париже умерла моя собака, я едва сра-зу же чуть не отправился вслед за нею...» Через месяц его не стало.

Нельзя терять своих собак
Тем, кто душою хрупок...
Но разве можно только так
Расценивать поступок?
Душа бежала прочь, больна,
Из тошной круговерти...
Какие нынче времена —
Такие нынче смерти.

2001, С.-Петербург

¹ Владимир Ефимович Аллой (1945–2001) — редактор, издатель, историк; 8 января 2001 года покончил жизнь самоубийством. По толкованию Алексея Самойлова, причиной драмы был конфликт Володи со временем: не календарным, а метафизическим.

ВЕСЕННЕЕ ТОМЛЕНИЕ

Александрю Анейчику

Мчит весна по лощинам —
 Хорошо и ежу.
 А я, грузный мужчина,
 У забора лежу.
 Мне рукою не двинуть,
 Мне и глаз не раскрыть,
 Мне и трубку не вынуть
 Да и не раскурить.
 Только чудится: птица
 Свищет мне с вышины.
 Только песенка снится
 Из прошедшей весны.
 Только солнце напомнит,
 Проползая к виску,
 Как брелось хорошо мне
 Босиком по песку.

2001, С.-Петербург

АКРОСОНЕТ

*«Любовь» — «атог» по-латыни.
 От любви бывает мор,
 Море слез, тоски пустыня,
 Мрак, морока и позор.*

«Любовный гербовник»

Любовь к тебе — не просто дар случайный,
 А данный в ранней юности обет
 Рассудочности скучной и печальной
 И скромности, в которой толку нет.
 Страсть надиктует строфику и бред,
 А в них — на шелковистой розе чайной —
 Мороку чувств и проблеск пряной тайны:

Оливки вкус имеет твой секрет.
Раздвоенный на сдержанность и пылкость,
Останется ли стих пустой посылкой,
Запомнится ль без мнительных цезур?
Одно ответом в памяти запало:
Все расплелось, отплыло, отпылало,
А живы в ней и атог и атоуг.

2001, С.-Петербург

КОМЕТА

Наташе Птицыной

*...Как незаконная комета
В кругу расчисленном светил.*

Александр Пушкин

Пора французских фестивалей,
Хрущевской оттепели всхлип,
Мазина¹ в темном кинозале —
Вот этих дней волшебный клип.
И на ступеньках «Великана»²
(В нем представляется как раз
Впервые Одри³ нам с экрана)
Ты появляешься среди нас.
Звенят трамваи Ленинграда,
Осенний лист летит винтом,
Кричит павлин из зоосада.
Но суть не в этом. Дело в том,
Что в нашу жизнь, как в осень эту,
Тыходишь на пределе сил —

¹ Джульетта Мазина (1921–94) — итальянская киноактриса; впервые мы увидели ее в эти годы в «Дороге» Федерико Феллини.

² «Великан» — самый большой кинотеатр Ленинграда того времени.

³ «Одри» — знаменитая американская киноактриса Одри Хепбёрн. Здесь речь идет о фильме «Война и мир» Кинга Видора, где Одри исполнила роль Наташи Ростово́й.

Вполне законною кометой
В среду расчисленных светил.

30 сентября 2001, С.-Петербург

«А Наташа — такая красавица!» — писал мне из Душанбе Тимур Зульфикаров (см. о нем в комментарии к стихотворению «Родные поэты»). Она приехала в Питер — и я убедился, что Тимур был прав.

ПИСЬМО НА ДРЕВНЕРУССКОЙ БЕРЁСТЕ ДАШЕНЬКЕ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

*...А теперь — что за век, что за тьма!
Где письмо? Не дождешься письма!..*

Александр Кушнер

Вот как стану моложе чуть-чуть,
Соберусь я в октябрьский путь
И, покинувши Питер свой топкий,
В старый Новгород вмиг доберусь,
Где покоится Древняя Русь,
Где ведет археолог раскопки.

Ярус выберу двадцать восьмой.
Добрый ангел заботливый мой
Мне поможет — и поздно иль рано
Отыщу я «писало» для строк
И берёсты старинной кусок,
Как письмо Жировита к Стояну.

Сдам берёсту я в местный архив,
Но «писало», от мира сокрыв
И ученым его не отдавши,
Привезу с собой в Питер тайком,
Чтоб однажды послать вечерком
С верным нарочным в Штаты — для Даши.

Ну, а Даша, про нас не забыв,
Смело в третий десяток вступив,
Раздобудет берёсты кусочек —
И затейливой вязью своей
Тем «писалом» продавит на ней
Два десятка целительных строчек.

Вот. А вы говорите, что — «тьма»,
Что никак «не дождешься письма»,
Хоть проблема решается просто:
Только ветер сквозь зубы свистит —
И, как ласточка, в Питер летит
Из Нью-Йорка листочек берёсты.

18 октября 2001, С.-Петербург

Самый глубокий, 28-й, ярус, где ведутся новгородские раскопки, — самый древний, и именно тут найдены были относящиеся к X веку «писала» — костяные ручки, которыми новгородцы выдавливали на берёсте свои письма и рисунки. А самое древнее из обнаруженных берестяных писем и есть послание XI столетия Жировита к Стояну.

ГИТАРА ГАЛИЧА¹

В основе этого стихотворения, написанного к 65-летию Алексея Петровича Самойлова, лежит реальный факт, имевший место в редакции питерского журнала «Аврора», где мы работали, в середине 70-х годов прошлого века.

«Аврора» Окуджаву вознамерилась
Печатать. И любимый нами бард
Приехал в Питер — и тогда уверенно
Мы к главному явились: «Где Булат?
Пускай придет, споет». И Торопыгин² нам

¹ Александр Аркадьевич Галич (1918–77) — драматург, поэт-исполнитель авторских песен. С 1974 года жил во Франции.

² Владимир Васильевич Торопыгин (1928–80) — поэт и прозаик, главный редактор журналов «Костер» и «Аврора».

Сказал: «Гитары нету — вот вопрос».
 — «Я принесу», — Петрович неожиданно,
 С ухмылкой ответил — и принес...

...Булат аккорд на пробу взял опасливо —
 И на губах улыбка расцвела:
 «Я вижу, что она в руках у мастера,
 Гитара эта дивная, была...»
 И глядя вбок, как будто бы рассеянно,
 Петрович Оқуджаве отвечал:
 «Ее Беньяш, Раисе Моисеевне¹,
 Перед отъездом Галич озвучал...»
 Молчал Булат. Негромко так наигрывал,
 Сжимая в тонких пальцах чуткий гриф,
 Петровичу кивая с Торопыгиным,
 Как будто с кем-то власть поговорив.
 Потом запел — и было что-то в песне той
 От мысли, прорывающейся едва,
 Когда в мотив, летящий нотной лесенкой,
 Диктует кто-то нужные слова.
 Звучали песни — и простые, вроде бы,
 Но горло чем-то мнущие тебе.
 И Соловьевы² — Леночка с Володею —
 Писали их на пленку для гэбэ...

...Прошло лет сто с того бывшего случая —
 И поредел тех слушателей ряд.
 Ушла Беньяш. И Галич улетучился.
 И Торопыгин в нетях. И Булат.
 Но живы мы! — и то, что было давеча,
 Еще не скрылось в мраке до конца:
 Еще звучит, звучит гитара Галича —
 И души нам терзает, и сердца...

19 октября 2001, С.-Петербург

¹ Раиса Моисеевна Беньяш (1914–86) — театральный критик и писатель.

² «Соловьевы» — Елена Константиновна Клепикова, тогда — сотрудница «Авроры», и Владимир Исаакович Соловьев (1942), литературный критик.

О НАШЕЙ РОДОСЛОВНОЙ

*Никите К. Шарьмову
в его первую годовщину*

Родословная есть у Пушкиных,
Курьяновичей¹ и Кукушкиных.
Пролетевши шариком мимо них,
Расскажу тебе о Шарьмовых.

Мой отец мне не раз говаривал
Про Шарьмовых, что татаре мы,
Что «Шарым» — по мнению дервишей —
Означает «мечом владеющий»,
Но под старость, прозревши быстро,
Впал в сугубое русофильство,
Утверждая теперь играючи,
Что Шарьмов — «шары ымающий»,
Что Шарьмовых, дед² рассказывал, —
Полсела, остальные — Глазовы,
А «глаза», мол, и есть — «шары»...

Вот и выйди из этой игры:
Чьим мечом ты плашмя ударен³?
Кто ты — русский или татарин?..

Но по маме⁴ я — Иванóв,
И не надо тут лишних слов.

13 ноября 2001, С.-Петербург

¹ Курьянович Р. А. — мама Каспари И. П., второй жены автора (*прим. ред.*).

² «Дед» — Филипп Петрович Шарьмов (1880–1952), владелец маслобойки в приволжском селе Прислониха, затем — железнодорожный рабочий на станции Баладжары под Баку, директор МТС близ Симбирска, заключенный, а в конце жизни — «вышибала» (швейцар) в самарском ресторане.

³ В Средневековье ударом меча плашмя по плечу человека посвящали в рыцари.

⁴ «Мама» — Валентина Андреевна Иванова (1914–79), библиотекарь и библиограф, дочь Андрея Ивановича Иванова (1883–1932), капитана дальнего плавания (см. о нем «Балладу о капитане Иванове»).

БАЛЛАДА О КАПИТАНЕ ИВАНОВЕ

Правнучке Кате — о прадеде Андрее

Начало тридцатых годов.
Привычно умело и ходко
Ведет капитан Иванов
Корабль «Индигирку» с Чукотки.
Семь дней «Индигирка» идет —
И в звездах, как в пламени адском,
У сопки Любви¹ предстает
Пред ней Петропавловск-Камчатский.
Но звезды рассвет погасил —
И, грязный, небритый и жуткий,
Чекист на корабль ступил
В потрепанной кожаной куртке:
«Полтысячи зеков — и тиф
Их косит стремглав и жестоко.
Спасешь их, с собой прихватив
И вывезя к Владивостоку...»
Излишних не надобно слов
В минуту решений серьезных —
И принял на борт Иванов
Полтысячи сыпнотифозных...

Летел сухогруз, как стрела,
Своим океанским маршрутом.
Лишь за борт спускали тела
Конвойные умерших утром
И, крепок и прям, как кинжал,
Обследовав трюм для порядка,
Их в путь капитан провожал
Гудком сипловатым и кратким.
Семь дней пронеслись как один —
И Владивосток у причала
Людей принимал в карантин.

¹ В стихотворении все факты реальны: в частности, сопка Любви образует бухту Петропавловска-Камчатского.

И было спасенных немало.
Но страшный итог был суров
(Не выкинешь слова из песни!):
Сгорел капитан Иванов
От сыпнотифозной болезни...

...Жена хоронила его,
Три дочки, друзья-капитаны,
Но не было там никого
Из тех заключенных с охраной.
Над самым обрывом (и вновь
С волной океанскою рядом)
Лег в землю Андрей Иванов.
И памятник встал над оградой.
Потом налетел ураган
С какой-то неистовой силой,
Обрушивши вниз, в океан,
И памятник тот, и могилу...

...Кто вспомнит тридцатых годов
Начало — и грустную повесть,
Как сгинул Андрей Иванов —
Мой дед, — о других беспокоясь?
Какой невеселый итог?
Что помнят про деда сегодня
Чукотка и Владивосток,
Пунктиров морских многоводье,
Торговый шанхайский вокзал,
Япония¹ и Петропавловск?..

...Я эти стихи написал,
Чтоб память о нем не терялась.

29 ноября 2001, С.-Петербург

¹ Капитан дальнего плавания Андрей Иванович Иванов ходил не только отечественными, но и иноземными морями, побывал во многих дальневосточных портах. Ему предлагали уйти за границу — он отказался.

ИРЭШЕ

Я люблю, когда в свете экрана —
Глядя в пламень его голубой,
Растревожив зажившую рану,
Пораженные чьей-то судьбой
И сочувствия редкой удачей
Уносимые, словно рекой, —
Мы с тобой одновременно плачем,
Заслонясь друг от друга рукой.
Сантименты забавны — и все же
Как мы им благодарны всегда:
Многих радостей в жизни дороже
Это общее чувство стыда,
Что большее теперь и приятней,
Чем привязанность прежних времен,
Чем изнеженность прежних объятий
И любви завершающий стон...
...Сострадания живого помимо
Объяснить ничему не дано,
Чем мы вместе так долго хранимы,
С чем пройдем до черты — заодно.

17 декабря 2001, С.-Петербург

ТЕРЯЮ ЗРЕНИЕ

Я ухожу в мир звуков и теней,
Но в том судьбу не число виноватой,
Проживши жизнь вполне подслеповато
И не найдя ни в чем претензий к ней.
Наоборот, я многое ясней
Сегодня представляю, чем когда-то;
Но в прошлое, по счастью, нет возврата,
А только — путь в мир звуков и теней.

2001, С.-Петербург

РОДНЫЕ ПОЭТЫ

Писал о Бродском. Позже —
О Кушнере стихок.
И о Кулле Сереже
Сказать чего-то смог.
Но что ж так список скромн?
Расширь его скорей!
Где Уфлянд? Где Ерёмин?
Где Леня? Миха? Рейн?
Кондратов где? А в пару —
Где Лосев, наш авгур?
И где же Зульфикаров
Касымович Тимур?

1995, 2001, С.-Петербург

Это стихотворение заслуживает особого комментария. В нем упомянуты поэты, которых автор имеет основания называть «родными» и относящиеся к двум не зависящим друг от друга группам.

В составе первой группы — умерший в Нью-Йорке Иосиф Александрович Бродский, москвич Тимур Касымович Зульфикаров (1936), петербуржец Александр Семенович Кушнер (1936) и москвич Евгений Борисович Рейн (1935).

Именно Рейн еще в университетские годы как-то познакомил меня на Невском с Бродским. В ту же пору мы с Рейном, Лосевым и актрисой Ниной Васильковой выступали в ДК промкооперации на вечере французской поэзии.

Время знакомства с Кушнером я, увы, не помню, а вот с Зульфикаровым я встретился в общежитии Ректорского домика ЛГУ в первый день своего появления там — и наши кровати волею случая стояли рядом; из разговора выяснилось, что Тимур знает моего батюшку Матвея Филипповича, а я от отца был наслышан о Тимуровой маме, языковедке Людмиле Владимировне Успенской (1909–2000).

Вторая группа — это поэты «Филологической школы», или Круга Михаила Красильникова: «Миха» — это сам Михаил Михайлович Красильников, москвич Леонид Аркадьевич Виноградов, петербуржцы Михаил Федорович Ерёмин и покойные Александр

Михайлович Кондратов (1937–93) и Сергей Леонидович Кулле, а также ныне здравствующие житель Ганновера (Нью-Хемпшир, США) Лев Вольфович (Владимирович) Лифшиц (Лосев), по-семейному — Леша, и петербуржец Владимир Иосифович Уфлянд. В годы работы в журнале «Аврора» я приложил руку к публикации почти всех этих поэтов и написал предисловия к подборкам стихов Ерёмина, Кондратова, Лосева и Уфлянда.

Формально не принадлежа к «Филологической школе» (это понятие введено было в литературоведческий оборот в 1997 году журналом «Литературное обозрение»), автор этих строк поддерживал с поэтами «круга Михаила Красильникова» (определение антологии «Самиздат века» 1997 года) дружеские отношения еще со студенческой поры, то есть в 1954–59 годы.

С Михаилом Красильниковым мы выпускали до конца 1956 года стихотворные листы на спортивные темы, вывешивая их на стенах филфака. После того как Красильников был арестован и сослан в лагерь мордовского поселка Явас, я послал ему рассказ из моего рукописного сборника «Семь дней недели в Пасадене» (куда этот сборник потом подевался, не знаю). В рассказе описывался реальный случай, когда Уфлянд (в повествовании он выступал под именем индейца Руфа Ланда) устроил дебош в пивном баре, сильно потрепав при этом милицейский патруль. Персонажами рассказа были также сам Миха Красильников (отсиджавший срок за кражу красок художник Майкл Пайнтер), Ерёмин — Эрл Йоминг, Лифшиц — Ли Фитц, Виноградов — Вайн Таун, Кулле — Кул Ле, Самойлов — Сэм Олаф, Анейчик — Эню Чех, Грищенко — Грис Чен Кай, Спасский — Спью Скай, Бузинов — Бу Зенон, Наташа Птицына — Одри Пти Син (от франко-английского «Маленький грех») и Лариса Морозова — Лисси Фрост, а также сам автор рассказа — Шарль Римовье.

Красильников прислал мне из ссылки благодарственную цидулку, в которой сравнивал меня с популярным в ту пору писателем Виктором Голявкиным¹.

Позже, в 1964 году, в очерке «Презумпция невиновности» из ленинградского сборника «Преступление будет раскрыто», я описал Красильникова в образе участкового милиционера, а Лешу Лифшица — в виде районного хулигана. Шутка сошла с рук...

¹ Виктор Владимирович Голявкин (1933–2001) — писатель, художник.

Приятельские отношения связывали меня с Ерёминым, Виноградовым и Уфляндом.

Ерёмину я помогал переводить «тысячи» с английского. Виноградов в трудные дни жил у нас с Натальей. Уфлянд (вместе с Грищенко, Самойловым, Анейчиком и Вильчинским) принял участие в хулиганской акции на филфаке, в ходе которой автор этих строк метнул учебную дымовую шашку в узкий лестничный проход между двумя крыльями факультета. Уфлянду же при этом (для «прикрытия») был выписан документ на имя Ван дер Люббе. Тоже сошло с рук, хотя дыма на факультете было много...

С Лешей Лифшицем мы составались в переводе с французского стихов из Шарля Леконта де Лилля (1818–94). Арбитром был Сережа Кулле, причем судил достаточно остроумно и неожиданно, с хитрецей.

Году в 1956-м Леша выпустил рукописный сборник, составленный из его, Кулле, и моих стихов (последние были, кажется, отчаянно нехороши). Сборник был на факультете замечен и раскритикован за лютую антиобщественность. Куда он потом подевался, не знаю: Леша говорил, что сжег его, но в это верится с трудом...

Обменивались мы с Лешей и палиндромами, перевертнями. Он писал мне, помяная богиню безумия Атэ:

Ты — поэт. Атэ опыт.
Дурак ты, пытка руд...

Я отвечал ему, памятуя проработку его комсомольцами факультета за чтение на картошке ницшевского «Заратустры»:

А ты, брат, лакал зла кал тар быта.
Несет все те свет тесен.
Но рояле сева каши мук, ум ишака веселя, оран...

Прочитав мое послание, Леша сказал мне:

— Ты — сумасшедший...

И вот прошло уже почти полвека, а я все не знаю, что ему на это возразить.

2001, С.-Петербург

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ ЖИТИНСКОМУ в день его 61-летия

*...И мне сегодня шестьдесят один,
И сойка вишни с веточек клюет,
И длят стрекозы звучный свой полет...*

Владимир Набоков. «Бледный огонь»

Проживши столько, ощущаешь вдруг,
Что в жизни не страшит ничто: ни стук
Птенца в груди, тревожный и двойной,
Ни клюва выпад — острый и больной;
Что все привычно — и быстры, бодры
Ходы опасной жизненной игры;
Что все верней, свободна и легка,
На лист ложится новая строка;
Что впечатляет ярче, чем вчера,
Груди абрис и линия бедра,
И вишни вкус, с оскоминой, у рта,
И стрекозиных крыльев красота.

19 января 2002, С.-Петербург

СОНЕТ К ВЕТРУ

Увидел странный сон вчера я,
Как под какой-то дикий вой
Я все диктую, умирая,
Кому-то стих последний свой.

Потом, глаза закрыв и зная,
Что этот мир — уже не мой,
Лежу, ненужный и немой,
Еще чего-то ожидая...

Теперь, куда ни побреду я,
Свой путь бессмысленный торя,

Услышу лишь, как ветер дует
В ночи крошечной, негодюя
И мрачно мертвого коря
За жизнь, потраченную зря.

17 февраля 2002, С.-Петербург

НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ КАТИ

Ну вот я и дома.
Тюрьма за спиной.
И в теле истома.
И воздух иной.
И Боря со стоном
улегся у ног.
И счастье бездонно.
И сон не в упрек.
И кажется даже,
что жизнь — колобок —
Не ниточка пряжи,
а целый клубок.

29 ноября 2002, С.-Петербург

Сколько мне известно, это — последнее из сохранившихся стихотворений Саша. День его выписки из больницы (1-й Медицинский институт Санкт-Петербурга) совпал с днем рождения старшей дочери Кати.

17 марта 2003 года он скончался в Покровской больнице от третьего, обширного, инфаркта.

Саша так и не увидел своего горячо любимого внука, не узнал о том, что его исторический труд «Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год» получил, наконец, поддержку мэрии (мне сообщили об этом через месяц после его смерти) и будет опубликован в начале 2004 года, и он не дождался 300-летия Санкт-Петербурга, которого так ждал...

Похоронили мы Сашу, строго следуя его завещанию, высыпав прах в Неву на спуске напротив здания Двенадцати Коллегий (комментарий мой, — *Ирэна Каспари*).

Раздел II

«ЭНТОМОЛОГИЧЕСКИЕ»¹ ПОЭМЫ

¹ Слово «энтомологические» взято в заголовке раздела II в кавычки потому, что автор употребил его достаточно условно. Если жуки, будучи насекомыми, имеют к энтомологии прямое отношение, то пауки — нет, хотя на протяжении более двухсот лет — до 1948 года — пауков тоже относили к насекомым. Теперь — нет.

Однако и те и другие имеют сходство. Они — животные, они миниатюрны, многоноги, многочисленны, трудолюбивы, жизнестойки и неукротимы, а для меня лично — и весьма симпатичны. Оттого-то я и позволил себе объединить их общим псевдонаучным термином.

ДОЯР ПАУКОВ

Поэма с комментариями доктора Жореса Претулло

Алексею Самойлову¹

I. МЕЧТА

Независим от пут и оков,
И активности солнечных пятен,
Это пишет Дояр Пауков²
И мечтает, что будет понятен.

¹ Алексей Петрович Самойлов в год написания поэмы — 1976-й — заведовал отделом публицистики в ленинградском журнале «Аврора». Был членом ВТО и Союза журналистов (позже стал членом Союза писателей Санкт-Петербурга). Поэма была написана к 40-летию Алексея Петровича и преподнесена ему в качестве дара.

² Вопрос о том, кто «пишет» поэму, отнюдь не так прост, как может показаться на первый взгляд.

Поэма написана от имени и, несомненно, со слов главного ее героя — Дояра Устиновича Паукова (1936–98), в прошлом зоолога-арахноведа, а в последние годы художника-иллюстратора и инвалида, до недавней поры жившего в Петербурге.

II. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ВОСТОКОВЕДА

Под воздействием неких чар,
О двусмыслице даже не чая,
Мне присвоили¹ имя «Дояр»:
«Две любимых» оно означает²...
Помню я душанбинский вокзал,
Где, над именем всласть прослезившись,
Перевод мне его подсказал

С другой стороны известно, что текст поэмы был записан рукой Александра Матвеевича Шарымова и был вручен А. П. Самойлову 19 октября 1976 года.

После этого в 90-е годы поэма была утеряна при пожаре Дома писателей, где она находилась в процессе попытки прозаика Николая Прохоровича Крыщука опубликовать ее в новооткрывшемся было журнале «Ленинград», и ныне восстановлена автором комментариев по остаткам черновой рукописи (с добавлением отдельных сведений о последних двух с лишним десятилетиях жизни Д. У. Паукова).

Интересно, что уже в первой строфе поэмы (она же — первая ее глава) появляется тема независимости и свободолюбия главного героя, ранее автором комментариев незамеченная.

¹ Точнее: не «присвоили», а «присвоила». Имя «Дояр» дала герою поэмы его мать, Бибиханым Козульфикарова (1918–98), уроженка памирского села, жители которого славились красотой необычайно больших глаз. Сына Бибиханым родила уже после смерти мужа, Устина Паукова, и воспитала мальчика в Душанбе (тогда — Сталинабаде) сама, впрочем, оставшись до недавней смерти неученой, полуграмотной таджичкой-горячкой.

² Всемирно известный востоковед Владимир Аронович Лившиц — между прочим, тоже один из героев поэмы, сыгравший в жизни ее главного героя немаловажную роль, — говорил нам, однако, что «дояр» — не вполне точно соответствует персидскому словосочетанию «две возлюбленные». Тут вернее было бы: «ду-яр».

Однако Бибиханым назвала сына именно так; в силу чего — сейчас уже трудно установить (может быть, это — особенность произношения в ее высокогорном селе?).

Ленинградец по имени Лившиц.
 «Две любимых! — вскричал он. — Каков!
 Но, однако, не в имени дело.
 Что с фамилией вы, Пауков,
 Со своею намерены делать?
 Без причин не ссужает Аллах
 Именами сынов своих сирых. —
 И улыбка легла на губах
 И скептическом лице факира. —
 Без причин не спрядается нить
 И имен не дают человеку.
 Приготовьтесь, голубчик, доить
 Пауков до скончания века».
 Лил из глаз он насмешливый свет,
 Как веселая злая гиена¹.
 Из кармана виднелся билет
 «Палестинского общества»² члена.
 «Две любимых! — он вновь повторил. —
 Что ж, примите мое пожеланье
 Не растратить с любимыми сил,
 Не усердствовать в лишнем старанье...»
 И крепки были тело и дух
 Ленинградского востоковеда.
 Было видно: готов он и двух,
 Да и больше любимых отведать.
 Как из чьих-то стихов Серафим,
 Он меня заразил, шестикрылый³,

¹ Замечу, что, по нашим наблюдениям, и герой поэмы, и ее составитель, и ее адресат за все время знакомства с В. А. Лившицем относились к нему весьма по-дружески, если не сказать — любовно. Так что все негативно выглядящие выражения, относящиеся к нему (типа: «как веселая злая гиена»), есть лишь поэтические вольности, но отнюдь не слова осуждения.

² Точнее, «Русско-палестинского общества» (основано на рубеже веков в Петербурге, закрыто после 1917-го и воссоздано в середине нашего столетия).

³ Речь, видимо, идет о «Пророке» А. С. Пушкина:

...И ангел с крыльями шестью
 На перекрестке появился...

Жизнелюбием жарким своим
И — увы, не духовною — силой...
Если ты в состоянии мочь —
Выход дай накопившейся силе.

.....
Мне двоих заменила в ту ночь
Душанбинская девушка Лиля¹...

Что любовь вытворяет с людьми!
О судьба моя с ликом уroda,
Эти дни без возврата возьми
И сотри эти страшные годы —
И уцербов души лабиринт,
И обетов фальшивую звонкость,
И хватательный этот инстинкт,
И постыдную чувства нетонкость...
Что с людьми вытворяет любовь!
Чуть окончив слова и движенья,
Ненасытной неясью вновь
Начинает желанье круженье.
Вроде, время отстать и остыть,
Но опять обречен ты (навек?)
Видеть пульса биенье² сквозь стыд,
Через полусмеженные веки.
И плененный пряданием ног,
В жалкой страсти слепой и свирепый,
Я забыл про туманный намек
О фамилии нашей нелепой.
Я не знал, что, смеша дураков
(Но на них не тая укоризны),

¹ Как В. А. Лившиц, так и его супруга, видный российский астрофизик Наталья Григорьевна Птицына, настоятельно просили не путать героиню поэмы Лилю с Лилей Датхаевой, жительницей Душанбе как раз в пору пребывания там Дояра Паукова, но в настоящее время вполне респектабельной обитательницей Британских островов миссис Пэйн.

² Пульсацию какого именно и чьего именно органа тела имел в виду автор поэмы, установить не удалось.

Скоро будет Дояр Пауков
 Отдавать свою дань буквализму.
 Я не знал, что подобно авто,
 Бензобаки под пробку заливши,
 Все на деле проделаю, что
 Предсказал мне скептический Лившиц.

Я все жил. Я чего-то искал.
 Был врачом¹, циркачом², инженером³.
 Я по жизни летел и скакал
 Скакуном, косачом, зензивером,
 Как летел, задыхаясь, рысак
 С разметавшейся гривою, в мыле,
 Круглым глазом кося на косяк
 С фотографии в комнате Лили⁴.
 Нашим встречам ничто не могло
 Помешать в продолжении года:
 Ни друзья, ни враги, ни погода —
 Ни дожди, ни метель, ни тепло.
 Как тоннель, уходящий в туман,
 С окончаньем, не видным в тумане,
 Длился тягостный этот роман
 С непроглядным своим окончаньем...

Он окончился. Рак просвистал,
 Изменив мой униженный статус —
 И судьбой моей страшною стал
 Аранэус Битуберкулатус⁵.

¹ Неточность: не врачом: а санитаром, медбратом в Центральной Душанбинской офтальмологической больнице.

² Неточность: не вообще «циркачом», а униформистом.

³ Неточность: не «инженером», а, скажем так, «инженером человеческих душ», то есть журналистом, газетчиком: автором восемнадцати подписанных лишь инициалами «Д. П.» информационных в газете «Коммунист Таджикистана».

⁴ Мы видели эту фотографию. На ней запечатлена бегущая среди берез белая кобыла.

⁵ *Aganeus Bituberculatus* — одна из разновидностей пауков-крестовиков с желтым крестом на большом брюшке.

III. ПОБЕГ ОТ ПЕРВОЙ ЛЮБИМОЙ

Я о многом забыл. Но пока
Помню четко — и присно, и ныне —
Свой уход. Свой побег: к паукам —
От людей. От пустыни — в пустыню.
И сейчас, по прошествии лет
Вспоминая начало побега,
Вижу солнца немислимый свет;
В окнах — горы с чалмами из снега;
Под окном — шелестенье листвы
И живое арыка журчанье;
В зоопарке рычащие львы —
Лейтмотивом немого свиданья;
Этой комнаты милый хаос;
Гладкий отблеск обоев зеленых;
Фотоснимок коня среди берез;
На трюмо — многоцветье флаконов¹.
В растворенное наше окно
Льется паста горячего света:

Мы — в его подчиненье давно,
Лишь его дуновеньем одеты.
Кожа Лили в ладонях скользит,
Увлажненная потом, — и все же
Эта кожа — как странный магнит,
Так едина и так непохожа:
Тут — гладка, тут — покрыта пушком,
Там сверкает, там матово светит,
Здесь — в морщинах, здесь — с острым душком,
Тут — нежней не бывает на свете...

Я запомнил, как начал побег.
Долгий взгляд она бросила в муке

¹ В пору нашей давней научной командировки в Сталинабад на конференцию по использованию животных ядов в фармакологии нам удалось побывать в этой комнате: описание Д. У. Паукова, приведенное в поэме, вполне соответствует тогдашней действительности (правда, с поправкой на пол сфотографированной лошади).

Из-под полуопущенных век,
 Заломив драматически руки.
 Как она, я увидел в трюмо
 наших слившихся тел напряженье —
 И тотчас же явилось само
 В недрах памяти изображение,
 На котором — в какой-то из книг
 Из собрания покойного папы¹ —
 Паучок к паучихе приник,
 Заломившей трагически лапы².
 Что я вспомнил тогда? Да почти
 Ничего. Только — книжки страничку...
 Это нынче мне легче вести
 Разговор о паучьих привычках...

¹ Отец героя поэмы — Устин Донатович Пауков (1900–36), зоолог, доктор наук, — трагически погиб в конце февраля 1936 года в авиакатастрофе, когда самолет, в котором он находился, при взлете с аэродрома зацепился колесами за провода и рухнул на землю.

После смерти Устина Донатовича в доме Пауковых в Сталинабаде осталась большая библиотека, переданная теперь в Дом ученых. Маленький Дояр, самостоятельно научившийся читать в четыре года, просмотрел все книги отца и, наезжая в последние два с лишним десятилетия в Душанбе из Петербурга, — всегда часами сидел за этими книгами. Мать Дояра, Бибиханым Паукова, тоже любила рассматривать в них картинки.

Однако о какой именно книге идет речь в этом отрывке, выяснить у Дояра Устиновича нам не удалось.

² Это рисунок, изображающий совокупление бразильских пауков-птицеядов *Ancularia Metallica*.

Однако описание, следующее в поэме ниже, относится не к этому виду, поскольку самец и самка птицеядов сосуществуют друг с другом вполне лояльно и мирно.

Проводимое ниже описание Д. У. Паукова близко к картине, которую мы можем наблюдать, когда свою самку оплодотворяет карликовый самец *Cyrtophora Citricola*.

Паучок (но не каждый подряд),
Тягой к тайне соитья снедаем¹,
Совершает свой брачный обряд —
И бывает за это съедаем.
Не подряд. Не любой. Но среди
Двадцати с лишним тысяч подвидов²
Есть и те, кого ждет впереди
От подруги большая обида.
И вот этот-то вот паучок,
Постигающий секса пучины³,
Начинает плести гамачок

¹ Тут — и в дальнейшем — мы встречаемся с обильно используемым автором поэмы приемом элементарного антропоморфизма, когда любезные ему пауки наделяются сугубо человеческими качествами. Разумеется, пауком на деле движет обыкновенный инстинкт, а не «сознательное» стремление приобщиться к «тайнам секса».

Мы отдаем отчет, что этот антропоморфизм имеет, конечно, сугубо литературный, поэтический, образный характер, а вовсе не намерение автора и составителя поэмы дезинформировать читателя.

Тем не менее нельзя не отметить, что герой поэмы пишет (вернее, диктует) о том периоде своей жизни, когда он, по его словам, «познал душу» пауков. Однако познал не настолько, чтобы попытаться описать в понятных читателям терминах их, пауков, инстинкты и побуждаемые этими инстинктами действия, но лишь настолько, чтобы описать их — «чужие»! — поступки в человеческих понятиях и выражениях.

² Опять-таки простительная поэтическая неточность: не «двадцать с лишним тысяч», а, как теперь считают, двадцать семь тысяч (между прочим, в дальнейшем автор демонстрирует свое знание верной цифры) — и не «подвидов», а видов.

Разумеется, и тут мы встречаемся с неточностью вынужденной, обусловленной трудностью укладывания строгих фактов и данных, цифр и наименований в поэтическом тексте (вопрос же о сугубо художественных потерях при таком укладывании мы оставляем за рамками комментариев, ибо осознаем малую свою компетентность в такого рода проблемах).

³ Антропоморфизм!

Из особой своей паутины.
 А сплетя и провидя (бедняк!)
 Отвратительной гибели ужас¹,
 Каплю семени в этот гамак
 Из себя выжимает, натужась.
 А потом, отдохнувши, паук,
 О любви себя мыслью лаская,
 Эту каплю в подобия рук —
 В педипальпы свои² — выпускает.

А теперь — головою³ встряхнуть,
 Чтоб забыть о крадущемся лихе⁴, —
 И пускайся в трагический путь
 К беспощадной своей научихе!
 Подползи... Осторожно тряси
 Коготками ее паутину:
 Имитируя жертву, проси
 Из гнезда ее выйти, скотину...
 Вот она появилась. Беги
 От нее, разъяренной, как львицы
 (Только семя свое береги,
 Не разбрызгай его — пригодится)!..

¹ Гиперболический антропоморфизм: пауки, конечно, не могут «провидеть» предстоящее им тяжкое испытание.

² Вновь — простительная поэтическая вольность. Педипальпы у пауков, все-таки — не «подобия рук», а ногощупальцы, то есть изменившие свои функции конечности. Однако это только подобия совокупительных и притом хватательных органов, но — у многих пауков — они являются также и подобиями органов слуха.

Портрет этого удивительного животного понемногу предстает перед нами вполне в духе персонажей из «Путешествий Йона Тихого» польского фантаста С. Лема (1921)!

³ Неточность: у пауков нет «головы» — у них имеется орган, именуемый «головогрудь».

⁴ Антропоморфизм! Паук не может ни «забыть» чего-либо, ни «вспомнить», хотя его мозг и способен к обучению, результатом чего, собственно, и появляется, как мы убедимся в будущем, возможность «дойки» пауков.

А теперь возвращайся — и вновь
Коготками тяни за тенета...

Что за жуткая эта работа!
Что с тобой вытворяет любовь!..

Через час, раскусив, для чего
К ней пришли, паучиха-растяпа
Наконец подпускает его,
Заломив драматически лапы.
Отыскав, как на траверзе Альп,
Под брюшком ее лазик¹ невидный,
Вздутый бульбус² своих педипальп
Он в него погружает солидно.
А потом, поднапрягшись, вовне
Свой заветный секрет испускает...

И тогда у него на спине
Насмерть лапы она замыкает³...

...Я, наверно, тогда и не знал
Всех подробностей этих кошмарных.
Теплый ветер нас тихо качал,
Усыпляя легко и коварно...
Я очнулся, увидев в трюмо

¹ Описание физиологически вполне точное: тут имеется в виду семяприемник самки.

² Бульбус — семяпроводящий канальчик на конце педипальпы самца-паука.

Картина аналогично точная, однако следует сделать одно не-маловажное замечание: при всем внешнем подобии акта совокупления пауков с аналогичными действиями человека, между ними существует целый ряд шокирующих нас различий.

³ Самка не душит, как может показаться, самца своими ходильными конечностями, а наносит ему удар хелицерами (это — первая видоизмененная пара конечностей с ядовитыми протоками). Убив самца, она высасывает его, а остатки крепких наружных покровов выбрасывает из гнезда.

В нарастающей в сердце тревоге,
 Словно свастики белой клеймо —
 По-паучьи сплетенные ноги.
 Сладкий ужас в тот миг пережив,
 Понял я, что спастись я не в силе,
 Что сейчас...

Дни промчались. Я жив.
 Я забыл о Памире и Лиле¹...

Помню лишь: к окончанию дня,
 Обзвонивши приятелей хмуро,
 Я добился, чтоб взяли меня
 В экспедицию — прочь от амуров²!
 А еще через день или два
 Я сидел на рассвете в палатке.
 Горизонт, заалевший едва,
 Разгорался медлительно сладко.
 Словно вздумав над миром взлететь,
 В паутине запуталась Эос³ —
 Так крепка твоя дивная сеть,
 Диадематус мой Аранэус⁴!

IV. ПАУКИ

Я к латинским названьям привык,
 Но природу не вытеснят книги:

¹ О Памире Д. У. Пауков не забыл: он впоследствии — с 1971-го по 1991 год — не раз еще бывал там.

² Хотя сугубо животное, физиологическое опасение героя можно при желании трактовать даже во фрейдистском духе, тут вновь возникает тема его сильной духовной независимости!

³ Эос (греко-лат. Eos — утренняя заря) — богиня утренней зари (лат. Aurora).

⁴ *Araneus diadematus* — еще одна из разновидностей пауков-крестовиков: крестовик обыкновенный.

«Птицеяд», «кругопряд», «крестовик»,
Вы не хуже, чем «Эресус нигер»¹.
Книги — что? Чрезвычайно с руки
Их создателям лезть в перебранку:
Что для них пауки? «Пауки
Жрут друг друга, посажены в банку».
Да-с, едят. Тут вы правы, увы.
Но представьте-ка, опыта ради,
Как себя поведете — вот вы, —
Если роту вас в баньку посадят.

А теперь отвечайте на тест,
Получая по столько-то баллов:
«Человек человека...» — «...не ест!»;
«Каннибалы...» — «...едят каннибалов!»

Пауки! Да карает вас стыд:
Двадцать шесть тысяч с тысячью видов² —
И среди них есть один — миметид,
Жрущий братьев своих, арахнидов³!
А другие? Дерутся порой
Из-за места под солнцем и корма,
Но сожравший дружка — не герой:
Это — выродок, это — не норма.

¹ *Eresus niger* — черно-злато-красный паук — противопоставлен тут трем названным выше видам не в силу пестроты своей окраски, а только в силу своего латинского наименования, которое, как полагает автор, ничем не лучше российских имен трех вышеупомянутых.

² Как видим, автор сумел (хоть не без словесной темноты) уложить в поэтическую строку и классификационно верный термин — «вид», — и точное число видов пауков в этом отряде членистоногих — двадцать семь.

³ Не очень точно воспроизведенное имя класса паукообразных — *Arachnoidea*: надо бы — «арахноиды» (вопреки предыдущему комментарию, мы, опять-таки, убеждаемся, что не всяко лыко ложится в поэтическую строку — и в этом нельзя винить ни Д. У. Паукова, ни А. М. Шарымова).

Ну, а *банка*... Я правду скажу,
 Из себя вырывая печенку:
 Если в *банк* душанбинской вхожу¹, —
 Так и хочется свистнуть тысчонку!
 Это — я-то, природы венец...
 Где же вывод из этих уроков?
 Только тот, кто нарочно слепец,
 Не поймет моих скромных намеков.
 И конечный мой вывод таков:
 Что б ни думали арахноведы²,
 Пауки не едят пауков;
 Миметиды средь них — людоеды.

«Но позвольте, — воскликнете вы, —
 Как же быть с паучком-сердцеедом,
 Не сносившим своей головы³,
 Послужившим для самки обедом⁴?

Класс назван по имени персонажа греческой мифологии — лидийской ткачихи Арахны, — дерзнувшей состязаться с Афиной и превращенной за это богиней в паука.

К паукообразным, помимо пауков, относятся еще три класса клещей, пальпиграды, рицинулеи, сенокосцы, скорпионы и ложные скорпионы, сольпуги (фаланги), тартариды, телифоны и фрины: всего около шестидесяти тысяч видов.

К слову, отряд пауков (*Araneus*) был выделен из среды паукообразных Кларком в 1757 году — в противовес классификации Линнея 1735 года, отнесшего пауков к насекомым.

Долгое время точка зрения Линнея пользовалась, тем не менее, преимущественным хождением, однако Международный конгресс 1948 года восстановил приоритет классификации Кларка.

¹ Помимо службы медбратом, униформистом и хроникером Д. У. Пауков работал и экспедитором в Душанбинском банке.

² Арахноведы — специалисты в области арахнологии, отрасли зоологии, изучающей паукообразных.

³ Еще раз: не «головой», а «головогрудь»!

⁴ Точнее: не «обедом», а просто — едой (у пауков, естественно, нет разделения приема пищи на завтраки, обеды и ужины — едят, как говорится, когда Бог пошлет им еду).

Он был съеден?..»

Он съеден был, да.

Но, друзья, не забудьте причину:

Виновата была в том среда

И пороки его как мужчины.

Совершивший свой долг паучок

В тот же миг — о, издержки творенья! —

Вдруг становится как мужичок

Неспособен к оплодотворенью¹,

Но, познавший в эротике вкус,

Если только не будет он скушан,

Вмиг впадает он в новый искус,

Как тарантулом южным² укушен³.

К новой самке в безумье стремясь,

Закалив в приключеньях свой бульбус,

Повергает соперников в грязь

И в капусту их рубит, как Бульба⁴.

В рвеньях к самкам изящество есть

И порыв у такого урода.

Ну, а как же — девичества честь?

Как же быть с продолжением рода?

По причине по этой-то он

¹ Общая картина изложена тут верно, хотя, конечно, и здесь, и во всем этом эпизоде стоит еще и еще раз вспомнить о чрезмерном увлечении автора антропоморфизмом!

² Точнее — южнорусским тарантулом *Lucosa singorietus* — коричневым ядовитым животным со звездой на голове, с буквой «М», четырьмя полосками и четырьмя точками на брюхе и с полосатыми ногами.

³ Помимо южнорусского тарантула среди пауков ядовит и каракурт (мы еще встретимся с ним в поэме). Тут к месту вспомнить эпиграф Э. А. По к «Золотому жуку»:

О, что это с малым случилось? Тарантул укусил его...

⁴ Чудовищный антропоморфизм, да еще замешанный на литературе! Здесь точная цитата из «Тараса Бульбы» Н. В. Гоголя: «...Рубя в капусту встречных и поперечных...»

Будем, однако, разумны: как и чем, спрашивается, может «рубить», да еще в «капусту», недругов паук?

(Генетически важной причине)
 От рожденья и приговoren
 К безобразной, но нужной кончине.
 Неспособных к зачатию — к стене!
 Снять с их головогрудей по скальпу¹!
 И стоят, бедолаги, оне,
 Вздернув кверху свои педипальпы...

Не грусти, мой товарищ! Стена —
 Не финал и не твердость мнимость.
 Чтобы вызреть в свободу, должна
 Стать осознанной необходимостью².
 Через миг от забав и затей
 Только память синицей взовьется...
 Осознали вы нужность смертей?
 Вы — свободны... Дави его, хлопцы!..
 Не грусти, дурачок, ни о чем.
 Разве мало свободы под солнцем?
 Есть свобода не быть палачом
 И свобода не быть кровососом.
 Тьма туманна. Не видно ни зги.
 Спит дражайшая в мире из родин.
 Путь свободен. Не трусь. Не беги.
 А иначе не будешь свободен³...

¹ И вновь автор демонстрирует знание устройства тела пауков: он отлично знает, что у *Agapeus* наличествует именно головогрудь, а не голова, хотя никакого «скальпа» ни с чего у них снять нельзя.

² Эти строки навеяны, конечно, известной формулой Г. В. Ф. Гегеля (1770–1831): «Свобода есть осознанная необходимость».

³ Новый поворот темы свободолюбия главного героя поэмы!
 Заметим, что составитель текста А. М. Шарымов не раз после 1976 года читал этот отрывок в соединении с фрагментом из поэмы В. В. Набокова «Бледный огонь»:

...Но скажет кто: что думать — вам и мне, —
 Когда однажды утром нас к стене
 Вандалам от политики на суд
 Гориллы в униформе поведут?

...Я бежал¹. Но ни разу в горах,
И в степи, и в пустыне за годы
Путешествий не вспомнил про страх,
Что погнал меня в эти походы.
Он сидел во мне — спору в том нет, —
Хоть горел вполнакала, вполсилы:
В эти годы ни разу ко мне
Ночью женщина в дом не входила.
И — обратной причинности связь:
Вроде даже не двинув рукою,
С пауками внезапно сдружась,
Я обрел в них источник покоя.
Что за штука искусная — мозг!
Он в решениях тверже алмаза,
Для познания — податлив, как воск,
Строг в любом исполнении приказа.
Он заботлив. Опасность узрев,
От нее он отводит умело:

Мы будем думать про свои дела
(Лицом к стене, что мохом поросла) —
Про царство рифм, империю стихов
(Под дружный крик далеких петухов).
Нам царственных не высвободить рук —
И оттого бесить мы станем слуг,
Сегодня нагло прущих на рожон,
Хотя бы тем, что этот фарс — смешон...

¹ Может показаться, что после предыдущего торжественного эпизода, завершающегося призывом быть смелым и не пытаться никуда бежать от судьбы, констатация автором поэмы собственного побега выглядит как его самоосуждение.

Однако это не так. Призыв «не трусь, не беги» относится к тем, кто намеревается покинуть родину. Нам здесь видится полемика Д. У. Паукова с его душанбинским и питерским знакомым — поэтом Михаилом Федоровичем Ерёминим, который в пору пребывания в Сталинабаде в 1956 году предпринял окончившуюся неудачей попытку уйти за кордон в Афганистан.

В отличие от ерёминской попытки, побег Паукова завершился важным для него приобретением, о котором речь идет ниже.

Псевдосном исцелит псевдогнев,
 Псевдоудалью — псевдонесмелость.
 Быстро сделав анализ: каков
 Корень всех наших страхов дурацких,
 Предписал он: Дояр Пауков
 Должен впрямь пауками заняться.

Минул год — будто час пролетел.
 Он прошел небесследно, не даром —
 Я редчайшим трудом овладел:
 Стал искусным паучьим дояром¹...

О, судьба моя, гнездышко вей —
 И на нити подвешивай домик,
 Паутине подобной твоей,
 Тегенарья domestика², гномик...

V. ПАУТИНА

Все мы можем — плебеи и знать —
 Что-то в мире понять, но не видеть.
 Можно чью-либо душу познать,
 Но при этом ее ненавидеть³.

¹ Заметим, что специализации по «дойке пауков» не обучают ни в одном из вузов страны (и прежнего СССР, и нынешней России). Имена знатоков этой профессии нам неизвестны.

Отсюда следует простой вывод: Д. У. Пауков научился «дойке пауков» у местных, тоже неизвестных нам мастеров, хранящих эти традиции с незапамятных времен — и в должном секрете.

² *Tegenaria domestica* (точное произношение: «тэгенариа домэстика») — серо-коричневый, с тонкими мохнатыми лапами, домовый паук.

³ Очень многозначительное вступление, напоминающее нам о том, что Д. У. Пауков диктовал поэму все же по свершении тех событий, которым посвящена последняя глава.

Если он и восхищается пауками, то это относится к ранней поре. Его отношение могло и измениться...

С пауками один на один,
Я познал их цыганскую душу...
Выйдя из океанских глубин,
Паучата освоили сушу.
Из столетья в столетие, род
Вслед за родом, наследство приема,
Продвигаясь вперед и вперед,
Аранеи заполнили Землю.
И понять, о читатель, изволь
Суть экспансии сей паучиной
И какую исполнила роль
В эволюции их паутина.

Арахнидам другим нелегко
Было выйти из моря на скалы:
От воды отползти далеко
Им жара непрестанно мешала.
Пусть, читатель, в сознание твоём
Некой мысли уложится важность:
«Если кокон сплетают, то в нём
Сохраняется нужная влажность».
Кокон — словно скафандр, и он
Есть защита особого толка.
Этот кокон из нитей сплетен —
Из тетив паутинного шелка¹.
Из него выбираясь во мгле,
При полночном рассеянном свете,
Расставлял паучок на скале
Для добычи искусные сети.
Выйдя днем за добычей на сеть,
Пауки ожидали едва ли,
Что придется им в небо взлететь —
И, однако, немедля взлетали:
Ветер рьяно срывал со скалы

¹ Паутина — это жидкое выделение паутинных желез: секрет, быстро застывающий в воздухе в виде нити.

Паутина состоит из нерастворимого в воде прочного фиброина и близка к шелку гусениц-шелкопрядов.

Паука с паутиною вместе —
 И бросал на деревьев стволы
 В отдаленном, неведомом месте.
 Брошен в пекла горячую пасть,
 Паучок деловито на зависть
 Принимался усиленно прясть
 Новый кокон, от солнца спасаясь...

Так летели века и века.
 Прял паук паутины по пуду —
 Неустанно усердно, — пока
 Не освоил он Землю повсюду, —
 И его на планете, хоть плачь,
 Существа не отыщешь свободней¹...

Легкий летчик и яростный ткач,
 Что собой ты являешь сегодня?

Ты размером ничтожен и мал,
 Но, в плетенье искусный от века,
 Столь высокий ты индустриал²,
 Что куда до тебя человеку!
 Но помимо подобных искусств
 (Гамачков и ловушек вязанья)
 Ты развил в себе зрень³ и вкус⁴,

¹ Не это ли — сугубо физическая свобода пауков от любых случаев судьбы — так привлекла к ним поначалу Д. У. Паукова? По крайней мере, стоит обратить внимание на то, что тема свободлюбия на сей раз возникает в поэме, непосредственно относясь уже не к самому автору, но к героям его повествования.

² Учитывая латинский генезис слова «индустрия» («industria» по-латыни означает «усердие»), паутиная деятельность *Araneus* действительно может характеризоваться сим термином.

³ Обычно паук видит слабо, способен лишь следить глазами за добычей. Хорошо видят лишь сальтикуды-прыгуны. Пауки-скакуны видят себя в зеркале — и тогда бросаются на свое отражение.

⁴ О вкусе пауков речь в поэме пойдет ниже.

Обоняние¹, слух, осязание².
 Слышим ухом мы музыку. Ты
 Волосками ее осязаешь —
 И как тонкий знаток красоты
 Из укрытья на сеть выползаешь,
 Лишь почуяв движение смычка
 (В деревнях это часто бывает —
 И за это народ паучка
 «Музыкантом», любя, называет)³...

Он разборчив в погоде — и ткет
 Сеть усердно при солнце без ветра,
 И народ наш за это зовет
 Паучишку «живым баромётром».

Он разборчив в еде. Скажем, клоп
 Попадет невзначай в паутину,
 Он вонючую гадину — в лоб
 И пинка поддает ей под спину.
 Но не прочь он отведать жучков,
 Насекомых, червей, муравьишек,
 Мелкой рыбки, личинок, рачков,
 Головастиков, мушек и мышек
 (Да, и мышек!), улиток и змей
 (Да, молоденьких змей!), и лягушек
 (Лягушонок, ты только посмей
 Паучку повстречаться на суше!).

¹ Обоняют пауки особыми органами на лапках передних ног (у пауков — шесть пар конечностей: первая — когтеобразные хелицеры, вторая — педипальпы, третья, четвертая, пятая и шестая — ходильные) и лировидными органами на туловище.

² О слухе и осязании речь пойдет ниже.

³ Строго говоря, органы слуха — как и равновесия — у пауков точно неизвестны, но чувства эти у них есть. Некоторые пауки «слушают» педипальпами или хелицерами.

Что же до восприятия пауками музыки — особенно скрипичной, — то некоторые ученые склонны относить это свойство к органам осязания (то есть как реакцию на сотрясение звуками музыки паутиной сети, на которой находится животное), а не слуха.

Вижу трупы и птичьих юнцов —
 Обескровленных, ловко убитых:
 Это высосал ваших птенцов
 Эврипелма бистриатум¹, Битов²!
 Я на все закрываю глаза.
 Птицеяды — не тьма негодяев,
 И корить их не в силах я за
 Поведенье птенцов-разгильдяев...
 Почему о еде я? Да вот —
 Столь пространных рассказов причина:
 Научись мы кормить тебя, — в год
 Сколько дал бы ты нам паутины!
 Но, загнавши в неволю пока,
 Мы тебя пребеспомощно кормим —
 И бесценнейший дар паука
 Пропадает, как лодочка в шторме³...
 Нас немного, что чтят этот дар.
 Нас все меньше — в том нету сомненья.

¹ *Eurypelma bistriatum* — паук-птицеяд с мохнатой головой и темно-коричневым брюхом, коричневой, с желтым ободком грудкой и с красными ободками на одном из шести суставов лапы.

² Многозначительное замечание! Дело в том, что в 1976 году ленинградская цензура запретила к публикации в журнале «Аврора» (напомним, что именно там работал в то время А. П. Самойлов) повесть А. Г. Битова (1937) «Птицы, или Новые сведения о человеке». Таким образом, ясно становится, что Д. У. Пауков (осознанно или нет — особый вопрос), несомненно, соотносил деятельность пауков-птицеядов с расправой советской цензуры.

Конечно, можно было бы пройти мимо этого (впрочем, которого уже по счету!) знака противопоставления Д. У. Пауковым себя существовавшему тогда устройению жизни, — однако, вправе ли мы так поступать?

³ В свете всяческих последних разоблачительных — и абсолютно бесполезных! — публикаций о несовершенстве нашей экономики и жалких советов по ее улучшению этот «отчаянный» постулат Д. У. Паукова выглядит в глазах холоднокровных «реалистов», конечно, просто вызывающим улыбку, не больше. Хотя пауки, действительно, чаще всего в неволе либо не приемлют пищу, либо, если уж и приемлют, то самую для них любимую и отборную.

Чтоб теплее под лампою стало —
 И, смотрите, тончайшая нить
 Под брюшком у него заблестала!
 Подцепи ее — и натяни,
 Чтоб почувствовал он натяженье
 (Лишь уловят такое он, —
 Нить опять продолжает движенье).
 И ползет эта нитка, ползет;
 На катушку ложится кругами —
 Он в течение суток пятьсот
 Метров нити свивает ногами,
 Чуть заметно брюшком шеvelя,
 В ход пустив коготочков кинжалы...

И прочней этой нити Земля
 Ничего никогда не рождала¹ —
 Я в восторге от вас, паучок!..

Почему же — с умом и уменьем —
 Я однажды попал на крючок
 И разрушил восторга строенье?..

Помню утро. Короткий привал
 Экспедиции нашей монгольской.

Дальше в памяти — полный провал.
 Дальше — взгляд, напряженный и скользкий.
 Из монгольских кибиток и юрт
 Смотрят очи гречанки Танатос² —

¹ Автор, конечно, имеет в виду подходящие для сравнения природные материалы, производимые способными к такой деятельности особями — пауками и гусеницами-шелкопрядами. «Продукция» пауков, действительно, прочнее и эластичнее гусеничного шелка, вырабатываемого шелкопрядами. Паутина, к примеру, может вынести нагрузку от 40 до 261 килограмма на 1 квадратный миллиметр сечения нити, а гусеничный шелк — только от 33 до 43 килограммов на квадратный миллиметр.

² Thanatos — «смерть» (греч.)

Это выпустил яд каракурт,
Латродэктус Тредецимгуттатус¹.

VI. ВТОРАЯ ЛЮБИМАЯ

Я болел. И — наверное, зря —
От чего-то там долго лечился...

В теплый вечер в конце сентября
На Пицундской косе очутился.
Я бродил по поселку один.
Вышел к тиру. Там гулко стреляли.
За прилавком печальный грузин
Наливал в пиалу «Цинандали».
В окружении двух толстяков
В тире девушка целилась в птицу —
И из-под абажуров-совков
Падал свет на спокойные лица².

¹ *Latrodectus Tredecimguttatus* — маленькое черное ядовитое животное с большим брюшком, у самки — с красными пятнышками.

Собственно, самка каракурта и укусила Д. У. Паукова.

Правда, адрес экспедиции — Монголия — вызывает у нас некоторое недоумение: каракурты водятся, в основном, в западной Азии. Но могут, конечно, быть и исключения...

Эпизод с укусом самки каракурта выводит нас к заключительной главе поэмы, играя роль ее зачина и, как мы убедимся, имея личину ложной причинности воследовавших затем серьезных для дальнейшей судьбы Д. У. Паукова обстоятельств.

² Это воспоминание позволяет установить точную дату вечера, в который произошли важные для Д. У. Паукова события.

Это был не «конец сентября», как думает сам Д. У. Пауков, а 19 октября 1970 года, ибо, сам того не зная, герой поэмы описывает встречу с А. П. Самойловым, которому посвящена эта поэма, А. М. Шарымовым, впоследствии составившим ее, и Татьяной Беккенбауэр, художницей-реставратором и членом сборной

Отвернувшись, я в темень шагнул.
 Вышел к пляжу. Подумал. Разделся —
 И в прохладную воду нырнул.
 Синий свет над водой разгорелся
 И погас. И затем на причал
 Гром бульжников грудю обрушил —
 И по берегу дождь застучал¹.

Я, карабкаясь, вышел на сушу²
 И с одеждой метнулся под тент,

ФРГ по стендовой стрельбе. В тот день эти трое действительно были в Пицунде и развлекались тем, что Т. Беккенбауэр, выбивая 100 из 100, выигрывала у грузина-хозяина тира одну бутылку «Цинандалы» за другой, угощая своих приятелей. Как и автор поэмы, они этот вечер помнят.

¹ Важный момент!

Обратите внимание на то, когда именно и как воспринимает автор поэмы вспышку молнии и гром от нее. Находясь в воде! Причем все происходит почти одновременно: вспышка молнии, удар грома и начавшийся дождь. Иными словами, в момент купания Д. У. Паукова грозовая туча была уже над самым пицундским пляжем.

Значит, молния могла ударить — и, видимо, так и произошло — непосредственно в воду, в которой находился в этот момент герой поэмы.

Стоит проследить по тексту поэмы (спасибо ее составителю, видимо, предельно точно записавшему слова Д. У. Паукова) реакцию и поведение ее героя вслед за этим, роковым для него, по нашему мнению, событием.

² Вы заметили, как выходит герой из моря: «карабкаясь». Почему? Берег пляжа в Пицунде — пологий, выходить по нему из моря легко. Видимо, все же герой получил в воде некую травму, вследствие которой у него нарушилось равновесие.

Цитирую симптомы по крайней мере двух заболеваний: «При Э. наблюдаются обмороки, потеря сознания, расстройства речи...» «При А. в области задних отделов мозга возникает головокружение, снижается слух, нарушается равновесие...»

Что это за «Э.» и «А.», поговорим ниже.

В темноту, на скамейку, под крышу,
В безопасность — и в тот же момент
Легкий возглас испуга услышал,
Голос женщины: «Кто тут? Мой Бог!..» —
«Я — разбойник, но прячусь от ливня.
Я, конечно, украсть бы вас мог,
Но нужны-то сегодня не вы мне...»¹ —
«Да, сегодня грабитель и вор
Уж не те, что по книгам знакомы». —
«А какие же?..»

Наш разговор
Прерывался раскатами грома.
В блеске молний я видел лица
Негативное изображение².
Дождь по тенту стучал без конца.
Горизонт наливался движеньем.
От спокойной погоды был скор
Переход к назревавшему шторму.

Море вспенилось...

Наш разговор
Обретал ироничную форму...

Кем впервой это заведено —
Эта милая трагикомичность:
То, что вместе шагают давно
Одиночество и ироничность?
Кто впервые уверил нас, что
Пошли пляжные наши романы?
Кто научит латать решето?
Кто научит зализывать раны?
Кто поможет в кромешной ночи,
В бурю, бьющую злее и злее,

¹ Обратите внимание на странную косноязычность героя!

² У героя сейчас явно расстроены не только чувство равновесия и связанное мышление (последнее выражается в выспренной речи), но и зрение, коль скоро на сетчатке глаз у него остается негативное изображение мгновенно освещаемого предмета.

Разглядеть огонечек свечи —
И в ответ просигналить своею?

До каких полагается пор
Прятать чувства по рвам и берлогам?..¹
...Шторм окончился.

Наш разговор
Незамеченно стал монологом².
Разговор наш угас и зачах,
Ибо речи не шло в разговоре
Ни о старых китайских ткачах,
Ни о «ткани Восточного моря»,
Чья³ — с жемчужным оттенком — вода

¹ Нам могут возразить: вот, мол, вполне связный лирический текст, да еще и полный по-своему глубоких мыслей! О каком, дескать, заболевании тут можно говорить?

Но, во-первых, надо выделить две стадии болезни.

Сначала последовала травма. Назовем, наконец, ее открыто: легкое поражение героя электрическим током ударившей в воду молнии (именно — легкое, ибо в противном случае герой просто сразу же погиб бы в воде). Ее симптомы — потеря равновесия и недолгое расстройство мыслительных функций, которые вскоре потребуют необходимого организму отдыха.

Что же до второй стадии болезни, то она проявится у Д. У. Паукова много позже и выразится в несколько иной форме (о ней мы и поговорим чуть ниже).

А во-вторых, авторское лирическое отступление об «одиночестве и ироничности» сделано было уже в ту пору, когда герой будущей поэмы познакомился в Ленинграде с А. М. Шарымовым и рассказал ему свою историю, по канве которой тот и составил читаемую сейчас нами поэму.

Тогда болезнь Д. У. Паукова давно уже перешла во вторую стадию — и ясному мышлению его не мешала.

² Как видим, первый шок после получения электротравмы (а это и есть расшифровка буквы «Э.» из приведенных выше прим. симптомов первой стадии болезни) миновал — и герой уже обрел способность вести связный монолог.

³ В данном случае речь идет не о ткани, а о море.

От щедрот подарила название
Пережившей года и года
Невесомой и блещущей ткани,
О которой и тек монолог¹,
Обращен к этой женщине тихой.
«Ткань!.. — она восклицала. — Мой Бог!..
Паутина!.. Паук!.. Паучиха!..»
Я рассказывал ей, что узор
Этой ткани опишешь едва ли,
Так подвижен он...

Наш разговор
Прекратился — и мы задремали²...

...Мне приснился томительный сон —
В нем летучим песком урагана
Завалило с обеих сторон
Русло бурного Кафирнигана³.

¹ Вероятно, монолог Д. У. Паукова «тек» не только о «ткани Восточного моря», как древние китайцы именовали роскошные изделия, выделанные из паутинного шелка. Наверняка рассказал он своей слушательнице и о том, что полинезийцы свивали из паутины снасти и нити для шитья. Что во Французской академии наук хранятся перчатки и чулки из паутинного шелка, преподнесенные в дар академии еще в XVIII веке и по сию пору вызывающие восхищение. Что в 1899 году были сотканы пять квадратных метров ткани из паутины кругопряда *Nephila* в качестве оболочки для дирижабля, ибо паутина этого мадагаскарского паука обладает не только непревзойденной упругостью, но и потрясающей прочностью, выдерживая нагрузку до 250 килограммов на квадратный миллиметр нити.

Думается, этот монолог потребовал от героя поэмы значительных душевных и интеллектуальных затрат, что вскоре и сказалось на его поведении.

² Вернее всего, это сам Дояр Устинович и задремал, поскольку мозг дал сигнал о необходимости отдыха вслед за полученной электротравмой.

³ Кафирниган (Кафирнихон) — многоводная река на Памире, приток Амударьи.

Он над этой плотиной навис,
 Набухая водою, как горем,
 И прорвался — и ринулся вниз
 На планету с памирских нагорий.
 Он промчал по Земле. Но таков
 Был характер лихого движенья,
 Что с планеты одних пауков
 Он повсюду смывал в раздраженьи.
 Их потом унесло в океан,
 Закружило, всосало в воронку...

...Я проснулся. Клубился туман.
 Незнакомка сидела в сторонке,
 Тусклым солнцем любуюсь.

И вдруг
 Я увидел, как с тента, с вершины
 Вниз спускается тихо паук
 К ней на слюнке своей паутины.

Вот сейчас эта лапа к плечу
 Прикоснется! Вспотев, как от зноя,
 Я почувствовал, что не хочу,
 Чтобы к ней прикасалось *чужое*¹ —
 И наполнилась потом спина,
 И к плечам прилепилась рубаха,
 Лишь представил, как вздрогнет она,
 Вскрикнув от омерзенья и страха.
 Только миг! — но вот в этот-то миг,
 Не гадая, в чем кроется странность,
 Я в грядущее взором проник,
 Осознав безусловную данность:
 Вот сейчас я смету паука, —
 Но за этим последуют звенья
 Всей цепи, полускрытой пока,
 Но — цепочки, цепи, без сомненья.
 Мне видны два начальных звена:

¹ Слово сказано: «чужое»! За время сна герой поэмы ясно прочувствовал нечеловеческую сущность *Arapeus* — и душа его стала уже готова к решительным действиям.

Я покину моих аранеев¹ —
И, хоть мне неизвестна она,
Я без трепета двинусь за нею².

Что за чушь, за издевка, за стыд!
Взмах руки, и — какая обида! —
Паучок в невесомость летит,
Исчезая мгновенно из вида...

Этим диким предательством пьян,
И слюну проглотивши по-детски,
Перед нею, согнувшись: «Демьян
Баюков!»³ — я представился светски.
И она, покраснев от стыда,
Улыбнувшись, промолвила тихо:
«Да, забыла представиться... Да...
Я — Нинель Паукова⁴... Ткачиха⁵...»

Будто сердце клещами схватив,
Кто-то рвет его тупо на части...

Дни промчались. Я выжил. Я жив⁶.
Я живу, вспоминая ненастья:
То, что с моря в Пицунде пришло

¹ Это предсказание сбылось, но лишь частично.

² Это предсказание осуществилось полностью.

³ Он и позже часто называл себя «Демьяном Баюковым», говоря, что «Дояр Пауков скончался во сне из-за своего предательства по отношению к Araneus».

⁴ Нинель Ульяновна Паукова тогда жила по адресу: Ленинград, ул. Каляева, д. 27 (см. телефонную книгу той поры).

⁵ В том году Н. У. Паукова работала на фабрике «Трикотажница», позже став ее главным технологом (по странному совпадению, первая любовь Д. У. Паукова, «душанбинская девушка Лилля», занимала в 1973 году такую же должность на Душанбинском текстильном комбинате хлопчатобумажного объединения).

⁶ Тут мы завершим рассказ о болезни Дояра Устиновича. Остается досказать о нем немного.

Вслед за сценою этой стрелковой¹ —
И внезапно ко мне привело
Тихий образ Нинель Пауковой;
То, что ночью привиделось мне

Уже в самом конце 1970 года — когда Д. У. Пауков вслед за женитьбой на Н. У. Пауковой (ее друзья, естественно, шутили на свадьбе, поздравляя Нинель с тем, что ей не пришлось даже менять фамилию) по ее просьбе переехал в Ленинград (Бибиханым Паукова осталась по своей воле в Душанбе), — у него обнаружился арахноидит (см. «А» в сноске² на стр. 185): редкое заболевание, выражающееся в воспалении паутинной оболочки головного мозга и сопутствующих ему сильных головных болях и ухудшении зрения.

Для получения инвалидной пенсии ему надо было заручиться справкой о том, что его травма была производственной, — и известный страдалец за русский народ Александр Николаевич Анейчик попросил автора этих комментариев принять в больном участие. Это мы и сделали, удостоверив, что причиной болезни был полученный во время экспедиции в Монголию укус каракурта. Правда, сам Д. У. Пауков почему-то яростно возражал, уверяя, что такой укус не может нанести ущерб деятельности головного мозга. Нам, однако, удалось его переубедить — и сносное обеспечение было ему гарантировано.

Через меня Д. У. Пауков познакомился с А. М. Шарымовым и его друзьями, став в 1976 году героем поэмы, названной его именем. Поэма была встречена настолько сочувственно, что большой ленинградский кинорежиссер-документалист Виктор Федорович Семенов (1940) предлагал сделать на ее основе фильм о пауках, но идея как-то не реализовалась.

Что до самого Д. У. Паукова, то он последние четверть века, несмотря на ухудшение зрения, занимался изготовлением иллюстраций к книгам по арахноведению и муляжей для музеев.

¹ Последствия того вечера, как видим, достаточно сильно врезались в память Д. У. Паукова, который помнил ту случайную встречу с А. П. Самойловым, А. М. Шарымовым и Т. Беккенбауэр — по сути дела, последнюю в его относительно здоровой жизни. Не исключено, правда, что к 1976 году, после знакомства с составителем поэмы, ее герой уже знал, с кем встречался.

Как поток, очищающий Землю:
То, что я наяву и во сне
Как великое благо приемлю,
Потому что с пицундской поры
Никакая надежда другая
Не предложит мне лучшей игры,
Чем в былое глядеть не мигая,
Где в глуби силурийских веков¹,
Неспособный к труду и познанию,
Трилобит, праотец пауков²,
Совершает поход к вымиранью,
Где столетья борьбы и труда
Вместе с сотнями классов и видов
Быстро времени смысла вода,
Лишь сильнейших из прошлого выдав,
Где таится, сокрытый от глаз,
В шуме ливней — намек на согласие
С тем, что нас упасет от ненастья.

А ненастье спасет от *не нас*³.

¹ Силур — геологический период второй половины палеозойской эры (435–400 миллионов лет до РХ).

² Трилобиты — вымершие морские членистоногие, около десяти тысяч видов которых жили в первой половине палеозойской эры на мелководье. В силуре, девоне и карбоне число их видов неуклонно сокращалось — и к концу палеозоя они полностью исчезли. «Все арахноиды произошли от трилобитов» (см. «Жизнь животных», т. III. М., 1946. С. 7, 8, 10).

³ «Мне кажется, ты написал антисоветскую вещь», — сказала по прочтении «Дояра Паукова» составителю поэмы его первая — бывшая — жена Наталья Яковлевна Шарымова. Она ошиблась только в двух деталях.

Во-первых, не «написал», а «записал»: без рассказа Д. У. Паукова поэма создана не была бы.

А во-вторых, не «антисоветскую», а скорее — антикоммунистическую. В конечном счете, для Д. У. Паукова *Araneus* стали символом «чужих», «не нас», — но многие детали жизни этих «чужих» (судя по найденным в поэме намекам, которые мы указали)

ассоциируются как раз с властной деятельностью правящей партии той поры — коммунистической.

И на этом можно было бы поставить точку, но нам представляется нужным сказать (уже не как официальному комментатору, но основываясь на личных впечатлениях) еще ряд слов о дальнейшей судьбе Дояра Устиновича...

...В конце августа 1991 года я встретил его на Невском проспекте. Наклонившись ко мне, он тихо и радостно сказал: «Вот, все получилось, как и было сказано!». Это была эйфористическая оценка «падения коммунистической диктатуры».

Но через несколько дней я увидел его совершенно убитым: «Жорес Харитонович, они вернулись! Мы — опять у них в тенетах!». Это была реакция на сообщение о том, что в дни путча, когда телефоны молчали и газеты не выходили, единственным видом связи с планетой была в Москве сеть Internet — Всемирная паутина, уже тогда окутавшая цивилизованный мир.

Чтобы переубедить Дояра Устиновича, я свел его с писателем Александром Николаевичем Житинским, поклонником Internet, однако Дояр Устинович упорно стоял на своем: пауки — уже в новом обличье — вновь захватили всю Землю...

В первой половине 1998 года Д. У. Пауков узнал о путешествии В. А. Лившица в охваченный усобицами Душанбе. Как раз тогда Дояр Устинович получил грант от Нью-Йоркского зоологического музея, для которого делал муляжи, и решил отправиться в Таджикистан, чтобы перевезти оттуда в Петербург свою престарелую мать.

Он достиг Ташкента — и оттуда его, по примеру В. А. Лившица, повезли на машине через перевалы в Душанбе.

Путешествие подходило к концу, когда на подъезде к городу машина попала в перестрелку между правительственными и оппозиционными отрядами — и 18 октября 1998 года Дояр Устинович, получив смертельное ранение, скончался.

На следующий день его похоронили на душанбинском кладбище рядом с могилой отца. В тот же день умерла его мать, Бибиханым Паукова.

Потомства у Пауковых не осталось.

*Ж. Х. Претулло,
доктор медицинских наук*

1976, 1998, Ленинград—С.-Петербург

АНГЕЛ ЖУКОВ

*Недогоревшая поэма с комментариями
Юджина Принцера*

От публикатора

21 февраля 1978 года, в день рождения Александра Николаевича Анейчика, он вручил после застолья мне, аспиранту ЛГУ из США, папку с пухлым конвертом, попросив «рассмотреть и поразмыслить» над ее содержимым.

Дома я обнаружил, что в папке оказался конверт с сильно обгоревшим «Дневником», изданным Торгово-промышленной палатой СССР. На уцелевших листах были стихи. Прочтя их, я созвонился с Александром Николаевичем и спросил его об авторе.

— Это мой покойный приятель Ангел Петрович Жуков: ударение на последнем слоге, пожалуйста! Он погиб год назад в авиакатастрофе? и эта тетрадь была передана мне его мамой. Дело в том, что у нас с Ангелом совпадали дни рождения. В прошлом году и ему, и мне исполнялось по сорока лет — и, улетаая в командировку, он сказал маме, что собирается написать для меня «большое стихотворение» к нашему общему юбилею. Увы, из Глаголы (я уверен, ты хорошо знаешь эту африканскую страну) Ангел не вернулся. Маме передали только эту тетрадь, а я вручил ее тебе, поскольку ты лучше, чем я, связан со всякими издательствами и наверняка лучше, чем я, сможешь решить, издаст ее кто-нибудь или нет. Вот тебе телефон... — он продиктовал мне семь цифр.

На грудь ее, прикрытую едва,
На пальцы — словно восковые свечи, —
И вывожу начальные слова:

«Куда лечу? Кто объяснит толково;
Заставил кто меня из остряков
Быть Ангелом Петровичем Жуковым
И править должность ангела жуков?
Наш “Ил” подобен зябкой серой взвеси,
Дрожащей в желтом воздухе Земли...»

Лишенный здесь и тени жалкой спеси,
Я думаю о днях моей семьи.

Как много нас — печальных и веселых:
Голов-деревьев вырос целый сад!
Сегодня мне исполнится не сорок —
Сегодня мне под двести пятьдесят.
Хоть нам ни львы, ни псы, ни скараabei
Фамильный герб украсить по смогли —
Жуковы мы — не Жуковы-плебеи,
Сыны земли — не воины Земли.
Каких-нибудь Бурблишек скромный житель,
Жуков недавних лет являл пример
Достойный чести: землеустроитель,
Землепроходец, земец, землемер.

А я? Что — я? Промышленной палаты
Торговец, и чиновник, и курьер?
Смотрю в себя — и как-то жутковато
Становится от этаких карьер...

Здесь вновь берет слово публикатор.

Замечу, что тема Александра Николаевича Анейчика, которому посвящена поэма, однажды возникает на ее уцелевших страницах (может быть, потому он так легко расстался с этим текстом: ему свойственно ревностное отношение к собственной личности; коль скоро поэма посвящалась ему, то он рассчитывал, видимо, на более частое свое в ней присутствие — противное же

было ему неприятно): это упоминание о местечке Бурблишки в Белоруссии, где, как часто говаривал Александр Николаевич, жили многие его родственники.

Что до текста поэмы, то из немногих уцелевших слов, а главным образом — из рассказов «товарища» выяснилось следующее.

Обширные поля африканской республики Глаголы, расположенной в центре континента, оказались — в силу бестолковости местной администрации — сильно переунавоженными, особенно в северных районах, где правительственные войска вели бои с повстанцами-сепаратистами. Земли потеряли бывшее плодородие — и самым эффективным способом борьбы с этой напастью было заселение их онтофагусом — жуками-калоедами.

Правительство Глаголы заключает с этой целью договор с Торгово-промышленной палатой СССР, которая высылает с этой целью в Африку своих сотрудников — референта Ангела Петровича Жукова и переводчицу Асю Бедретдинову, сопровождающих упакованных в специальные прочные кофры жуков-калоедов.

Покинув пределы Союза, Ангел и Ася откупоривают в грузовом отсеке бутылку коньяка...

Монолог Ангела Петровича Жукова, обращенный к переводчице Торгово-промышленной палаты Асе Бедретдиновой

Давайте выпьем, милая! Поднимем
 стаканчики в трепещущих руках —
 И хоть на миг печаль свою отринем...

Поговорим, пожалуй, о жуках.

Всяк сущий на пирующей планете
 Обжорства оставляет мерзкий след —
 И оттого нет имени на свете
 Достоянее, чем имя *«Калоед»*
 (Не вздрагивайте: я грубить не стану,
 Не обещаю стыдным словом стол)...

Ну, что ж, теперь, когда полны стаканы,
Как Грищенко¹ говаривал нам — скол!

Итак, жуки...

Когда б не калоеды
(Всех остальных держу пока в уме),
Земля, низвергнув ланчи и обеды,
Сто лет как захлебнулась бы в дерьме, —
Но ей на помощь — жирной и усталой,
Откормленной, воючей — в нужный срок
Средь нечистот жемчужинкою малой
Приходит скромный маленький жучок:
Он трудится при зябком лунном свете,
Средь мрази пролагая чистый след...

Нет имени прекраснее на свете,
Чем имя *онтофагус* (*калоед*)!

Но, вижу, вас смущает скользкость темы...
Оно понятно: пленница мечты
Изысканной, вы — дочь родной системы,
Которая не терпит простоты,
Открытых слов, житейской грубой прозы —
Всего, чем совесть мучиться должна.

Ну, что ж, на место кала и навоза
Поставим, скажем, тему «Имена».

С какою бездной выдумки и вкуса
Жуки слагают имена свои!
Усач бывает *серый длинноусый*,
Большой дубовый, *пучкоусый* и
Какой еще?..

Как ни верти слова ты —
Имен не превзойти: числа им несть!

¹ Борис Сергеевич Грищенко — муж Людмилы Александровны Сергиной, в пору написания поэмы — коллеги Ангела Жукова и Аси по Торгово-промышленной палате (*прим. автора*).

Есть, скажем, *ложнослоник беловатый*,
Вертяка желтоногая. А есть
Хрущак мучной с навозником плечистым
 (Их марш двойной — спокоен, звучен, груб).
 А есть — как негр, купающийся в чистом
 Пруду, — *большой и черный водолюб*.

В их именах — искус искусства сладкий.
 В их именах — надменность и пуризм,
 Как, скажем, *золотистой чернозлатки*
 И *чернозлатки черной* эстетизм.
 Но с этим можно спутать лишь по пьянке
 (Как спутать жен: свою, его и — ту)
 Воспитанность *красноголовой шпанки*
 И *плоскотелки красной* красоту...
 Как сильно должен взволновать поэта
 Узор, который я искусно тку...

Давайте выпьем, милая, за это.
 Коньяк хороший. Выпьем по глотку.

Встречались вы не раз с отребьем разным —
 Давно жуками многим титул дан:
Пиллюльщиком обыкновенным назван
 Быть может кодеинщик-наркоман.
 Есть имена — годны на каждый случай:
 Пристанет к вам на улице алкаш —
 «Катитесь к черту, *краснотел пахучий!*», —
 Сказали вы — и путь свободен ваш
 (А тот, бредя в отчаянье сквозь Невский,
 За гнусный вид в момент заплатит штраф);
 Есть — *хищник: волосатый, королевский*
 (Есть, правда, *королевский голаф*,
 Но это имя, право же, не грозно —
 Зато нахал и хам смутится всяк,
 Услышав: «Ах ты, *водолюб навозный*,
 Ах, *долготел хвостатый*, ах, *пестряк!*...»).

Конечно, славно где-то на пирушке,
 Влача легко приятельства гужи,

Быть другом *карапузику-платкушке*,
С *пятнистым карапузиком* дружить,
Но если с вами встретится противник —
В бег обращен, себе услышит вслед:
«Ах, *суринамский мукоед*, *нарывник*,
Трещалка спаржевая, *мертвоед!*
Рогачик однорогий ты и *фрачник*,
Скосарь турецкий — вот ты, гад, каков!..»

Давайте, Ася, — скол! За их удачу,
Давайте выпьем за родных жуков...

Но надо не забыть их двуименность,
Двуликость, неизменную в веках,
К звучанию пристрастие и склонность
На русском и латинском языках.

Элатес сангвинóлентус: ну, право,
Добряк-сангвиник виден за версту!
Однако это — жук *целкун кровавый*
(За что он прозван так? За доброту?).
Иль этот жук: *диáсперус болéти*.
В нем заподозрит каждый педераст
Намек на танец — нежный, как в балете,
На деле ж это имя (о, контраст!)
Одной далекой от балета штучки
(Ну, сложные лингвистов антраша!):
Жука — увы! — *березовой вонючки*...
Поэтому не рвитесь, мельтеша,
Таща латынь в поэзию и прозу-с!
Оно понятно: это — моды крик,
Но *мертвоед морщинистый* (*ригóбус*
Танатофíлус) вас одернет вмиг...

Конечно, есть прозрачности (топограф
Прочтет на карте выступ и уступ):
Ипс-типогáфус — *короед-типограф*;
Мелáндрия барбáта — *тенелюб*,
Но не простой: *барбата* — *бородатый*

(Фидель¹ промчался в памяти стремглав);
Криптоцефáлус кóрдигер когда-то
 Был назван — *сердцевидный скрытоглав*,
 И это имя — просто расшифровка:
 «Крипто» есть «шифр», «цефалус» — «голова»
 (Микроцефал, у вас болит головка?
 Криптограф, закодируйте слова!)...
 Смееетесь? Что ж, житейские напасти
 Всегда со смехом искренним в ладу.

Давайте выпьем, милая, за счастье,
 Лелеющее скрытую беду...

Могильщик и исследователь — знали
 Слова мы эти порознь, пока
 Они, соединившись вдруг, не стали
 Одним, единым именем жука
Некрóфорус-инвестигáтор: это
 Прекрасное слиянье чуждых слов —
 Название для космической ракеты,
 Когда в ракете гибнет Комаров²;
 Однако *дисконтéра Комарóви*
 (Из жужелиц; какая — не пойму)
 Любым ракетам — не родня по крови
 (А Комарову³ — да, но — не тому).

Казалось бы, в названье — польза ль, вред ли?
 Но почему я мучаюсь в тоске:

¹ Имеется в виду глава кубинских «барбудос» Фидель Кастро Рус (1926) — майор Вооруженных сил Кубы и почетный доктор юридических наук МГУ имени Ломоносова, Герой Советского Союза, Председатель Госсовета и Совета министров Республики Куба, первый секретарь ЦК КП Кубы.

² Владимир Михайлович Комаров (1927–67) — летчик-космонавт, инженер-полковник. Погиб 24 апреля 1967 года при завершении полета на новом космическом корабле, который назывался все же не «Могильщик-исследователь», а «Союз-1».

³ Владимир Леонтьевич Комаров (1869–1945) — ботаник и географ, президент Академии наук СССР. Собрал обширные коллекции флоры и фауны. Его именем назван бывший поселок Келломяки на Карельском перешейке.

Медляк гигантский — ну чего он медлит?
Медляк песчаный — почему в песке?

Зачем все задаю вопрос вселенский,
Как подзаборной повести герой:
Что делал с *мякотелкой деревенской*
Ощупник рыжий позднею порой?
Вот повалил — сейчас юбочнку снимет...
На них глазеют все кому не лень:
Жук-геркулес, музейный жук, а с ними —
Лука́нус це́рвус, то бишь *жук-олень*...

А есть *жуки-орлы*? *Жуки-дельфины*?..
На памяти — лишь некая свинья:
Рогач какой-то бляди *Адельфины* —
Неолампрі́ма адельфі́не...

Я

Недаром пью, пьянею и рыдаю.
Я рассказать хочу для вас, родной,
О том, как я немыслимо страдаю
При памяти, при мысли при одной
О том, что вас, снимающую брючки
Для радостей в семейном бардаке,
И эту руку с шариковой ручкой,
И референта с папкою в руке,
Как — с линзами контактными — глазницы
Сенатора, летящего на съезд,
Как зад веселой гамбургской блудницы —
Некрóфорус герма́никус проест —
Могильщик черный...

Боже мой, не надо
Словечек этих, сереньких, как мышь!

За горести тебе — одна награда:
Спокойствие, когда вот так летишь —
И вспоминаешь, как среди долины,
Средь травами колеблемой страны
Стремительно летят *циценделі́ны*:
Жуки с названьем легким — *скакуны*...

Тут публикатору следует сделать еще одно замечание.

Между Ангелом и Асей вспыхивает любовь, но от этой сцены осталось лишь несколько строк.

Вообще вся заключительная часть поэмы сохранилась лишь частично — и я привожу ниже эти отрывки в более или менее скомпонованном виде, но читателю остается самому додумывать то, что было поглощено огнем.

В скомпонованном виде заключительная часть выглядит так:

...Пишу слова без ханжества и фальши,
Поскольку хмель давно уже исчез.
Пишу о том, что с нами было дальше
Среди небес. Среди алчущих небес.

Кто не знаком с мучительным стеснением,
Когда не в силах двинуть языком?
Кто не знаком с любовным потрясением?
И кто со спазмом страсти не знаком?..

.....
Три поцелуя в губы — как отточье —
И смяты в пальцах, нежных и стальных,
И юбочка на маленьких крючочках,
И кофточка на кнопках потайных.
На кладь — одежду. Повернуться к Асе —
Ее лицо пылает кумачом
(Обнять ее и — тихо: «Раздевайся!»)
Над вылезшим из ляпочки плечом.
О, этих плеч и матовость и бледность,
Прорезанная шлеечкой двойной,
Ключиц и грациозность и безбедность
И жилоч пульс взволнованно больной!
И радость оправдавшейся надежды
(Опал и — на пол! — лифчика опал),
Что все, что вдруг открылось за одеждой,
И есть все то, о чем ты так мечтал.
И губы.....

...И чудо ты найдешь, раскрывши складки,
Увиденное глазом языка,

Со вкусом странным — кисловато-сладким
И в ноздри нежно плещущим.....

Опять — публикатор.

Позже, перейдя в кабину самолета, Ангел Петрович занес впечатления о полете в свой дневник. И тут его посетила неожиданная для него мысль.

...Я объясню, зачем пишу все это.
Не жажда самовыраженья, но
(Из тайного не сделаешь секрета)
Меня прозреньем мучает одно:
Ведь никому от века не заказан
Визионерства скромный дубликат.

Сегодня буду я за все наказан.
Вот только знать бы, кто — мой тайный кат?

Я чувствую... Проклятие! — я знаю
С предобреченьем римского раба:
Как статуэтка легкая резная,
И гнется и трещит моя судьба
В какой-то лапе. Что за лапа, Боже —
Большая, как Хароново весло...

За что же это, Господи? За что же? —
Четвертый раз нещадно пронесло...
Ах, как он унизителен, поверьте,
Тупой неудержимый этот дрист!..
А впрочем, что же, разве *перед смертью*
Не лучше, если ты с изнанки чист
И в миг, когда безжалостное дуло
Нацелит в лоб тебе какой-то скот,
Тебя не будет мучить образ стула,
Не схватит жалкой спазмою живот —
И с бытием смиренно расставаясь,
Неслышно отлетающим, как сон,
В бессмертии тихонько растворяясь,
Ты не изгадишь шелковых кальсон?..

Стоп! «Перед смертью»?.. Что ж, выходит, назван
 Прозренья адрес: «смерть»? Но как же так!
 «Сегодня буду я за все наказан»?
 «Наказан» — слово ясное: пустяк,
 Ну — розги, ну — по морде, ну — потеря
 Какая-то: ну — деньги, партбилет...
 Но в смерть как искупление я не верю.
 Не жирновато ль будет — в сорок лет,
 Краснея в унижительном скандале,
 Быть уличенным всяким пошляком
 В отбрасывании за спину сандалий
 И в пребыванье в трупах босиком?..

Скребется в кофрах кладь... Но если все же
 Подумать о прозрениях всерьез...

.....
 ...Мы мучимы единой общей жаждой,
 Изобретая свой велосипед.
 Мы все поэты... Разве что не каждый
 Смирился, что и он, увы, поэт.

Мой жребий скуден. Он уже указан.
 За жизнь свою, бесплодную давно,
 Я нынче буду по кадык наказан.

Я ставлю точку — и смотрю в окно,
 Где посреди желтеющего вельда,
 Стреляющего вспышками озер,
 Гигантский призрак Дага Хаммаршельда¹
 Качаясь, вырос в мареве — и взор.....

Это взорвалась близ самолета Торгово-промышленной палаты
 ракета, запущенная мятежниками-сепаратистами. Самолет уже
 вошел в воздушное пространство Глаголы — и сколько я мог по-
 нять из рассказа рекомендованного мне Александром Николае-
 вичем «товарища», экипаж пытался даже посадить корабль, но

¹ Даг Яльмар Хаммаршельд (1905–61) — шведский дипломат, Генеральный секретарь ООН. Погиб в авиационной катастрофе в Замбии при невыясненных обстоятельствах, близких к вышеописанным.

буквально за пять метров до посадки он рухнул на землю и развалился на куски. Произошел взрыв, разметавший содержимое самолета по сторонам. Экипаж и пассажиры погибли. Чудом уцелевший и полубогоревший «Дневник» нашли в полусотне метров от обломков.

Но из треснувших кофров на поля Глаголы выползли ничуть не пострадавшие жуки-онтофагусы, которые тут же принялись за работу.

Это позже дало Торгово-промышленной палате повод потребовать у правительства Глаголы оплаты проделанной акции, ибо основные пункты заключенного договора оказались выполненными.

Публикатор Юджин Принцгер

1977, 1994, 2001;

*«Монолог» впервые опубликован
в журнале «Аврора» № 7–1994*

Раздел III

ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕЛОЖЕНИЯ

*Из Тараса Шевченко*¹

ЗАВЕЩАНИЕ

Как умру, на Украине
Меня схороните,
Где среди степи широкой
Днепр синее нитью,
Чтобы мне из той могилы
Над днепровской кручей
Было видно все — и слышно,
Как ревет ревучий.
Схороните — и вставайте,
Кандалы порвите
И недоброй вражьей кровью
Цепи окропите.
И как только кровь чужую
Смоет с Украины
В море синее — могилу
Я свою покину
И пойду один оттуда
К Божьему порогу
Помолиться (а куда
Я не знаю Бога).
И меня в семье свободной,
В братстве этом новом
Не забудьте, помяните
Добрим тихим словом.

С украинского.

1951, 2001, Оренбург — Санкт-Петербург

¹ Тарас Григорьевич Шевченко (1814–61) — украинский поэт и живописец.

ВСТУПЛЕНИЕ К «СЛОВУ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Не начать ли слогом старым, братья,
Чтя далеких песен лад и ход,
Наш рассказ об Игорево́й рати —
Вспомнить Святославича¹ поход?
Да, начнем. Но сделать надо это
По приметам века своего —
Вопреки Бояновым заветам,
Не по замыслению его.
Ведь Боян², прозрений полон вещей,
Прежде чем кому-то петь хвалу,
Растекался мыслью по стволу
Дерева далеких лет зловещих.
Помнил он той распри голоса,
Потому и слово, круг за кругом,
Как орел, взлетало в небеса,
Серым волком мчалось по яругам.
Гнал он как бы десять соколов
На лебяжью испугнутую стаю.
Попадет лебедушка в улов —
Тут она и песню начинает.
Вот и пела лебедь песнь свою
Ярославу старому³. А позже —
Храброму Мстиславу⁴, что в бою

¹ Игорь Святославич (1150–1202) — князь Новгород-Северский и Черниговский. Его поход 1185 года на половецкого хана Кончака окончился поражением: Игорь попал в плен и лишь два года спустя бежал на родину, к жене Ефросинье Ярославне, а потом в Киев.

² Боян Вещий — певец и гуслиря XI века. Видимо, житель Тьмутаракани, но много путешествовал. Воспевал события своего века от 1022-го до 1076 годов при княжеских дворах Ярослава и Мстислава Владимировичей, Святослава Ярославича, а также Олега и Романа Святославичей; воспел норвежского конунга Харальда Хардраду.

³ «Старый Ярослав» — Ярослав Владимирович Мудрый (ок. 978–1054) — великий князь Киевский.

⁴ Мстислав Владимирович (?–1036) — брат Ярослава Мудрого, князь Тьмутараканский и Черниговский. В 1022 году одолел в поединке касожского князя Редеду. Враждовал с братом Ярославом, но в конце концов примирился с ним.

Смяв Редедю¹, князя войск касожьих,
 Заколот. И наконец, Роман
 Святославич², князь прекраснолицый,
 Был воспет парящей в небе птицей.
 Но не десять соколов Боян
 На лебяжью стаю в высоте
 Напускал, а вещими перстами
 Струн живых касался он — и те
 Рокотали князю славу сами...
 Так начнем же, братья, наш рассказ,
 Где Владимир старый³ — у истока,
 А в конце, сегодня — Игорь-князь⁴:
 Ум свой препоясавший жестоко
 Храбростью, он смело поострил
 Сердце крепким мужеством — и вынул
 Меч, и, преисполнен ратных сил,
 Все полки в поход отважно двинул —
 На землю Половецкую
 За землю Русскую.

*1951, 1968 (примечания — 2001),
 Оренбург—С.-Петербург*

Начав перелagать «Слово» еще в школе, я через шестнадцать лет мечтал закончить эту работу, написать по «Слову» радиопьесу, театральную драму, но тем дело и кончилось... «Так погибают замыслы с размахом, вначале обещавшие успех...»

¹ Редедя (ум. в 1022) — касожский (черкесский) князь.

² Роман Святославич (?–1076) — внук Ярослава Мудрого, сын Святослава Ярославича, князь Тьмутараканский.

³ Еще один «старый князь» — Владимир I Святой Красное Солнышко (?–1015) — князь Новгородский и великий князь Киевский, основатель христианства на Руси.

⁴ Уже знакомый нам Игорь Святославич, главный персонаж «Слова (повести) о походе Игоревом, Игоря Святославича, внука Олега». Намерение автора «Слова» охватить временной отрывок, более чем втрое превышающий хронологию Бояна, говорит, что различие певцов — не в хронологических операциях, а в манере стиха: пышнословно-панегирической у «соловья старого времени» — и тревожно-драматичной у автора песни о гибели «полка Игорева».

*Из Дж. Н. Г. Байрона*¹

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В АЛЬБОМ НА МАЛЬТЕ

Как чьим-то именем влечет
В пути нас хладный и высокий
Надгробный камень, — эти строки
Твое вниманье в некий год
К себе случайно привлекут,
И вспомнишь, что давно не стало
Меня на свете, но сначала
Я сердце схоронил — вот тут.

С английского.

1952, Оренбург

Из детской английской поэзии

ЛИССИ ФРОСТ И ЕЕ СОБАКА

У старушки Лисси Фрост
Был огромный добрый пес,
Преданный и верный.
Каждый вечер Лисси Фрост
Покупала псине кость
В маленькой таверне.
Но в начале февраля
По указу короля
Заперли таверну.
И оставшись без кости,
Бедный псина грустит —
С голоду, наверно.
Лисси Фрост взяла клюку,

¹ Джордж Ноэл Гордон Байрон (1788–1824) — английский поэт. В школьные годы я переводил и его отдельные стихотворения, и отрывки из поэм и романов («Паломничество Чайльд-Гарольда», «Гяур», «Дон Жуан»). Любопытно, что увлечение Байроном порождено было — обратный ход! — увлечением поэзией Лермонтова.

Потащилась к мяснику,
 Думая со вздохом:
 «Дай, куплю родному псу
 Кровяную колбасу», —
 А вернулась — сдох он.
 Лисси Фрост взяла клюку
 И пошла к гробовщику,
 Думая сердито:
 «Видно, время — на погост», —
 А вернулась — верный пес
 И живой, и сытый.
 Вот какой чудесный пес
 Был у старой Лисси Фрост¹.
 Говорят, однако,
 Он умел к тому ж считать,
 Петь, читать и танцевать —
 Клад, а не собака!

С английского.

1958, Ленинград

Из Эдгара По²

АННАБЕЛЬ ЛИ

Это было давно, много лет назад,
 В королевстве у моря, вдали.
 Я любил тогда ту, что могли вы знать
 По имени Аннабель Ли,
 И она не знала иной судьбы,
 Чем любить и любимой быть.

Мы были дети — и я и она —
 В королевстве у моря, вдали,
 Но наша любовь была больше любви —
 Моя и Аннабель Ли,

¹ «Лисси Фрост» — читай: «Лариса Морозова» с английского.

² Эдгар Аллан По (1809–49) — американский поэт, эссеист и автор детективных повестей.

Словно ангелы нас осенить смогли,
Меня и Аннабель Ли.

Но было что-то тогда, давно,
В королевстве у моря, вдали —
Ветер рванулся из тучи в ночи,
Пронзивши Аннабель Ли,
А потом какие-то люди пришли
И ее от меня унесли,
И ее положили в холодный склеп
В королевстве у моря, вдали.

Ведь и части нашей с нею любви
Они там, в небе, понять не могли!
Да! Было что-то (знали все
В королевстве у моря, вдали) —
Примчался к нам ветер холодный в ночи, —
И убил он Аннабель Ли.

Но и дальше наша любовь была
Сильнее обычной любви
Тех, кто старше, чем мы,
И намного мудрее, чем мы, —
И ни ангелы в их голубых небесах,
И ни демоны в темных глубинах земли
Не отнимут моей души от души
Прекрасной Аннабель Ли.

Ведь не светит луна, не явив среди сна
Мне прекрасной Аннабель Ли,
И не вспыхнет звезда, не напомяв глаза
Мне прекрасной Аннабель Ли,
И всю ночь в тишине вспоминаю о ней —
О любимой — любимой! — о жизни, жене,
О могиле ее на краю земли,
В королевстве у моря, вдали...

С английского.

1958, Ленинград

*Из Михаила Квливидзе*¹

МОНОЛОГ РЕМЕСЛЕННИКА

Я был поэтом? Вздор! Свое стило
 Я продал. Взял другое ремесло.
 Грузинский шрифт, пройдя по словарю,
 Я высыпал в котел — и клей варю,
 И клею в мастерской своей куски
 Тарелок и кувшинов; черепки
 Фарфора и фаянса; и металл.
 Обширен клей — и сам я клеим стал!
 Я клею ключья справок и депеш,
 Поруганных обычаев, надежд,
 Я склеиваю клятвы и сердца —
 Все то, на что махнули вы в сердцах,
 Не пощадив, забыв, стувив, предав,
 Порвав, разбив, изрезав, истерзав...
 Как Гамлет (но седой уже), стремлюсь
 Слепить времен распавшийся союз!

Авторизованный перевод с грузинского.

1974, Ленинград

*Из Рида Уиттемора*²

ФИЛАДЕЛЬФИЙСКИЙ ВИРЕОН³

*Тот, кто не слышал голоса виреона,
 вряд ли распознает этот вид.*

*Роджер Тори Петерсон.
 «Полный определитель птиц»*

Ну как обойдешься в этих лесах без птичьего каталога!
 Строя гнездо на балконе моем, сидит светлогрудое
 и хлопотливое нечто, которое я называю фебой.

¹ Михаил Георгиевич Квливидзе (1925) — грузинский поэт.

² Рид Уиттемор (1921) — американский поэт, представитель так называемой «университетской школы»; в пору нашего знакомства в «Авроре» заведовал Библиотекой конгресса США.

³ Виреон — распространенная в Северной Америке певчая птица.

Человек высоко (хоть и думает, будто узнал тебя до конца)
тебя ценит.

С английского.

1975, напечатано в «Авроре» № 6–1975

Из Уильяма Блейка¹

ТИГР

Тигр, о, Тигр, в лесах ночи
Льющий светлые лучи!
Кто, бессмертный, создал вмиг
Твой зловеший ладный лик?

В далях неба иль земли
Пламень глаз твоих нашли?
Чьи крыла несли огонь?
Чья взяла его ладонь?

Кто, скрутив пружины жил,
Сердце в ход твое пустил?
Кто обрушил этот стук
Силой страшных ног и рук?

Чей топор был? Цепи — чьи?
Мозг отлили в чьей печи?
Чей был горн? И кто держал
Рукоять, куя металл?

Ты — как на небе Телец:
Не единый ли Творец
Вас улыбкою согрел
В слезном ливне звездных стрел?

¹ Уильям Блейк (1757–1827) — английский поэт и художник. «Тигр» взят из его «Песен познания» (1794). Небезынтересно, что российские переводчики (скажем, Самуил Маршак) перелагали пятую строфу стихотворения двумя строфами, видимо, не в силах уложить ее содержание в одну — и тем нарушая своеобразную гармонию блейковского стихотворения.

Тигр! О, Тигр, в лесах ночи
Льющий светлые лучи!
Кто, бессмертный, создал вмиг
Твой зловещий ладный лик?

С английского.

1999, С.-Петербург

Из Михаила Лермонтова

ОЖИДАНИЕ¹

Я жду ее в долине мрачной.
Мне призрак чудится прозрачный,
Во тьме шагающий ко мне.
Но нет, обманчива надежда:
То ива, сбросивши одежды,
Стучит ветвями в тишине.

Склонясь, я слушаю — и мнится,
Что легкий звук шагов стремится
Ко мне дорогою. Но нет,
То — не шаги, то — шелест листьев,
Которые в долине мгlistой
Подъемлет ароматный ветер.

Дрожа, тоскуя и страдая,
Я незаметно засыпаю —
И крепко сплю в траве густой...
Вдруг просыпаюсь: сквозь дремоту
Ее мне голос шепчет что-то
И губы лоб целуют мой.

С французского.

2000, С.-Петербург

¹ Единственное стихотворение Лермонтова, написанное по-французски.

10 мая 1841 года Лермонтов послал это стихотворение из Ставрополя в Петербург дочери историографа Софье Карамзиной. Он писал ей (разумеется, по-французски, как и само стихотворение):

«...Я не знаю, будет ли это продолжаться; но во время моего путешествия мной овладел демон поэзии, или — стихов. Я заполнил половину книжки, которую мне подарил Одоевский¹, что, вероятно, принесет мне счастье. Я дошел до того, что стал сочинять французские стихи — о разврат! Если позволите, я напишу вам их здесь; они очень красивы для первых стихов и в жанре Парни², если вы его знаете...» (и далее следовало «Ожидание»).

Развязка этого сюжета наступила очень скоро. 15 июля 1841 года — вместе с пулей, посланной ему на поединке соучеником по петербургской Школе гвардейских подпрапорщиков, — Лермонтов наконец встретил ту, которую так напряженно ожидал...

¹ Владимир Федорович Одоевский (1803/04–69) — князь, писатель и философ; 13 апреля 1841 года подарил Лермонтову свою любимую записную книжку, которая теперь хранится в петербургской Российской национальной библиотеке.

² Эварист Парни (1753–1814) — французский поэт, приверженец «легкой поэзии» простых чувств в противовес популярным тогда классицистским возвышенным.

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ЛЕДОВОМ ПОБОИЩЕ 1242 ГОДА?

Свидетельство новгородской летописи

Наиболее древним свидетельством историки называют рассказ Новгородской 1-й летописи старшего извода. Он восходит к одному из летописных сводов середины XIII века, которые составлялись при новгородских церквах св. Якова и св. Софии.

Я перелагаю его на язык, близкий к современному, — и даю краткие комментарии. Вот как он звучит в этом переложении:

«В лето 6750¹. Пошел князь Александр с Новгородцами и с братом Андреем и Низовцами² на Чудскую землю на Немцев и занял все пути до самого Пскова. И изгнал князь Немцев и Чудь³ из Пскова, и, сковав пленных, отправил в Новгород, а сам пошел на Чудь⁴. И вступив на эти земли, отправил весь полк в зажитье⁵,

¹ То есть в 1242 год: для перевода лет со старого летосчисления на современное надо от старой даты отнять 5508.

² Речь идет о правившем тогда в Новгороде князе Александре Ярославиче (1220–63), прозванном Невским за победу над шведами в 1240 году на Неве при впадении в нее реки Ижоры; брат Александра — Андрей Ярославич. «Низовцами» называли жителей владими́ро-суздальских земель.

³ То есть войско орденских, Ливонских, рыцарей и подвластных им ливов, лэттов, эстов.

⁴ На земли, лежавшие западнее Чудского озера и находившиеся под властью Ливонского ордена.

⁵ На сбор продовольствия у местных жителей.

а Домаша Твердиславича и Кербета в разгон¹. И узрели те Немцев и Чудь у Моста², и бились тут. И убили тут Домаша, брата посадника, мужа честного, и иных с ним побили, а других руками взяли³, а иные к князю прибежали в полк. Князь же повернул к озеру. Немцы же и Чудь пошли на них. Увидя же это, князь Александр и Новгородцы поставили полк у Чудского озера, на Узмени⁴, у Воронья камня⁵. И наехали на полк Немцы и Чудь, и пробились свиньею⁶ сквозь полк. И была тут великая сеча Немцам и Чуди. Бог же и святая София и святые мученики Борис и Глеб, ради которых новгородцы пролили свою кровь, своими святыми молитвами помогли князю Александру. А Немцы тут пали, и Чудь повернула плечи⁷, и гнали, их побивая, 7 верст по льду до Суболичьского берега⁸. И пало Чуди без числа, а Немцев 400 и 50 руками взяли и привели в Новгород⁹. А бились месяца апреля в 5, в день памяти святого мученика Клавдия и похвалы святой Богородице, в субботу».

¹ В конную разведку.

² Вероятно, у древнего Хаммаста или нынешней Моосте, но не исключено, что и у бывшего Моста на юге Теплого озера.

³ То есть захватили в плен.

⁴ Узменью многие ученые называют район Теплого озера между Псковским и Чудским озерами, но есть и другие толкования.

⁵ Долгое время Вороний камень исследователи «располагали» в самых разных местах на Узмени. Дольше всего считалось, что он находился на Вороньем острове. Последние исследования группы Ивана Кольцова определили его местонахождение на северной оконечности деревни Таборы в междуречье Желчи и Самоловки.

⁶ Под этим термином подразумевается клинообразное построение рыцарского войска, рассекавшего врага на две части.

⁷ Дословно: «даша плещи».

⁸ Подразумеваются западные побережья Чудского и Теплого озер, у которых ловили рыбу, называемую по-местному «соболек», или «сущик». Другая этимология названия предлагается от соболя, которого в древности добывали на том берегу.

⁹ В Софийской 1-й летописи, составленной на основе и 1-й Новгородской летописи и «Жития Александра Невского», текст которого будет сейчас приведен, есть дополнение о немецких потерях: «а иных вода потопи, а иные зле язвени (то есть раненные, — А. III.) отбогаша».

Свидетельство «Жития»

«Житие Александра Невского» первой редакции было составлено неизвестным монахом Рождественского монастыря во Владимире в 80-е годы XIII столетия.

Вот относящийся к Ледовому побоищу текст, излагаемый близким к современному языком и кратко прокомментированный:

«По победе же Александровой, когда победил короля¹, в третий год, в зимнее время, пошел с силой великой на землю Немецкую, дабы не хвалились, говоря: “Устыдим Словенский язык”². Ибо уже был взят град Псков и тиуны³ в нем посажены. Их же князь Александр изгнал и град Псков освободил из плена. А земли их завоевал и пожег, и в плен взял без числа, а иных посек⁴.

И сошлись другие грады Немецкие и сказали: “Пойдем и победим князя Александра и возьмем его руками”⁵. Когда приблизились ратные, то прознали о том стражи Александровы. Князь же Александр, ополчившись, повернул обратно — и покрылось озеро Чудское множеством воинов обоих войск.

Отец же его Ярослав прислал ему брата меньшого Андрея на помощь со многой дружиной. Также и у князя Александра было множество храбрецов, как в старину у царя Давида, крепких, сильных. Так и мужи Александровы исполнились духа ратного, ибо сердца их были, как у львов, и рекли: “О княже наш честный! Ныне пришло время положить нам свои головы за тебя”. Князь же Александр, воздев руки к небу, рек: “Суди меня, Боже, и рассуди распрю мою, избавь от несправедного народа,⁶ помоги

¹ Речь — о победе Александра на Неве над отрядом, ведомым ярлом Швеции Ульфом Фаси и родственником короля Биргером.

² Это выражение имеет, конечно, сугубо литературное происхождение; воспринимать его как историческое нельзя.

³ Тиуны — тут: орденские рыцари для управления городом.

⁴ Эта фраза — о результатах похода Александра в Ливонию.

⁵ Выражение — из числа литературных домыслов «Жития», но есть в нем и реальность, отраженная в 1-й Софийской летописи: «Услышав сие, мистер (магистр ордена — *А. III.*) изыде против них со всеми епископами своими и со всем множеством языка их, что ни есть на сей стороне (с подвластными народами — *А. III.*), и с помощью королевою (датского короля, во владении которого с 1219 по 1346 годы находилась Эстляндия — *А. III.*)».

⁶ В оригинале: «и рассуди прю мою, от языка велеречива избави мя»; однако историк Юрий Константинович Бегунов реконструирует первоначальный

мне, Боже, как помог в древности Моисею против Амалика и прадеду моему Ярославу против окаянного Святополка”¹.

Был же тогда день субботный, и на восходе солнца сошлись оба войска. И была сеча зла, и треск ломающихся копий, и звук ударов мечей, словно двинулось замерзшее озеро².

Слышал я от очевидца, что рек мне: видел Божий полк в воздухе, пришедший на помощь Александру. И победил их с помощью Божию, и повернули ратные плечи свои. Их же секли, гоня, как по воздуху, и не было им, куда скрыться. Так прославил Бог Александра перед всеми полками, как Иисуса Навина в Ерихоне. А кто рек: “Возьмем руками Александра”, того дал ему Бог в руке своей. И не нашелся никто, достойный ему в боях.

И возвратился князь Александр со славной победой. И было множество пленных в полку его, и вели босыми подле коней тех, кто именовался божьими рыцарями...»³

Свидетельство «Рифмованной хроники»

«Старшая ливонская рифмованная хроника» создавалась примерно в то же время, что и «Житие Александра Невского». Ее автор тоже нам неизвестен. Считают, что это был герольд или военный слуга, прибывший в Ливонию в 1278–1279 годах и служивший ордену до начала 90-х годов XIII столетия.

текст так: «и расуди прю мою от языка велеречна» (просьба об избавлении отсутствует).

- ¹ Во всем этом абзаце исторически значимым является только сообщение о присылке князем Ярославом на помощь Александру дружины другого своего сына — князя Андрея. В остальном же все «произносимые» воинами и князем фразы есть лишь литературный прием, призванный возвеличить героя «Жития».
- ² Опять-таки характер исторического значения имеет тут лишь первая фраза. Описание битвы, как ни красочно оно звучит, автор «Жития» заимствовал из паремийного чтения в честь Бориса и Глеба, где есть описание упомянутой выше битвы между Ярославом Мудрым и Святополком Окаянным, убийцей князей.
- ³ Вышесказанного достаточно, чтобы и в этом отрывке отделить литературный вымысел «Жития» от крупниц исторической истины. Эти литературные достоинства так же бесспорны, как и те ценные сведения, что оно донесло нам через семь веков.

«Рифмованная хроника» — единственный западноевропейский источник, созданный независимо от русского летописания и содержащий оригинальные сведения о Ледовом побоище. Прозаический научный перевод ее части, связанной с Чудской битвой, впервые был сделан Игорем Эриховичем Клейненбергом и прокомментирован Игорем Павловичем Шаскольским в книге «Ледовое побоище. 1242 г.» (М.—Л., 1966).

Попытка стихотворного перевода «Хроники» осуществляется автором этой книги впервые в нашей литературе.

Итак, вот стихи 2065–2294 «Рифмованной хроники»:

2065 ...Теперь историю прервем¹,
Чтоб рассказать сейчас о том,
Чем жил Немецкий Дом² тогда —
В Ньефланта³ ранние года.
Был в Дáрбете⁴ епископ Герман⁵.

2070 В те дни он начал, Богу верный,
Вражду с народом россиян:
Тот встать хотел на христиан⁶,
Но за кощунство сам в ответ
Перетерпел немало бед.

2075 Сносил епископ долго зло.
Когда ж терпенье истекло,
Он помощь испросил у братьев⁷.
Магистр⁸ начал собирать их —
И вот привел героев смелых,

2080 Отважных, дерзких и умелых⁹.
И люди короля¹⁰ за ним

¹ Ранее хронист вел речь о разделе Северной Эстонии.

² «Немецкий Дом» — самоназвание Тевтонского ордена.

³ Ньефлант — так хронист поэтично называет Ливонию.

⁴ Дáрбет — эстонский Тарту, русский Дерпт (Юрьев).

⁵ Герман — епископ эстонский, перенесший в 1224 году свою резиденцию в тартуский вышгород.

⁶ Под истинными христианами в «Хронике» подразумеваются только приверженцы римско-католической церкви.

⁷ Братья — рыцари ордена, связанные монашеским обетом.

⁸ Магистр — глава ливонской ветви Тевтонского ордена.

⁹ Эти эпитеты постоянно употребляются для характеристики воинов в старонемецкой рыцарской эпической поэзии.

¹⁰ Вассалы короля Дании с отрядом зависимых от них эстов.

- С отрядом прибыли большим.
 Епископ встретил их, ликуя, —
 И силу двинули большую
 2085 На земли русские они¹,
 Ведя в лихой охоте дни².
 Был замок ими осажден —
 У русских Избурк³ звался он.
 Никто гостям в нем не был рад,
 2090 А сам он штурмом вскоре взят.
 Из тех, кто жил там, ни один
 Не вышел цел и невредим.
 Кто меч держал и поднял щит —
 Захвачен в плен или убит.
 2095 То причитания, то стон,
 То плач неслись со всех сторон
 От этой худшей из вестей.
 И не возрадовались ей
 Те, что в Плескóве⁴ проживали —
 2100 Так город⁵ русский называли,
 Соседствовавший с замком. Он
 Был грозным людом населен.
 Не долго ждал его народ⁶.
 Он быстро поднялся в поход —
 2105 И каждый мчался на коне
 В своей блистающей броне⁷,
 И шлемы всадников светло
 Сияли, будто бы стекло⁸,
 И было среди их полков

¹ Подразумеваются епископ и магистр.

² Идиома «вести в лихой охоте дни» равнозначна выражению: «их дела шли хорошо».

³ Избурк — это Изборск: русское «борск» хронист по звуковому сходству заменил на «вогс», то есть замок, крепость.

⁴ Плескóв — Псков.

⁵ Хронист называет Псков «stat», то есть город с посадом, в отличие от Изборска — просто замка, кремля.

⁶ «Не долго ждал его народ» — часто встречаемый в «Хронике» художественный прием (см. стихи 2167, 2188, 2234).

⁷ «Блистающая броня» — постоянный стилистический штамп в немецком рыцарском эпосе.

⁸ Сравнение шлемов со стеклом — того же свойства.

- 2110 Немало лучников-стрелков¹.
На братьев ринулись они —
Те с королевскими людьми
Врагам в отпор, презревши страх,
На них напали на конях².
- 2115 Епископ Герман, как герой
Ведя отряд, ворвался в бой,
И немцы нанесли врагам
Немало тяжких рваных ран³.
И русским вскоре худо стало:
- 2120 Их восемьсот на поле пало.
Так тяжкий русичам урон
Под Избурком был нанесен.
Живые бросились бежать.
Вослед им мчалась братьев рать,
- 2125 Тесня их к дому⁴ все сильней.
Плетьми и шпорами коней
Они усердно понукали,
Чтобы от гибели подале
Скорее к дому улизнуть, —
- 2130 И долог им казался путь.
И лес звенел от криков боли,
И мчались братья вслед им в поле.
Там есть река — зовется Мбде⁵.
Вот братья одолели броды,
- 2135 Ведя с собой ряды бойцов —
Своих отважных храбрецов.
Те, что в Плескове, им не рады,
Гостей завидевши отряды.
А под Плесковом у реки,
- 2140 Шатры раскинувши, полки
Епископа, и короля,
И братьев встали на поля,

¹ Ценная деталь в описании вооружения русских воинов.

² Дословно: «в конном строю».

³ Дословно: «наносили широкие раны».

⁴ В тексте: «к земле»; соответствует русскому «к дому».

⁵ Мбде — судя по всему река Великая.

- Чтобы на лен права свои¹
Здесь заслужить, идя в бои.
- 2145 И вскоре рыцарям как раз
О бое отдан был приказ
И дали воинам понять:
Пускай готовят к штурму рать.
Тогда приготавленья эти
- 2150 Сумели русские заметить.
Поняв, что штурмовать хотят
И замок их, и их посад²,
Решили ордену во власть
Отдаться, худшего боясь,
- 2155 Под Избурком лишившись сил.
И орден с ними заключил
Мир, проведя переговоры,
Условия добившись скоро,
Чтобы князь³ Герпольт⁴ уступил
- 2160 И замок тот, в котором жил,
И лучшие в округе земли,
Своей лишь доброй воле внемля,
Навеки ордену, чтоб ими
Магистр правил, как своими.
- 2165 Так в штурме кончилась нужда.
И заключивши мир тогда,
Они не стали долго ждать.
Благодаря за благодать,
Ниспосланную им от Бога,
- 2170 Войска в обратную дорогу
Поспешно собрались — и вот,
Ликуя, двинулись в поход.
Двух братьев там они смогли
Для охранения земли⁵

¹ Речь идет о праве получить лен — земельный надел — на захваченных псковских территориях.

² Хронист вновь различает «borg» (кремль) и «stat» (посад).

³ Дословно: «kunic» — король.

⁴ Герпольт, по мнению большинства историков, это князь Ярослав Владимирович из рода смоленских Ростиславичей.

⁵ То есть оккупированной псковской земли.

- 2175 Оставить с маленькою силой¹,
 Что позже очень навредило
 Их тут господству², говорят.
 Есть на Руси обширный град —
 Ногáрденom зовется он³.
- 2180 И князь его⁴ оповещен
 Был о Плескове вскоре — и,
 Полки огромные свои
 Собрав, привел он эту силу,
 Чтобы она освободила
- 2185 Тех, что в Плескове проживали
 И радостно свободы ждали.
 Едва завидя немцев-братьев,
 Князь не заставил долго ждать их,
 Права на фогство их отняв⁵
- 2190 И вместе с кнехтами изгнав⁶.
 Была в Плескове немцев малость,
 Но никого там не осталось —
 Земля же русским отдана.
 Так братья в эти времена
- 2195 Вели дела. Когда б сумели
 Они Плесков сберечь, на деле
 Была бы польза христианам,
 А не позорище с изъяном⁷.
 Кто земли чьи-то покорил,
- 2200 Но войском их не укрепил,
 Убытки понеся, заплачет,
 Когда потерпит неудачу.

¹ Имеется в виду небольшой военный отряд слуг-немцев.

² В оригинале: «Это позже обернулось им во вред: их господство длилось небольшой срок».

³ Ногáрден — одна из наиболее распространенных форм передачи в немецких текстах названия Новгорода Великого.

⁴ Хронист не назвал тут по имени Александра Невского.

⁵ Дословно: «избавив их от фогства», то есть от исполнения обязанностей фогтов — правителей захваченных земель.

⁶ Кнехты — солдаты отряда военных слуг.

⁷ В оригинале — многозначное слово, обозначающее «позор», «изъян», «упрек», «преступление», «несчастье».

- Хоть князь в Ногарден воротился,
 Мир ненадолго воцарился.
- 2205 Есть на Руси обширный град,
 Весьма могучий, говорят.
 Его мы Суздадем¹ зовем.
 Князь Александр правил в нем².
 Приказ готовится к сраженью
- 2210 Он дал. Соседей пораженье
 Чли русские себе в укор³.
 Недолог был военный сбор.
 Князь Александр покинул Суздаль,
 Ведя готовые на удаль
- 2215 Большие русские полки.
 Скакали с луками стрелки,
 Гордясь доспехов украшеньем,
 Знамен расшитых⁴ шевеленьем
 И шлемами, что лили свет⁵.
- 2220 И проложило войско след
 На земли братьев. Те же, скоро
 Вооружившись для отпора,
 Хотели преградить дорогу,
 Но было их совсем немного⁶.
- 2225 И в Дарбет весть пришла о том,
 Что Александр в Немецкий Дом
 Вступил, нарушив рубежи,
 Чиня пожар и грабежи⁷.
 Епископ оценил сей ход,
- 2230 Мужам епископства⁸ в поход
 Велев идти на помощь братьям

¹ В «Хронике» — точная транслитерация русского топонима.

² Ошибка хрониста: впервые называя по имени Александра Невского, он не отождествляет его с освободителем Пскова, полагая, что он — суздальский, а не новгородский князь.

³ Дословно: «русским были обидны их неудачи».

⁴ Дословно: «богато украшенными знаменами».

⁵ Дословно: «их шлемы были известны как сияющие».

⁶ Дословно: «их было там умеренно много».

⁷ Фраза о пожарах и грабежах — из числа постоянных литературных приемов при описании в эпосе военных походов.

⁸ То есть воинам земель, находившихся в распоряжении ливонских епископов.

- Навстречу грозным русским ратям.
 Недолго медлили мужи,
 Но привели на рубежи
- 2235 Немногочисленную рать.
 И братья не смогли собрать
 Большого войска. Но решили,
 Доверясь этой общей силе,
 Пустить на русских конный строй.
- 2240 И начался кровавый бой.
 И русские стрелки в игру
 Вступили смело поутру,
 Но братьев зна́менный отряд¹
 Прорвал передний русский ряд.
- 2245 И звон мечей был слышен там.
 И рассекались пополам
 Стальные шлемы. Битва шла —
 И было видно, как тела
 В траву валились² с двух сторон.
- 2250 Отряд немецкий окружен
 Был русскими — и их число
 Настолько немцев превзошло,
 Что вел с шестьюдесятью бой
 Из братьев-рыцарей любой³.
- 2255 Хотя упорно бились братья,
 Их одолели русских рати.
 Часть дарбетцев, ища спасенья,
 Поспешно вышла из сраженья:
 Ведь двадцать братьев⁴ жизнь свою

¹ «Зна́менный отряд» — синоним характерного для орденских рыцарей клиновидного построения войска — летописной «свиньи».

² Упоминание о траве говорит в пользу того, что Ледовое побоище шло отнюдь не на льду Чудского озера. Изыскания, проведенные осенью 1991 года под руководством инженера Ивана Евсеевича Кольцова, показали, что битва шла не на западном конце мыса Сиговец близ Вороньего острова, как сочла экспедиция АН СССР 1958–1966 гг., а на суше — меж деревень Козлово, Таборы и Кобылье Городище, но закончилась как раз на льду Желчинской бухты Чудского озера.

³ Число 60 — сугубо условное поэтическое обозначение превосходства в силе, не раз встречающееся в «Хронике».

⁴ 20 — это, вероятно, лишь число вассалов дарбетского епископа; «Хроника Тевтонского ордена» называет цифру 70.

- 2260 Отважно отдали в бою,
 А шестерых пленили¹. Вот
 Каков был битвы этой ход.
 Князь Александр, говорят,
 Был той победе очень рад,
- 2265 С которой он вернуться смог.
 Но многих воинов в залог
 Он тут оставил — и в поход
 Из них никто уж не пойдет.
 А гибель братьев — то, о чем
- 2270 Я только что для вас прочел², —
 Была оплакана достойно,
 Как смерть героев — тех, что войны
 По зову Божьему вели
 И службе братскую принесли
- 2275 Немало в жертву жизни смелых,
 Борясь с врагом за Божье дело
 И, долгу рыцарскому внемля,
 Прекрасные большие земли
 Для ордена завоевав.
- 2280 На этом свой рассказ прервав,
 Добавлю, что во имя братства
 Магистр Герман Балке³ драться
 Был должен с русскими князьями
 И их безбожными друзьями⁴ —
- 2285 И Божьему врагу урон
 Был в этой схватке нанесен.

¹ Наша летопись пишет о 500 убитых и 50 взятых в плен.

² Эта строка доказывает, что «Хроника» писалась для чтения ее вслух на рыцарских трапезах или иных собраниях.

³ Хронист ошибается, относя Ледовое побоище ко времени правления провинциального магистра — ливонского ландмейстера Германа Балке и определяя ниже срок этого правления в пять с половиною лет. На самом деле Балке был ландмейстером с 1237 по 1238 годы, а в марте 1239 года уже умер. Его преемником с 1238 по 1242 годы был Дитрих фон Грюнинген, но в битве на Чудском озере участия не принимал, ибо воевал в ту пору в Курляндии. Ученые склонны считать, что орденскими рыцарями в Ледовом побоище руководил ливонский вице-магистр Андреас фон Вельвен, встречавшийся с князем Александром в 1240 году.

⁴ Под безбожниками-язычниками тут, по предположению ряда ученых-историков, подразумеваются карелы и ижорцы.

В одном строю, к магистру близко
Дрались и дарбетский епископ,
И люди короля, о чем
2290 Мы в книге истину прочтем.
Ее страницы говорят:
Пять с половиной лет подряд
Магистр Герман Балке правил,
А после этот мир оставил...

«Старшая ливонская рифмованная хроника» принадлежит к числу тех летописно-литературных источников, которые мало востребовались нашими историками-медиевистами и литераторами на протяжении столетий. Теперь она входит в научный и художественный арсенал как ученых, так и литераторов. Экспедиция Ивана Кольцова, о которой упомянуто в сносках к этому переводу, дает право ждать и археологических открытий, которые могут принести нам много нового и поражающего воображение.

Так что наша надежда на то, что в процессе познания истины относительно Ледового побоища ничто еще не окончено, вполне небеспочвенна.

1992, 2001, С.-Петербург;

опубликовано в журнале «Аврора» №№ 4–6–1992

СТРОЕНИЕ И ГИБЕЛЬ ЛАНДСКРУНЫ

О «Хронике Эйрика»

До 1300 года мы почти не знаем безусловно достоверных письменных источников о землях, на которых в 1703 году был основан Санкт-Петербург.

Вот почему столь ценны для нас строки шведской «Хроники Эйрика», где упомянуто о построении на Охтенском мысу первой на питерской земле крепости. Но для начала необходимо, видимо, сказать о русских источниках, повествующих об истории Ландскруны.

Излагаемым в «Хронике Эйрика» событиям посвящены два отрывка из Синодального списка Первой Новгородской летописи старшего извода. Что представляется особенно важным, отрывки эти содержат немало кратких, но оттого не менее драгоценных для нас сведений, о которых шведский хронист не упоминает:

«В лето 6808¹... Того же лета придоша из замория Свеи в силе велице в Неву, приведоша из своеи земли мастера, из великого Рима от папы мастер приведоша нарочит², поставиша город над Невую, на усть Охты реки³, и утвердиша твердостью несказанною,

¹ 1300 год по новому летосчислению.

² О посланном папой на Неву архитекторе Ландскруны ни один другой исторический источник, помимо Новгородской летописи, не упоминает. И мы, увы, не знаем имени этого архитектора — первого в истории земель будущего Петербурга.

³ А это — первое упоминание в русском летописании о реке Большой Охте.

поставиша в нем пороки¹, похвалившеся оканьнии, нарекоша его Венець земли: бе бо с ними наместник королев именем Маскалка²; посадивше в нем мужи нарочитиы с воеводою Стенем³ и отъидоша; князю великому тогда небудущю в Новгороде...

В лето 6809⁴. Приде князь великийи Андреи⁵ с полкы низовьскыи, и иде с новгородци к городу тому, и приступиша к городу, мессяца мая 18, на память святого Патрикия, в пяток перед Сшествием святого духа, и потягнуша крепко; силою святыя Софья и помощью святою Бориса и Глеба твердость та ни во что же бысть, за високоумье их; зане всеу труд их без божия повеления: град взят бысть, овых избиша и исекоша, а иных изывавше поведоша с города, а град запалиша и разгребоша.

А покои, господи, в царствии своем душа тех, иже у города того головы свои положиша за святую Софью».

Вот этот сюжет и соответствует 1458–1805 строкам старейшей шведской рифмованной «Хроники Эйрика».

Время написания «Хроники Эйрика» историки определяют различно: от 1320 до 1332 годов. «Эйрик» же заголовка «Хроники» — это Эйрик Магнуссон, шведский герцог, сын короля Магнуса Ладулоса и отец короля Магнуса Эйриксона Смека (1316–76).

Что касается маршала Тюргильса Кнутсона, то судьба его была плачевна: в 1306 году он был казнен. Однако именно по его воле летом 1293 года был основан Выборг — и шестьсот лет спустя маршалу поставили в нем памятник, хотя многие ученые и отрицают ныне его участие в закладке крепости на Волвьем острове.

¹ Так назывались тогда камнеметные машины.

² Это было не имя, а титул: «марскалк», то есть, маршал. Так называли тогда в Швеции ярлов — наместников короля и военных вождей. Звали же этого маршала Тюргильс (другие написания: «Торгильс» — так в «Хронике» — или «Торкель») Кнутсон (а по более позднему хронисту Эрику Олау — «Канутсон»).

³ О «Стене» нам точно известно еще только из «Хроники Эйрика», где он называется «добрым рыцарем Стэном». Упомянут Стэн и шведской хроникой, но тот ли самый это человек, мы наверняка сказать не можем.

⁴ 1301 год по новому летосчислению.

⁵ Андрей Александрович (1255–1304), сын Александра Невского, — князь Городецкий, Костромской, Нижегородский, а также великий князь Владимирский.

Автор «Хроники Эйрика» нам неизвестен. Как утверждают знатоки средневековой Швеции, он не был ни, скажем, духовным лицом, ни поэтом-профессионалом. Полагают, это был дворянин из окружения Маттса Кеттильмундсона — рыцаря, с 1299 года военачальника в Западной Финляндии, затем дротса (канцлера), главы правительства опекунов при малолетнем короле Магнусе Смеке.

Умер Маттс Кеттильмундсон в 1326 году.

Отрывки из «Хроники Эйрика», относящиеся к истории построения и падения Ландскруны, на русский язык были впервые — в прозе — переведены Еленой Александровной Рыдзевской (1890–1941; скончалась в блокадном Ленинграде) в ее книге «Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. Материалы и исследования», изданной в Москве в 1978 году.

Часть нижеследующих моих комментариев к шведским реалиям той поры почерпнута из сопроводительных записок Елены Александровны (правда, они перепроверены и скорректированы)...

Весьма впечатляющий исторический комментарий к событиям 1300–1301 годов создал питерский историк Игорь Павлович Шаскольский (1918–94) в книге «Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв.», Л., 1978.

Изыскания и подстрочный перевод Шаскольского тоже, конечно, были учтены мною в работе.

В 1994 году выборгское издательство «Фантакт» выпустило книгу «Хроника Эрика» в переводе Александра Желтухина под научной редакцией Аделаиды Сванидзе.

Книга эта — знаменательное событие в истории культурных русско-шведских отношений. «Хроника Эйрика» (я предпочитаю такое написание заглавного имени) впервые переведена на русский язык целиком и стихами.

Книга хорошо — подробно и со знанием дела — откомментирована.

Она сопровождается статьями Аделаиды Сванидзе «“Хроника Эрика” и исторические реалии средневековой Швеции» и Александра Желтухина «Литературные и языковые традиции “Хроники Эрика”». В приложении — генеалогическая таблица героев «Хроники»,

а также список ее географических названий и добротный указатель литературы — русской, шведской, финской, немецкой, английской, датской.

Есть в комментариях и спорные места.

Авторы, скажем, пишут о том, что морское ополчение шведов (так называемый ледунг) «покинуло шведский берег после Троицы 1300 г. и прибыло в устье Невы 30 мая».

Но в 1300 году Троица и была 30 мая, так что марскалк Тюрнгильс Кнутсон появился на Неве явно не ранее второй половины июня.

Далее. Мнение шведского историка Рольфа Пиппинга о том, что остров, на который напали шведы в Ладожском озере, это Птинов, на мой взгляд, недостаточно обосновано.

Мне думается, буря отнесла шведские суда в северо-западном, а не юго-восточном направлении — и на роль острова более подходит находящийся там остров Коневец.

Есть, как мне кажется, в комментариях не совсем точное указание на размер шведской морской мили (в моем комментарии приводится принятое сейчас обозначение).

Ну, и так далее. Спорить по поводу любой исторической публикации можно много. Но такие споры вовсе не умаляют значения этой отлично выполненной, серьезной и талантливой книги.

Первая попытка поэтического перевода части «Хроники Эйрика» была сделана в 1992 году в моем очерке «История Ландскроны», опубликованном питерским журналом «Аврора». Замечу, правда: хотя мой перевод и появился за два года до выхода выборгского издания, то был лишь отрывок — 348 из 4543 строк оригинала.

Я старался передать безыскусный стиль автора, не блещущий ни художественными образами, ни изысканными рифмами. Однако с оригиналом «Хроники» я тогда знакомиться не стал, полагая, что без знания шведского языка это не нужно.

А позже я все же выписал в Российской Национальной библиотеке книгу «*Erikskroniker, enligt cod. Holm. D.2. Rolf Pipping. Uppsala, 1921*» — и стал читать непонятный текст. Читать его было тем занятнее, что содержание каждой строки я ведь знал. И хотя я почти не ведал значения каждого из отдельных слов, многое для меня открылось.

Во-первых, размер. Он был не тот, которым я перевел было отрывок. Это был ямб (со своими скачками и перебивами, но — ямб, и я хочу отметить, что в переводе Александра Желтухина «скачки» этого ямба переданы отлично).

Во-вторых, я узнал, как звучали в конце XIII—начале XIV веков по-шведски имена Невы, Ладоги, Охты и некоторые иные.

В-третьих, я понял точную разбивку отрывка на строки. Их было меньше, чем в моем начальном переводе, — и изложению их надлежало стать более динамичным, более жестким.

В-четвертых, я услышал подлинный шведский язык «Хроники» — резкий, живой, неподдельный. Стих должен был стать менее мягким, совсем немелодичным, исполненным напирющими друг на друга согласными, более труднопроизносимым.

Все это понудило меня приступить к новому переводу.

Он и представляется далее на суд читателя с построчным комментарием.

Глава (условная) из «Хроники Эйрика»

«На Пингисдаг¹ окончив сбор недолгий,
повел походом шведов марскалк Торгильс,
флот снарядив по слову короля,
какого не знавала их земля,
взяв тысячу и сто бойцов с собой²,
чтоб повести с язычниками³ бой
и волей короля, врагам на страх,
срубить Ландскруну-крепость в их краях.
Уверен⁴: столько добрых кораблей

¹ По-шведски «Пингисдаг» — Троицын день. В 1300 году он пришелся на 30 мая, ибо Пасху отмечали 10 апреля, а Троица — это Пятидесятница, празднуемая на пятидесятые сутки от Пасхи. Значит, марскалк Торгильс Кнутсон пошел в поход 30 мая 1300 года. А пала Ландскруна почти ровно через год («в пяток перед Шествием святого духа»). Любопытно, что и Санкт-Петербург был заложен в Троицын день — 16 мая 1703 года.

² Хронист Эйрик Олай называет цифру 1200.

³ Как уже ясно, «язычниками» автор именует и христиан-русских, и карел, и емлян-тавастов.

⁴ «Уверен», «я полагаю», «я думаю» и т.д. — привычная для хронистов той поры поэтическая формула.

на Нью¹ не бывало с давних дней.
 Нашли там гавань² — очень добрый порт:
 в нем прочно, к штевню штевень, к борту борт,
 помостами сплотили корабли,
 чтоб разметать их штормы не смогли.
 И был там мыс: удобнейший на вид —
 он с юга ширью Нью был омыт,
 а Сварга-ээ³, более узка,
 текла на север⁴ от того мыска;
 вот здесь-то, на скрещенье их пути,
 решили шведы крепость возвести.
 О том прознали русские — и вот,
 в успех поверя⁵, двинулись в поход,
 на сборы не потратив много дней⁶,
 введя в ладьи оседланных коней.
 Тогда и христиане поднялись,
 язычников решив повергнуть ниц, —
 вверх по реке поплыли в свой черед
 на Вита-трэск⁷. Их было восемьсот,
 глава их звался Харальдэр⁸. И весть
 прислали им дозорные, что есть
 какой-то остров⁹ среди озерных вод,

¹ «Нью» (ударение на первом слоге) — так автор называет Неву: так приносили шведы в ту пору ее имя.

² «Нашли там гавань» — в окладной Писцовой книге 1500 года упомянуты селения, находившиеся на Охтенском мысу «у Лахты», то есть у залива. Он хорошо виден и на карте, начерченной по эскизу Питера Пикарта 1703 года (не путать с Лахтой на северо-западе Невской губы Финского залива). Сейчас залив на Охтенском мысу за ненадобностью засыпали.

³ «Сварга-ээ» (Черная речка) — так шведы называли реку Большую Охту. Имя это они пользовали во все годы присутствия на Неве — в роли и торговцев, и владельцев края.

⁴ Тут у автора — неточность: на самом деле — не «на юг и север», а на запад и восток.

⁵ «В успех поверя» — традиционный оборот средневековых поэтов.

⁶ Еще один пример такой традиционности — упоминание о «немногих днях», потраченных на какие-либо сборы.

⁷ «Вита-трэск» (Белое озеро) — так шведы именовали тогда Ладожское озеро.

⁸ Рыздзевская полагает, что «Харальдэр», вероятно, — один из западнофинляндских вождей Харальд Торстенсен.

⁹ Среди специалистов нет единого мнения о том, что это за остров. Я уже писал во вступительном комментарии: на мой взгляд, это — нынешний Коневец.

где с тысячу язычников живет,
и чтобы уничтожить их, туда
они свои направили суда.
У Вита-трэск — суровый нрав морской,
что подтверждаю этой строкой¹;
на север от него — земля Карел,
а на восток и юг — Руси удел.
Лишь тридцать миль² тем озером пройти
бойцы сумели — и на полпути
поднялся ветер, страшной силы полн,
и побелели гребни свежих волн,
и в бурю эту чудом лишь смогли
до берега добраться корабли.
Земля Карел была невдалеке;
под утро у деревни на реке³,
промокнув и почти лишаясь сил,
отряд суда на берег выносил,
чтоб не отдать их в жертву шторму, чей
дул ветер страшный целых пять ночей:
все это вермя шведы в тех краях
рубилы поселян, сжигая в прах
и многие деревни той страны,
и ушкуи⁴, и малые челны.
Но тут утихла буря — и тогда
они спустили на воду суда
и двинулись обратно, ибо им
есть нечего осталось и самим.
На Пеккинсари⁵ прибыли — и часть

¹ Рыздзевскую эта строка наводит на мысль, что «Хроника Эйрика» предназначалась прежде всего для чтения вслух.

² Тридцать миль составляли примерно 55 километров, ибо шведская морская миля равна была 1,852 км. Иными словами, считая по прямой, шведский отряд проделал по Ладоге примерно половину пути до острова Коневец, но в это время с востока налетел шторм — и ветер пригнал шведские суда к восточному ладожскому берегу Карельского перешейка.

³ Шторм, видимо, прибил суда шведов к одной из карельских деревень, лежавших у впадения в Ладогу речки Авлоги.

⁴ «Ушкуи» — крупные весельные лодки.

⁵ «Пеккинсари» (Ореховый остров) — и ныне называется Ореховым (а это, между прочим, прямая калька с финско-карельского «Pahkinasaari»).

вниз поплыла рекою, чтоб попасть
 к тем рыцарям у крепости, а ряд
 бойцов влился в сторожевой отряд.
 И вскоре, озирая берега,
 дозорные увидели врага:
 до тысячи отряд передовой
 насчитывал врагов, готовых в бой¹.
 Когда судьба, такой бедой грозя,
 испытывает, долго ждать нельзя —
 и шведы по реке спустились вниз.
 А русские плоты связали из
 сухих деревьев срубленных — притом
 был каждый вышиною с добрый дом, —
 чтоб их поджечь и сплавить, без труда
 спаливши ими шведские суда;
 но чтоб не дать к судам им подойти,
 заплот воздвигли шведы на пути:
 была большая срублена сосна —
 и преградила путь плотам она².

Тут имеет смысл поразмышлять о том, что многие нынешние славянские географические названия Приневья имеют финно-угорское происхождение. К «славянству» названия «Орешек» все мы настолько привыкли, что нам трудно, конечно, поменять свои представления и придти к мысли об изначальности «не наших» географических имен. Однако это надо сделать, поскольку в противном случае мы и дальше будем находиться в плену навивных «патриотических» заблуждений. Помнить о начальной заселенности этих мест финно-уграми (в частности — летописной корелой, долго существовавшей под именем варягов-руси) — знак подлинной исторической культуры.

¹ «Готовых в бой» — еще один пример средневековых литературно-поэтических штампов, идущих, видимо, от традиции устного произнесения поэтических сочинений.

² Этот пассаж хрониста заставляет задуматься над тем, как и откуда намеревались русские сплавить горящие плоты.

Судя по всему, гавань действительно находилась на Охте, где и стояли суда шведов. Значит, русские — хорошо, видимо, зная эти места, — проплыли Невой до изгиба близ южного предместья нынешней Малой Охты, где высадились на берег, проследовали сушей до крутого изгиба Большой Охты — и, срубив там плоты, выпустили их из-за поворота на «сплощенные» шведские суда, перекрывшие у крепости реку. Шведы ответили на этот хитроумный маневр достойно — и флот их был спасен. Русские же затем устремились на штурм Ландскруны.

Вот русские — у крепости; светла
 броня их шлемов, панцирей была,
 сверкали их мечи¹; и говорят,
 что шли они в поход на русский лад².
 Их было тридцать тысяч и одна, —
 сказал толмач о рати их³; она
 превосходила шведскую, но с ней
 в сравнении были уппландцы⁴ сильней.
 Враги ко рву во всю рванулись мочь,
 вдвоем стараясь третьему помочь.
 С восьми суровых башен глядя вниз,
 стояла крепость с жерлами бойниц⁵.
 Пред нею — ров, связавший две реки⁶,
 За ним, рядами — шведские полки.

¹ «Светлая броня шлемов и панцирей», «сверкание мечей» — постоянный стилистический штамп и в скандинавском, и в немецком рыцарских эпохах. В «Хронике Эйрика» видим то же. Это тем более может поразить читателя, который привык к, так сказать, общеприцательным оценкам врага, что ниже в тексте «Хроники» те же самые «светлосверкающие войска» русских воинов не без презрения именуется «язычническим сбродом», — что, в общем-то, понять куда легче, чем то, что автор (употребляя, повторю, всеми средневековыми сочинителями используемые штампы) дает этим войскам внешне «положительные» оценки.

² Что означает эта туманная фраза хрониста (не «идти» ли «в атаку врассыпную»?), специалисты пока не разобрались. Но само понятие «идти в поход на русский лад» — многозначно и предполагает, что оно рождено было из опыта боевых столкновений между шведскими и русскими, новгородскими, армиями.

³ Видимо, шведы имели до начала битвы какие-то контакты с нападавшими, в ходе которых русский «толмач» — переводчик — и сообщил шведам устремляющиеся для них сведения.

⁴ «Уппландцы» — уроженцы Уппланда, среднешведского района.

⁵ Эти краткие строки дают представление о том, как выглядела сооруженная по проекту панского архитектора Ландскруна. Если число башен равнялось восьми, значит все они были снабжены бойницами, а может быть, бойницы находились и между башнями. Судя по тому, как размеры крепости были обозначены на более позднем плане внутри уже увеличившейся фортификации Ниеншанц, она не превышала метров ста по длине стены, или четырехсот метров по периметру. Тем не менее, для своего времени это было достаточно мощное оборонительное сооружение.

⁶ Ров был прорыт, видимо, по трассе, проложенной чуть севернее нынешнего проезда, идущего от моста Петра Великого (Большеохтенского) к Красновардейской площади.

На южном фланге — хельсингская рать¹;
на них напали русские, сказать
стараясь будто: «Мы прорвемся тут,
чего б ни стоил наш отважный труд».
Рубился хельсинг, бил, колол, стрелял,
но враг в атаке устали не знал.
Тогда настал и рыцарей черед:
Матте Кеттильмундсон² двинулся вперед
с отрядом шведов, юных, как и он;
за ним — ван Кюрны, Хенрик и Ион³,
ванг Порсе, младший, Педер⁴, а за ним
другие шли, оружием своим
отбросив русских за пределы рва
и там, за рвом, обрушась на врага.
На этой узкой местности за рвом
враги могли напасть вдесятером
на каждого из ушландцев, но те
рубилась смело в этой тесноте
и били так языческий их сброд,
что у врага потек кровавый пот.
И целыми — без ран и без вреда —
к себе вернулись рыцари тогда⁵.
Со стен им было видно, что стоят
у леса строем русские. Отряд
был тысяч в десять. Солнечно сиял
оружия красивого металл.
Они смотрели молча сквозь туман
на крепость. И один из христиан
промолвил, стоя в крепости: «Готов

¹ «Хельсингская рать» — отряд уроженцев Хельсингсланда, лежавшего севернее Ушпланда на западном побережье Ботнии.

² Матте Кеттильмундсон уже упоминался во вступлении: это — будущий воспитатель короля Магнуса Эйриксона Смека. Автор явно выделяет его среди прочих героев отрывка.

³ Хенрик и Ион ван Кюрны — голштинские дворяне на шведской службе.

⁴ Педер ванг Порсе младший — датский дворянин на шведской службе.

⁵ Картина тут, в отличие от недавнего красочного описания оружия русских, нарисована хронистом, конечно, предвзято. «Кровавый пот» выступает только у бедного «языческого сброда», шведы же остаются безупречно неуязвимыми.

сейчас сразиться с лучшим из врагов,
 коль мне позволит марск¹, — и привести
 его сюда — иль самому пойти
 в плен, если только буду побежден.
 Я разбужу врага, коль дремлет он».
 И тут же снаряжаться стал. Броня
 была надета. Сел он на коня,
 неспешно переехал через мост;
 а миновав затем дозорный пост,
 он обернулся, стражам пожелал
 счастливо оставаться и сказал:
 «Прошу я Бога мне удачи дать, —
 тогда меня увидите опять:
 вернусь — и даже не один — сюда.
 Ну, а постигнет вдруг меня беда —
 так, значит, Богом мой удел решен».
 Дротс Маттс² (а это был, конечно, он)
 тогда был юн и робости не знал;
 он вызов русским с толмачом послал;
 тот молвил им: «Велел мой господин —
 из благородных рыцарей один
 из самых лучших — передать: он ждет,
 чтоб вышел с ним на поединок тот,
 кто всех из вас смелее, — и взамен
 взял жизнь, добро, свободу или плен.
 Он здесь. Он близко. Ежели из вас
 сумеет кто-то победить, тотчас
 последует за ним, плененный, он;
 но если будет русский побежден,
 пусть в плен идет. Других условий нет».
 — «Его мы видим, — русские в ответ

¹ «Марск» — краткая форма титула марскалка, маршала: так в просторечии называет рыцарь маршала Тюргияльса Кнутсона, находящегося пока с отрядом в крепости.

² «Дротс Маттс» — «канцлер Маттс» Кеттильмундсон.

То, что рыцарь назван здесь канцлером, может помочь уточнить время создания «Хроники»: начальная граница — не раньше 1316 года, когда родился король Магнус и Маттс стал дротсом, а конечная — около 1326-го, года смерти рыцаря.

сказали. — Он подъехал близко к нам», — и ропот пробежал по их рядам.

Их князь сказал: «Кто б в битву ни пошел, подумает пусть прежде хорошо, чем безрассудно жертвовать собой: не худший рыцарь вас зовет на бой; боюсь, о том, кто выйдет воевать, придется нам немало горевать»¹.

Они сказали, проведя совет: «Охотников среди нас на битву нет, зане такое дело не для нас».

До самой ночи ждал ответа Матте, затем коня поворотил — и с ним в обратный путь отправился, к своим, — и там с весельем встретили его.

Хваля за смелость воина сего, а скверный сброд язычников браня, напомним: мир до завтрашнего дня был с ними заключен, а то б к ночи пустили в дело унпландцы мечи, — но русские ушли во тьме домой, вина себя за безрассудный бой.

Тогда, постройку крепости свершив, исправив все, припасами снабдив, оставили тут триста человек больших и малых: двести было тех, что в бой готовы выступить всегда, а сотня — для поденного труда: печь хлеб, пиво из солода варить и по ночам дозорами ходить²;

¹ Судя по Новгородской летописи, поход 1300 года на строившуюся Ландскруну великий князь Андрей Александрович не возглавлял. Как полагает Игорь Шаскольский, основу пришедшего к Ландскруне русского войска составляли не новгородцы, а ладожане с их посадником. Кроме того, в средневековых хрониках или летописях не стоит воспринимать прямую речь персонажей как дословное воспроизведение реальных слов. Обычно это литературный вымысел хрониста или летописца, хотя многие такие «цитаты» (скажем, приписываемое Александру Невскому знаменитое выражение: «Не в силе Бог, но в правде») стали крылатыми.

² Историк Игорь Шаскольский подвергает сомнению указанную цифру. Трехсот человек, по его мнению, было недостаточно для квалифицированной

а гарнизон в порядок приведя,
над войском тут поставили вождя,
тем обеспечив охранение стен:
им был назначен добрый рыцарь Стэн.
Всё рыцари свершили — и тогда
в обратный путь пустились господа¹.
Покинув устье Нью, встали тут:
попутный ветер ждали (так же ждут
его и нынче многие²) — и жгла
досада шведов, что стоят дела,
что ветра нет. Маттс Кеттильмундсон свой
отряд отважный, бодрый, молодой
решил на берег вывести, чтоб им
дать выход силам дремлющим своим.
Они велели выпустить коней
на землю Ингер³ — и прошли по ней
и Ватланду⁴, избивши в том краю
всех, кто пытался жизнь спасти свою,
живым оставив только горсть углей
спаленных изб и выжженных полей.
А рыцари, окончив подвиг свой,
в день Микилемиссо⁵ прибыли домой.

защиты крепости. Видимо, полагает Шаскольский, автор «Хроники» не назвал еще какой-то вспомогательный контингент. Но, с другой стороны, нетрудно дать отчет в том, что особо большого войска не весьма обширная крепость Ландскруны просто не вместила бы...

¹ Еще один пример использования автором «Хроники Эйрика» поэтических штампов.

² Эти строки говорят о том, что к началу XIV века шведы из отряда Тюргильса Кнутсона, несмотря на многолетнюю историю варяжско-викингского мореплавания, не владели искусством лавирования, то есть хождения на парусах против ветра.

³ «Ингер» — это, в передаче автора, название Ижорской земли на южном побережье Финского залива и Невы.

⁴ «Ватланд» — название земель, на которых жили водские племена, охватывавшие ижорские территории подковой. Там, на землях ижоры и води, и «развлекался» — разбойничал — отряд «благородного рыцаря» Маттса Кеттильмундсона в рассуждении, как бы напасть на аборигенов, и в ожидании попутного ветра.

⁵ «Микилемиссо» — день Микеля, Михайлов день, отмечаемый 29 сентября: это праздник по поводу окончания летних и осенних работ, день базаров и торговли. Легко подсчитать, что экспедиция Тюргильса Кнутсона, имевшая целью построение Ландскруны, заняла сто двадцать два дня.

Король¹ в тот день одобрил их дела,
а королева Мерита пошла
впервые в храм с тех пор, как у нее
в стокгольмском замке первенец ее,
принц маленький недавно был рожден
и Магнусом на счастье наречен.
А жители Ландскруны на беду
терпеть во многом начали нужду²:
в подвалах их, невысохших пока,
припасы перепортились: мука
слежалась, стала затхлой; вместе с ней
и солод перегрелся, стал пресней.
Пошли болезни. Страшная цинга
сгубила многих: хуже нет врага.
Бывало, утром воинство сидит —
и ест, и пьет, здоровое на вид, —
но зубы изо ртов летят на стол.
И не один из них тогда ушел
из жизни; крепость от напасти той
казаться стала попросту пустой.
Они держались из последних сил,
покуда кто-то вдруг не возгласил:
«Несчастьям нашим горьким счета несть —
не сообщить ли марску эту весть?»
Узнает он об этом — и тогда
пришлет, конечно, сразу же суда
с живым скотом — свиной пришлет, овец,
пришлет и нам замену, наконец,
больных свежая на тех судах назад».
Но тут один из рыцарей сказал:
«Не надо сердце марска удручать —

¹ Швецией тогда правил король Биргер Магнуссон (1290–1319).

² Эти события происходили уже в 1301 году.

Четыреста с лишним лет спустя, в 1705 году, когда управляющий петербургским Адмиралтейством Иван Яковлев поставил в городе около сотни новых домов и вселил в них иностранных морских офицеров, картина повторилась: просыхая, свежесрубленные стены создавали в избах атмосферу, которая привела к болезням и даже ряду смертельных случаев.

Что до цинги, то ею в 1707 году переболел в Петербурге сам царь Петр I (не говоря уж, конечно, о сотнях рядовых строителей города).

Господь сумеет помощь нам подать...»

В ту пору снова русские смогли собрать войска со всей своей земли, язычников созвавши и карел¹: ведь крепость защищала весь придел — и житель мог бежать, боясь конца, иль шведам подчиниться до конца. И так, громада войска собралась и часть его тогда перебралась через Неву, чтоб путь перехватить и устье крепко сваями забить². До крепости там были только две морские мили — плыть ли по Неве или скакать по берегу. Когда из крепости увидели суда,

¹ «Язычники», упомянутые здесь рядом с карелами, это, видимо, люди ижоры и води, против которых обрушились в прошлом году рыцари Маттса Кеттильмундсона.

В то же самое время в Новгородской летописи в качестве участников похода 1301 года названы только сами новгородцы и «полкы низовьскы», составлявшиеся из жителей владими́ро-суздальских земель. И в этом отношении «Хроника», назвавшая как участников похода, помимо русских, еще и «карел с язычниками», дает нам более полное представление о тех силах, в чьих интересах было уничтожение появившегося в самых низовьях Невы шведского форпоста, призванного контролировать важный торговый путь.

Тут, наверное, стоит упомянуть еще и о письме новгородцев к любекским купцам, в котором они предупреждали в 1301 году своих партнеров по торговому союзу:

«Король шведский отнимает у вас и у нас путь по Неве».

² «Забить» выход в морской фарватер ниже крепости надо, видимо, было для того, чтобы не дать шведам спокойно уйти в море после построения крепости.

Автор «Хроники» исчисляет расстояние от Ландскруны до «устья» (очевидно, под «устьем» тут понимается начало морского фарватера) примерно в 3,7 километра по нашим меркам. Значит, передовой русский отряд должен был перекрыть морской путь неподалеку от того места, где от Невы отходит к северу река Большая Невка. Вот тут-то и кроется объяснение замысла русских. Ведь тогда морской, активно используемый судами фарватер пролегал именно по Большой Невке и по северному проливу у острова Котлина.

На северном берегу Большой Невки позже (в XVII веке) стояли таможенные службы и Басекарехуусет: дом для отдыха приплывающих моряков и купцов; нечто подобное могло существовать тут и в начале XIV века.

они, надев броню, не стали ждать, а в путь пустились, чтобы разузнать намеренья врага. Десятка два в отряде было рыцарей. Сперва они, достигнув устья, никого из русских не нашли и ничего увидеть не смогли; на берегу лежали только бревна, что врагу сюда, на берег, удалось втащить, да сваи, что они хотели вбить¹. И не найдя врага, решил отряд скорей вернуться к крепости назад, не ведая, что в роще на пути стоит засада, чтобы нанести по ним удар — и в плен их захватить, а нет — так поголовно истребить. В той роще было три засады, и по сотне русских в каждой. Впереди завидя их, вступили шведы в бой, оставив две засады за собой, а в третьей удаль показав свою, — но рыцарь Стэн был ранен в том бою. И так сквозь все засады удалось прорваться им — и русским там пришлось несладко, но упорно вдоль реки они гнались за шведами; клинки по шлемам их гремели точно так, как молот в кузне. Бешеных атак

¹ Большая Невка подходила, конечно, более, нежели Большая Нева, чтобы попытаться здесь как-то перекрыть ее течение: она менее широка и глубока. А способ этот мог заключаться в том, чтобы вколотить на обоих берегах реки сваи, после чего натянуть между ними, скажем, длинную цепь или соорудить помост, затруднивший бы движение судов по фарватеру.

Замечу еще, что этот и последующий эпизоды дают понять: в конце XIII и начале XIV веков в нижнем течении Невы было достаточно твердых троп и дорог, чтобы их могли одолеть даже тяжело вооруженные конники. Это — вопреки установившемуся в более позднее время мнению, основанному, главным образом, на иностранных описаниях молодого Петербурга, что место это было сплошь болотистое, и передвигаться тут можно было лишь по узеньким сухим тропкам, пролежавшим от одного поселения местных жителей к другому.

немало шведы вынесли, но что б тут русские ни делали, и в лоб и сбоку нападая, всякий раз из седел выбивали их тотчас — и пешие они брели с трудом¹. Когда же возвратились шведы в дом, враги от крепостных ворот ушли, потом с собой все войско привели — и осадили крепость, что была значительна, а рать ее мала: в ней лишь шестнадцать человек могли встать на защиту². Днем и ночью шли тогда враги на приступ, день и ночь стараясь силы шведов превозмочь, меняя за отрядами отряд: один идет вперед, другой — назад. От битвы, от бессонницы, от ран почти иссякли силы христиан — нетрудно будет это вам понять³: когда на вас идет за ратью рать и днем и ночью, диво ли, что тот, кто это терпит, сильно устает; и сколь такого вынесешь труда? Пожар в Ландскруне вспыхнул — и тогда бой рукопашный начался; сошли со стен сначала шведы до земли,

¹ Хронист вновь, разумеется, пристрастен.

Бой двадцати больных, обессиленных рыцарей с тремя сотнями русских воинов должен был закончиться для шведов плачевно. Но они выходят из стычки лишь с одним раненым — своим командиром Стэном. Что до новгородцев, то они, один за другим, летят на землю...

² Получается, что на каждой стене Ландскроны стояло только по четыре рыцаря. Картина для повествователя — несколько неловкая... Думаю, многотысячному русскому войску не надо было тратить «дни и ночи», чтобы справиться с шестнадцатью пока способными к бою шведскими воинами, пусть и беззаветно храбрыми. Русским, вероятно, хватило бы одного приступа с тридцатью двумя лестницами.

Словом, повторю, что число защитников крепости автором, конечно, занижено, то есть, по Шаскольскому, тут не берется в счет не названное хронистом вспомогательное воинство.

³ Тут — тоже пассаж, напоминающий, что «Хроника» предназначалась для произнесения перед слушателями вслух.

оставив павших наверху лежать,
потом спустились в погреб — и опять
продолжили с язычниками бой,
в котором каждый гибнул сам собой,
в своем углу, отдельно от друзей
(и раненые гибли в той резне).
Тогда-то крикнул русским рыцарь Стэн:
«Иль вы господ не брали раньше в плен?».
И опустила жажда жить мечи:
«Ну, что ж, сумеем рабский труд влачить,
таская камни, ползая в цепях...»
Но крикнул Торкиль Андерсон¹ в сердцах:
«Не удручайте сердце марска!» — и
пронзил, собравши силы все свои,
грудь русского копьем, и рухнул тот —
и снова схватка в погребу идет.
Был собственным товарищем, бедняк,
убит отважный воин Карл Хаак:
в одежде вражьей он напасть решил
на русских с тыла, но не узнан был —
и пал, пронзенный дружеским мечом².
Да смилуется Бог над этим злом
свершенным, над отчаянной бедой,
над этою ужасной чередой
всех воинов, отдавших жизнь свою
в том погребу, в неравном том бою.
Но взять их в плен язычникам пришлось,
лишь клятву им произнеся, что злость
оставят и вреда не учинят,
и жизнь им всем надежно сохранят, —
и лишь тогда, на жизнь свою в обмен,
они сдались по предложенью в плен.
Да одарит небесным благом Бог

¹ «Торкиль» — так в «Хронике»; мы ныне пишем: «Тюргильс».

² Некоторые исследователи видят в эпизоде, связанном с Карлом Хааком, свидетельство того, что виновником нечаянной гибели хитроумного шведского рыцаря был не кто иной, как сам автор «Хроники»: на основании этого эпизода, завершающегося особым обращением автора к Богу о помиловании случайного убийцы за эту «отчаянную беду», сделан вывод о присутствии хрониста при защите Ландскруны...

того, кто выжить в том бою не смог,
 да сжалится над тем, кто принужден
 язычникам отдаться был в полон!
 Когда же битве той настал конец
 и русские добычу, наконец,
 и пленных поделили меж собой,
 погнав в свои пределы их толпой¹,
 то с крепостью разделались они:
 ее сожгли язычников огни —
 и угля истлели без следа.
 Так пала эта крепость навсегда...»

Что можно еще сказать в заключение?

Хронологические рамки построения и гибели крепости Ландскруна простираются от 30 мая 1300 до 19 мая 1301 годов (если считать, что заключительный штурм крепости начался 18 мая и продолжился «ночь и день»).

Построение Ландскруны можно отнести к началу второй половины июля 1300 года, учитывая, что шведы прибыли на Неву в двадцатых числах июня и потратили около месяца на сооружение начальной крепости, после чего были подвергнуты нападению русских войск.

Затем они достроили Ландскруну — и основная часть войска в начале сентября отплыла в Швецию.

1992, 2001, С.-Петербург.

Первый вариант перевода — «Истории Ландскруны» — опубликован в журнале «Аврора» № 5—1992

¹ Судя по предыдущим описаниям, победителям и делить-то мало кого оставалось. Часть погибла «наверху», на стенах, часть — «по углам» погребла, один — персонально от шведской руки. Сколько же их осталось?..

Правда, летопись упоминает о части шведов, которых новгородцы «извазавше поведоша с города», но, видимо, число пленных было достаточно мало. О дальнейшей судьбе этих пленных мы ничего не знаем, если не считать упомянутого выше предположения о том, что одним из них был, возможно, и сам автор «Хроники», впоследствии вернувшийся из русского плена на родину.

Есть, напомним, и еще одно близкое по времени к истории построения и падения крепости на Неве упоминание в новгородской летописи и в одной из шведских хроник о некоем Стэне. Однако специалисты не рискуют стопроцентно отождествить летописного тезку с «комендантом» Ландскруны.

Не будем этого делать и мы...

ДВЕ ГЛАВЫ ИЗ ВАРИАЦИЙ НА ТЕМУ «ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ИОАННА»¹

Вступление автора вариаций

В то время жил Иисус, мудрый человек, если вообще можно назвать его человеком.

Он совершал вещи необыкновенные и был учителем людей, которые с радостью воспринимали правду. За ним пошло много иудеев, равно как и язычников.

Он был Христом.

А когда по доносам знаменитых наших мужей Пилат приговорил его к распятию на кресте, его прежние приверженцы не отвернулись от него.

Ибо на третий день он снова явился им живой, что предсказывали Божьи пророки, так же как и многие другие поразительные вещи о нем.

С тех пор и по сей день существует община христиан, получившая от него свое название.

Иосиф Флавий²
«Иудейские древности»

¹ Иоанн, «сын Зеведеев» (как полагают многие исследователи) — один из апостолов Иисуса Христа и, как сказано в самом Евангелии, любимый ученик Иисуса. О жизни его мы знаем немного; полагают, что Евангелие он сочинил глубоким старцем.

² Иосиф Флавий (37—после 100 г. по РХ) — древнееврейский историк, автор «Иудейской войны», написанной с проримских позиций.

Содержание вступления

Автор его рассказывает о начале работы над Вариациями на тему Евангелия и знакомит читателя со строфой, которой будет излагаться «канон Иоанна».

*Посмотрел с мольбою
Всадник в высь небес
И копье для боя
Взял наперевес.*

Борис Пастернак.
«Сказка»

Как часто древности отменные,
Изложенные свежей речью —
Простой, свободной, современной, —
Взрываясь, сыпали картечью.

Примером должен расстараться я.
Образчик той картечной пушки нам
Являет «Памятник» Горация¹
В устах Державина² и Пушкина.

Но не пришлось читать мне ранее
Переложенья, как ни странно³,
Святого Благовествования
Евангелиста Иоанна.

Берусь за труд, на годы долгие
Рассчитанный. Плыву в безвестность.
И если думаю о долге я,
То только пред тобой, словесность.

Свой стих пишу я не в обители,
С сознанием недостатка силы.

¹ Квинт Гораций Флакк (65 г. до РХ — 8 г. по РХ) — римский поэт.

² Гаврила Романович Державин (1743–1816) — русский поэт.

³ Хотя такие переложения — Сергея Сергеевича Аверинцева (1937–2004) и Игнатия Михайловича Ивановского (1932), москвича и питерца, — вроде существуют.

Его примите, книг любители
И разных стран библиофилы.

Он есть, увы, не слово новое,
Не пропаганда веры Божьей,
Но пропаганда веры в слово и
Пример усидчивости тоже.

Итак, вперед — в то утро раннее
И в тот рассвет, сырой и мгlistый,
Где начинается сказание
Бессмертного евангелиста...

...И пусть этот стих будет строен и строг:
Кладу я в простые четырнадцать строк,
Дробя амфибрахием рваным,
Высокий канон Иоанна,
Который — рожденный в глубинах веков,
Прорвавшийся к нам сквозь десятки оков, —
Мы тщателью чтим среди тысяч стихов,
Поскольку удел его в мире таков,
Что, мча от Иерусалима
До Рима, от Града Святого Петра
До Рио сегодня, как мчался вчера,
Он жив, в нашем сердце хранимый, —
И мы повторяем торжественный слог:
«В начале бе Слово, и Слово бе Бог».

Глава 1

Содержание первой главы

1-5¹ Учение евангелиста Иоанна о «Логосе» — «Слове»: «В начале всего было Слово...»

6-14 Свидетельство Иоанна Крестителя об Истинном Свете; Слово становится плотью.

15-18 Предсказание Иоанна Предтечи о приходе Иисуса Христа.

¹ Здесь и далее цифры в тексте вариаций обозначают номера стихов в тексте Евангелия.

19-27 Спор Иоанна Крестителя с фарисеями об «Идущем за мной, но вышедшем вперед».

28-34 Иоанн Предтеча указывает на Иисуса Христа как на Агнца Божьего, на которого снизошел Дух Божий в виде голубя.

35-51 Призвание Иисусом Христом первых Апостолов.

1 В начале всего было Слово. Оно
Являлось владением Божиим, но
Оно, рассуждаючи строго,
И было, естественно, Богом.

2 И так, Оно было у Бога¹ сперва

3 И все, что потом появилось — «трава»,
«Невада», «Нева» и другие слова, —
Псалтыри «глава», человечья «глава»,

Все в мире от «римлян» до «греков», —
Без этого Слова не начало жить,

4 А начало с Ним, ибо в Нем была жизнь —
И жизнь была Свет человек.

5 Во тьме, не щадящей вокруг ничего,
Он светит — и тьма не объяла Его.

6 Тогда в Вифаваре, где тек Иордан,
Был некто — и имя ему Иоанн,

7 Креститель и Божий свидетель,
Пришедший поведать о Свете.

8 И многие думали: был ли он — Свет?

Но нет, отвечаю, он не был им, нет:

Он был лишь Предтеча, принявший обет

Уведомить внятно о том, что вослед

За ним появиться на эти

Долины и пастбища было должно.

Затем-то и стало ему суждено

Прийти как свидетель о Свете:

7 Чтоб полною мерой, по край, до конца

Высокою верой наполнить сердца.

¹ «У Бога» (читается, увы, «убого») — так у Иоанна: «Оно было в начале у Бога».

В вариациях вообще сохранены многие точные евангельские фразы.

10 Но Истинный Свет этот мир посетил.
Он мира начало собой осветил,
Но был этим миром не познан,
Прозревшим губительно поздно,
9 Хоть Свет этот Истинный, тот, что Собой
Входящего в мир просвещает, любой
Мог видеть и сделать своею судьбой,
Поскольку в сердца Он стучал, как прибой —
И мир в Его волнах и начал
Свое бытие, но, пришедший к своим,
11 Свет не был опознан, не нужен был им —
И все получилось иначе:
Во тьме предрассветной, в предутренней мгле
Свет истины только скользнул по земле.

12 А тот, кем был принят как должное Он,
За веру во имя Его наделен
Стал властью на вечное время
Быть детищем Божьим — со всеми,
13 Кто Богом рожден и кто жизни отсчет
Ведет не от крови, что в жилах течет,
Не с губельной страсти, что мужа печет,
И плоти напасти, что душу сечет,
Но — с Божьего Слова. 14 А Слово
Сподобилось плотью телесною стать,
Средь нас обитая и лья благодать,
И Сына Единородного
Мы видели славу Его — и в сердца
Нам лился Свет Истины Бога-Отца.

15 Об этом-то всем Иоаннова речь
И шла, чтоб в основу свидетельства лечь,
И он восклицал неустанно
Народу у вод Иордана:
«Уведомьтесь: Тот, Кто за мною идет,
О Ком я пророчил вам, вышел вперед
И встал предо мною: ведь жил и живет
Он прежде меня в этом мире — и вот
16 И пращурьы наши, и братья,

И каждый из сущих, и вместе мы все
17 Полны по закону, что дал Моисей,
И истины и благодати,
А та благодать и ее полнота
Нам явлены чрез Иисуса Христа.

18 Хоть Бога не видел никто никогда,
Но явлен Он нам: Он явился сюда,
Из недр Своих выйдя свободно,
Как Сын Его Единородный...»

19 И вот что еще Иоанн возвестил,
Когда, расступившись, народ пропустил
К нему Иудейских посланцев — светил,
Служителей церкви, исполненных сил
И тайну разведать охоты,
И, строг и сердит, седовласый старик,
Иерусалимский левит, напрямик
Спросил у Крестителя: «Кто ты?».

20 И тот, не таясь, отвечал на вопрос:
«Я не отрекаюсь, но я — не Христос».

21 — «Так что же, — спросили, — ты — Илия?» —

«Нет» —

«Пророк?» Иоанн им — все то же в ответ.

22 «Так кто же ты? Что мы ответим
Пославшим сюда нас за этим?

И что о самом о себе ты сейчас

Сумеешь сказать?» 23 Он ответил: «Я — глас

В пустыне всюю вопиющего; час

Путь Богу исправить приходит для вас

По слову пророка Исаяи».

24 Но вновь фарисеи — вопросы свои:

25 «Ведь ты — не Христос, и не Илия, и

Отнюдь не пророк, но спасаешь

Людей, в Иордане крестя. Но открой

Нам тайну: а свято ль крещение водой?»

26 — «Крещу я водой, — Иоанн говорит, —

Но Некто меж вами незримо стоит,

За мною Шагающий следом,
Который вам вовсе неведом.
О Нем ничего вы не слышали, но
Народу о Нем возвещал я давно.
27 Идет Он за мной, но Ему суждено
Стать первым. Идущий за мной все равно,
Влекомый чудесною силой,
Стоит впереди. И могу я сказать,
Что даже не смею ремни развязать
Сандалий Идущего...» 28 Было
То все в Вифаваре, где тек Иордан,
Где, верный обету, крестил Иоанн.

29 И новое утро над краем земли
Встает. И Креститель увидел: вдали
К реке Иисус поспешает.
И тут Иоанн возглашает:
«Вот — Агнец Господень, Который берет
На плечи грехов человеческих гнет¹,
30 И это о Нем извещал я народ,
Уведомив: Муж, Что за мною идет,
Встал передо мною, хоть прежде
31 Его я не знал и не видел нигде,
Но к вам я пришел — и крестил вас в воде
В высокой и крепкой надежде:
Кто мир этот раньше пытался спасти,
Израилю явится вновь — во плоти».

32 И рек Иоанн как свидетель: «Узрел
Я Духа: на этого Мужа слетел
Он с неба, как птица живая,

Как голубь, на Нем пребывая.
33 Да, я Его раньше не видел. Но Тот,
Кем послан крестить я водою народ,
Поведал: Тому, на Кого снизойдет
Сияние Духа у плещущих вод,

¹ В двух этих строках Иоанн Креститель ясно формулирует суть миссии Христа: снять с людей бремя первородного греха.

Отпущена доля иная:
Уже не водою, не словом простым,
Но светлою Верой и Духом Святым
Крестить Он людей начинает.
34 И ныне доподлинно вам говорю,
Что Божьего Сына воочию зрю».

35 И минула ночь. И растаял туман.
И сызнова вышел к реке Иоанн.
А поодаль шли над водою
Питомцы — и было их двое.
36 И видит опять Иоанн, что идет
Рекой Иисус. И тогда он зовет
Питомцев своих, указуя: «Сей — Тот:
Который людей от грехов их спасет.
За Божиим Агнцем идите».

37...И двинулись двое за Ним по пятам.
38 И Он спросил их: «Что надобно вам?» —
«О Равви, — (что значит: «Учитель») —
Мы оба тебе незнакомы, но, все ж,
Открой без утайки нам, где Ты живешь?» —
39 «Пойдите — увидите», — Он отвечал,
А после, сказав это, долго молчал,
И не было проще ответа,
Чем слово короткое это.
Пошли они. Где-то часам к десяти
Достигли искомого места пути
И в доме, где жил Он, смогли провести.
Весь день, до рассветного солнца почти.
40 Один ученик Иоанна,
Узнавший теперь Иисуса — Андрей, —
Обратно домой возвратился скорей
(Потом назовут Первозванным
Андрея¹), чтоб сразу сказать поутру
О радости брату Симону-Петру.

¹ Андрей Первозванный, как сообщает Нестор, автор Повести временных лет, после смерти Иисуса посетил землю будущей Руси, водрузив свой посох на месте, где был основан Киев и побывав на месте будущего Новгорода.

41 Андреева весть — высока и чиста:
Мессию нашли они, то есть — Христа.
42 И, радостью той окрыленный,
Ведет он к Мессии Симона.
Взглянул на Симона внимательно Он
И молвил ему: «Сын Ионин, Симон,
Отныне ты Кифою мной наречен...»
А людям известно с далеких времен,
Что «Кифа» есть «камень»; иначе,
По-гречески — «Петр» (и настала пора
Понять, что скалистое имя Петра
Прообраз есть веры горячей,
Поскольку для храма Христова он стал
Опорой, как горный граненый хрусталь).

43 Наутро, решив в Галилею идти,
Филиппа нашел Иисус на пути,
Сказав ему слово простое
И краткое: «Следуй за мною».
44 Тот жил в Вифсаиде, и был его дом
Вблизи от жилища Андрея с Петром;
45 Там Нафанаила он встретил; потом
Поведал в беседе соседу о том,
Что видел он Агнца Господня,

О Коем и книг Моисеевых стих,
Поведал, и в свитках писали своих,
Пророки давно, а сегодня
Его «Иисус» величают, и Он
Иосифом был в Назарете возвращен.

Другие летописцы сообщают также, что Андрей водрузил еще один свой посох на месте Грузина. Есть сведения, что он побывал и на Валааме. Топонимическим следом его пребывания на Карельском перешейке является город Антреа (угро-финский вариант имени «Андрей»; ныне — Каменногорск) посередине древнего русла Вуоксы, тогда соединявшей Ладогу с Финским заливом.

По легенде, мощи Андрея Первозванного были положены в 1703 году в основание дерево-земляной Санктпетербургской фортеции. Положенный на белый фон голубой крест, на котором Андрей принял смерть, стал военно-морским российским флагом.

46 А Нафанаил ему молвит в ответ:
«Что доброго может нам дать Назарет?»
Филипп отвечает: «Пойди и взгляни».
И вместе пошли к Иисусу они.

47 Увидел Он Нафанаила, когда
Пришли они вместе, и вымолвил: «Да,
Вот — подлинный Израильтянин: следа
Лукавства не сыщете в нем никогда».

48 А Нафанаил — ему: «Где же
Ты видел меня?» — «До того, как ты был
Под старой смоковницей, и говорил
Филипп обо Мне тебе, — прежде,
Чем первое слово тебе он сказал, —
Тебя Я задолго и видел и знал».

49 И Нафанаил говорит, до глубин
Своих потрясенный: «О, Равви, Ты — Сын,
Сын Божий; Ты — Царь, Ты — Израилев Царь
По книгам пророков, написанным встарь».

50 В ответ Иисус произносит ему:
«Ты веришь Мне, знаю, но лишь потому,
Что нечто сказал Я тебе самому
Доступное больше и ближе уму,
И проще любого простого:
Что видел тебя под смоковницей. Но
И больше увидеть еще суждено
Тебе и внимающим Слову...»
И он продолжал все страстней и страстней,
И пламя в глазах разгоралось ясней.

51 «...Да, истинно, истинно вам говорю,
Что час Я торжественный явственно зрю,
Когда небеса перед вами
Внезапно отверзнутся сами...»
И ход его мысли был ясен и прост:
Отверстое небо есть призрачный мост,
Где Бог пред людьми поднимается в рост;
Отверстое небо есть скопище звезд,
Пред коими люди ничтожны,

Которых немало на свете горит.
«...Которые Сын Человеческий зрит,
А с ними — и Ангелов Божьих,
Что, мча сквозь полночную звездную тьму,
Восходят к Нему и нисходят к Нему».

Глава 2

Содержание второй главы

- 1-11 Первое чудо в Кане Галилейской.
12-17 Изгнание продавцов из храма.
18-21 Храм Его тела.
22-25 Видя Его чудеса, многие уверовали.

1 На третий же день, лишь рассеялся мрак
Ночной, в Галилее был радостный брак
В селении Кана богатом —
И Мать Иисуса была там.

2 И зван Иисус был с питомцами на
Ту свадьбу. 3 Но мало там было вина,
Как видела Мать Иисуса. Она
На это ему указала:

«Ты видишь, вина не хватает им». 4 Но
Сказал Он: «О, Жено, не все ли равно
И Мне, и Тебе? Мое время — оно
Покуда еще не настало».

5 Но тут же служителям молвит Она:
«Что скажет Он вам — выполняйте сполна».

6 Близ этого дома, у всех на виду
Шесть каменных чанов стояли в саду,
Чтоб каждый, обычаю верный,
Мог тело очистить от скверны.
И те водоносы, по две и по три
Солидные меры вмеща¹, внутри

¹ Библиисты подсчитали, что общий объем воды, превращенный Иисусом в Кане Галилейской в вино, составил около 230 литров. Действительно, солидный объем!

Пусты были. 7 И Иисус говорит
Служителям: «Эти сосуды
Водою наполните». Сделали так.
8 И он им велит, чтобы взяли черпак,
Черпнули им воду: 9 И чудо
Свершилось — еще неизвестное им:
Вода обернулась вином молодым.

И к распорядителю пира оно
Немедленно было перенесено —
И он отхлебнул из сосуда,
Не ведая точно, откуда
Оно к ним попало: ведь знали о нем
Лишь слуги, ту воду принесшие в дом,
Когда почерпнули ее — и вином
Она обернулась к тому же.
10 И распорядитель такие слова
Сказал жениху: «Мы обычно сперва
Хорошее ставим вино, но едва
Напьются, — приносим похуже.
Но этим обычаем ты пренебрег —
И лучшее нам непоследок сберег».

11 Так первое чудо свершил Иисус,
Воде изменивши и сущность и вкус:
Вином ее сделав в стакане
На свадебном пиршестве в Кане,
В земле Галилейской, и тем положив
Начало чудес Своих, славу явив
Свою, а для тех, что, Его окружив,
За ним по дорогам шагали

Единой тропой, как в едином строю,
Единой судьбой, словно в общем бою,
Дав силу поверить в Себя и в Свою
Высокую участь — и знали
Об этом они, не со слов, неспроста
Отныне уверовав в дело Христа.

12 Шагая дорогой пути Своего,
Добрался и Сам Он, и Матерь Его,
И братья с питомцами всеми
В село Касперисум на время.

13 Когда ж Иудейская Пасха почти
Настала, к Иерусалиму идти
Решил Иисус — и часам к десяти
Вошел в городские ворота.

14 И там Он увидел, что в храме святом
Бесстыдно купцы торговали скотом
И птицей, а рядом на торжище том
Менялы сидели у входа.

15 И сделавши бич из веревок, взяшей
Он выгнал из храма бичом торговшей.

И выставив вон и овец, и волов,
Рассыпал Он деньги менял со столов,
Столы повалив и порушив,

16 Сказав голубей продающим,
Исторгнувши из естества Своего:
«Возьмите товар — унесите его
И больше из дома Отца Моего
Не делайте дома торговли».

17 И тут же припомнили с Ним от реки
Кю храму пришедшие ученики
Из древних пророков отрывок строки,
Которому не прекословлю:
«По доме Твоем среди ночи и дня
Глубокая ревность снедает Меня».

18 На то Иудеи сказали: «Каким
Ты знаменьем сможешь уверить своим,
Что власть Ты имеешь над нами
На эти поступки во храме?» —

19 — «Разрушьте сей храм, — Иисус отвечал, —
В три дня Я воздвигну его». 20 И речам
Его не поверя и гневно крича,
На это Ему возразили:

«В три дня? Но поверить не в силах мы, нет:

Да как же Ты можешь, открой нам секрет,
В три дня возвести, если сорок шесть лет
Его мастера возводили?»

21 А Он говорил о неведомом им:
О храме, что телом воздвигнет Своим.

22 Позднее — из мертвых воскрес Он едва,
Питомцы припомнили эти слова,
Что смело сказал Он и прямо
В Иерусалиме у храма.
Тогда-то уверились твердо они
В Писании, в слове (а слову сродни
Гранит и крепчайшая бронза одни),
Которое им в предпасхальные дни
Сказал Иисус как загадку...

23 ...И Пасха настала. (Иерусалим
Был ею наполнен — и праздничный дым,
Пахучий и пряный, и сладкий,
Как ангел, над городом ввысь поднялся.)
И был Иисус там, творя чудеса.

И, ведая этих чудес торжество,
Поверили многие в дело Его,
Уверясь сердцами своими
И в деле Его, и во имя.

24 Но сам Иисус им Себя не вверял,
Поскольку доподлинно каждого знал —
И часа урочного тщательно ждал,

25 Особой нужды не имея,
Чтоб кто-то придти со свидетельством мог,
Покуда заветный не вызреет срок,
Что Сын Человеческий — подлинный Бог
И судьбами всеми владеет,
Поскольку узнал Он с рожденья навек
О том, что являет собой человек.

На этом заканчивается вторая глава «Евангелия от Иоанна».

Предложенное для знакомства читателю — лишь надводная часть обширного общего замысла. Если мне даны будут силы и время, этот труд будет продолжен.

Залогом может служить —

знаменитая строфа 3,16, —
то есть шестнадцатый стих третьей главы «Евангелия от Иоанна», в котором излагается цель явления Христа к людям

Иисус говорит фарисею Никодиму:

«16 ...Ведь мир ваш настолько Господь возлюбил
Что чудо великое людям явил,
Пославши как Светлое Слово,
К вам Сына Единородного,
Который пройдет чрез мученья и крест,
Чтоб факелом вспыхнуло слово “воскрес”,
Чтоб житель любых отдаленнейших мест,
Узнавши о самом большом из чудес,
С высокою мыслью о Боге,
Страданием Сына Его без труда
Спасенный от скверны греха навсегда
Уверился в Нем — и в итоге
Не канул в мучениях в адский котел,
Но вечную жизнь, как награду, обрел...»

1976, 2001, Ленинград, С.-Петербург

*Из Владимира Набокова*¹

БЛЕДНЫЙ ОГОНЬ

Поэма из романа

От переводчика

Более четверти века назад, закончив первоначальный вариант перевода поэмы Владимира Набокова «Бледный огонь», я поставил под своим вступлением к нему дату 11 декабря 1974 года, вовсе не думая, когда все это сможет быть опубликовано.

Я мог бы успеть послать перевод самому Владимиру Владимировичу, хотя ясно осознавал, что он, вероятнее всего, резко не согласился бы с моим методом работы: Набоков был за переводы строго дословные, без всяких попыток переводчика на «параллелизмы» и своеволие по отношению к оригиналу.

Адреса Набокова я, простой русский человек середины семидесятых, тогда не знал — и работа моя спокойно пролежала сначала до смерти Владимира Владимировича в 1977 году, а потом — и до середины 90-го.

¹ Владимир Владимирович Набоков (он родился в 1899-м, а умер в 1977-м: судьба подарила ему очаровательную симметрию цифр даже в датах рождения и смерти!) — русский прозаик, поэт и публицист; некоторое время писал под псевдонимом Сирин; ряд его произведений написан на английском и французском языках, иногда — с собственным переводом (очень своеобразным!) на русский.

Тогда я предложил мой перевод петербургскому журналу «Аврора», где он и был опубликован в первом номере за 1991 год.

Теперь я предлагаю его читателям этой книги — с моим вступлением к нему и сам по себе.

Вступление

Поэма «Бледный огонь», предлагаемая читателю в переводе с английского языка (в данном случае — языка подлинника, ибо Владимир Набоков, писатель двуязычный, не создал, сколько мне известно, в отличие, скажем, от «Лолиты», русского его эквивалента — составная и меньшая по объему часть одноименного романа, вышедшего в 1962 году в издательстве «Дж. П. Патнэмз Санз».

Роман «Бледный огонь» построен не совсем привычно: он строится из поэмы, вступления и комментариев к ней.

Сердцевину романа составляет поэма, принадлежащая перу пожилого американского поэта-академиста и ученого Джона Шейда; вступление и комментарии к ней — некоему Чарльзу Кинботу. Шейд и Кинбот — два главных героя набокковского романа. Помимо них здесь действует жена Шейда — Сибил; дочь его, именуемая в поэме просто «она», но в комментариях названная Хейзл; тетушка Шейда — старая Мод, а также множество других лиц, эпизодически появляющихся в строках поэмы и — большей частью — в предисловии и комментариях Кинбота.

«Бледный огонь» — роман-сейф с двумя ключами и двумя шифрами, причем не всегда можно понять, какой шифр какому ключу соответствует.

Свою неоконченную поэму Джон Шейд написал за двадцать дней, что предшествовали его насильственной смерти. И одна из загадок романа: насколько Шейд не успел дописать поэму? Чарльз Кинбот утверждает в комментариях, будто Шейду не хватило времени дописать только одну, тысячную строчку; она должна была продублировать самую первую строку поэмы — и тем самым увенчать это гармоничное строение. Дело тут в том, что поэма состоит из четырех песен: вторая и третья равновелики — содержат по 334 строки; первая — 166, а четвертая — 165 строк; ис-

ходя из этой вот внутренней симметрии, Кинбот и утверждает, что поэма Шейда, в основном, завершена (но это утверждение не включает и других толкований).

Вторая загадка: соответствует ли истине другое заявление Кинбота — будто Шейд, сочиняя свое предсмертное произведение, не только определенным образом преднамеренно зашифровал его, введя в текст поэмы иносказаниями свои впечатления от имевших, якобы, место доверительных бесед поэта с комментатором, — но и, предчувствуя свою смерть, провидел даже имя своего убийцы, совершенно не известного ему человека. Кинбот в комментариях называет его: Джейкоб Градус, он же Джек Дигри, де Гри, д'Аргус, Виноградус, Ленинградус и т. д.; а затем привязывает к этим именам слова «gradual», «gray», «gradual decau», — в данном переводе: «грядет», «грязь», «греет», — отдаленно напоминающие конспиративные имена убийцы, — и строит на этом основании свое утверждение.

Эта вторая загадка особым образом связана с комментатором поэмы Джона Шейда.

Дело тут вот в чем. Чарлз Кинбот неоднократно намекает в комментариях (а порою даже не без умысла «проговаривается») о своем особом происхождении и особой судьбе. Из этих намеков читатель может понять: Кинбот является последним наследником престола некоего королевства, именуемого Земблей (по-английски «Новая Земля» произносится как «Нью Зембла»); причем подлинное имя Кинбота — Карл II, Карл Ксавье Всеслав. Намеки комментатора потому весьма туманны, что он опасается за свою жизнь, поскольку постоянно ожидает покушения со стороны тайной организации, преследующей зембландских монархов: Кинбот достаточно ясно говорит, будто пуля убийцы, оборвавшая жизнь Джона Шейда, предназначалась на самом деле ему, Чарлзу Кинботу (Шейд заслонил собою Кинбота почти подобно тому, как в свое время отец Владимира Владимировича Набокова¹ заслонил собою Милюкова² — и это порождает дополнительную читательскую симпатию к облику старого поэта).

¹ Речь идет о Владимире Дмитриевиче Набокове (1869–1922) — юристе, публицисте, одном из лидеров кадетской партии.

² Павел Николаевич Милюков (1859–1943) — историк, публицист, глава партии кадетов.

Предисловие и комментарии Кинбота (они составляют около семи восьмых всего романа) связаны, таким образом, с текстом поэмы чрезвычайно тесно — и это делает работу переводчика не только вдвойне трудной, но и вдвойне интересной.

Переводчик, во-первых, обязан точно следовать строфике поэмы: совершенно невозможно, чтобы поэма в целом и каждая строфа отдельно была хотя бы на строку больше или меньше оригинала; поэма «Бледный огонь», таким образом, представляет собою как бы сонет, растянувшийся на 999 строк.

Во-вторых, внутри каждой строфы тоже должен быть соблюден особый порядок. Даже смирясь заранее с тем, что русский стих не в состоянии вместить всех оборотов, эпитетов, образов, сравнений, просто слов оригинала (в подавляющем большинстве случаев английский язык емче и кратче русского), нельзя, все же, допустить, чтобы одна комментируемая Кинботом строчка Шейда стояла не на своем месте, а пятью, скажем, строками ниже, ибо тремя строками ниже нее в подлиннике стоит уже другая комментируемая строка, а в комментариях тоже есть своя логика и последовательность — и потому логика поэмы должна быть взаимоувязана с логикой комментария (читатель данного перевода этого не увидит, но переводчик такую логику должен учитывать и ей следовать).

В-третьих, поэма испещрена словесными шарадами, созвучиями, намеками; это важно Набокова: не случайно образ неких существ, играющих в «игру миров», от исхода которой зависят многие земные судьбы, — ключевой в поэме; не случайно мельком оброненное Кинботом замечание о шекспировском «Тимоне Афинском» вытягивает за собой цепь ассоциаций, ведущих к платоновскому «Тимону», а от него — к параллели между потерянной Земблей и утраченной Атлантидой. Таких ассоциаций, загадок, иносказаний в романе много — и переводчик обязан с этим считаться.

Тут надо разъяснить позицию, на которой стоял автор этого перевода.

Осознавая, что дословный поэтический перевод поэмы сделать невозможно, я, во-первых, пытался как можно ближе передать ход и суть набоковских (шейдовых) размышлений¹. А во-вторых,

¹ Тут я хочу поблагодарить за помощь и советы, которые дали мне в пору начального перевода английского текста Лев Лифшиц (Лосев) и его жена Нина Павловна Мохова.

я стремился дать русскому читателю русский эквивалент поэмы — с тем, чтобы избежать неперемных ремарок: «В оригинале — непереводаемая игра слов» (такую принципиальную позицию наверняка можно оспорить; меня можно обвинить и в определенном тщеславии, — но уж я-то отлично представляю себе тщету любого тщеславия в соревновательстве с отточенным мастерством великого стилиста и шарадиста Набокова!).

Вот — несколько примеров.

Прежде всего — само название. Не знаю, набоковская ли это затея, но именительный падеж «Бледного огня» в строфу поэмы не встает! Получается, что в строке 962-й надо, следуя оригиналу, писать «Бледный огонь». Мало того, если слово «огонь» заменить церковным торжественным «огнь», то на него в конце строки не найти точной рифмы. Одним словом, название пришлось склонять — и эффект набоковского двойного выстрела в конце 962-й строки («Пэйл!» — «Файр!») был безвозвратно сметен пятью слогами «Блед-но-го ог-ня».

Возьмем теперь первые две строки поэмы. Их точный перевод. «Я был тенью свиристеля, убитого / Фальшивой лазурью оконного стекла». Необходимо было сохранить образ: не просто птица, но — тень птицы. Необходимо было помнить о том, что первая строка должна иметь лексически самостоятельное значение, дабы она, в согласии с комментариями, могла и завершить поэму; здесь задача формулируется уже так: надо, чтобы строка содержала в себе следующую информацию — «Я был тенью убитой птицы» (в таком звучании она сохраняет цельность, законченность и образную силу). Наконец, третья задача: Шейд начинает поэму словами — «I was the shadow...» — и это не случайно; здесь, уже на четвертом слове поэмы, начинается словесная игра: «shadow» (тьень) обыгрывается с именем автора — Шейд; «shadow» (произносится — шэдоу) и «Шейд» — не абсолютное созвучие, но его необходимо сохранить в первой строке, тем более, что оно встречается в поэме и дальше (а кроме того, на это созвучие указывает в своих комментариях Кинбот).

Итак, три задачи — и как их совместить?

Начнем с последней. В русском языке трудно найти созвучие имени «Шейд» — разве что в словах типа «нашедший», «пришедший», «ушедший» («Шейд» — «шед»). Переводчик выбрал слово «нашедший». Что — «нашедший»? Из второй задачи становится

ясно: «смерть». «Я был тенью птицы, нашедшей смерть...» Выразим это на языке пятистопного ямба: «Я тенью (два слога) был, нашедшей смерть...». Увы, набоковский «свиристель» в два слога не умещается! Свиристель — птица обширного отряда воробьиных, *Vombucilla*. Переводчик выбрал из этого отряда другую птицу — сойку: пусть она крупнее свиристея, но — один отряд и два слога! — какие превосходные качества!..

Строка прозвучала так: «Я тенью сойки был, нашедшей смерть...» Образ (тень птицы) есть. Законченность фразы есть. Игра слов есть. Потери, по сравнению с оригиналом, увы, тоже.

Естественно, что свиристель, появляющийся в начале второй главы, тоже должен был быть заменен сойкой.

Это, кстати, еще один пример.

В «Бледном огне» есть несколько образов, проходящих сквозь все четыре песни поэмы: орешник, свиристель (сойка), пересмешник, бабочка Красный Адмирал с пурпурными полосками на крыльях (тут — тоже игра слов: Набоков пишет «Red Admirable» — «Красная Обожаемая», когда Шейд говорит о своей жене, именуя ее бабочкой; в русском переводе возможен, на мой взгляд, только один эквивалент этого каламбура: «Прекрасный Адмирал»). Несколько раз встречается еще и цикада (первый раз — в начале второй главы).

Читатель, сравнивающий перевод с оригиналом, очень удивился бы, прочтя у Набокова три короткие фразы: «Today I'm sixty-one. Waxwings / Are berry-pecking. A cicada sings», — и найдя в переводе три длинные строки: «И мне сегодня — шестьдесят один. И сойка вишни с веточек клюет. И для стрекозы звучный свой полет». Но первая строка соответствует оригиналу, лишний раз подчеркивая, как «тяжело» иметь дело с английским языком, который в шести слогах («Today I'm sixty-one») выражает то, что по-русски интерпретируется десятью слогами (а если быть точнее, то тринадцатью, ибо неуклюже-дословный перевод этой фразы таков: «Сегодня я — шестидесятиоднолетний»)! Появление сойки вместо свиристея уже объяснялось раньше. А «стрекоза» сменила «цикаду» потому, что пятьюдесятью строками ниже есть еще один пассаж, который заставил переводчика поступиться здесь оригиналом.

«A cicada sings» — это 182-я строка. А на 242-й строке идет фраза (в подстрочном переводе): «Этот англичанин из Ниццы, /

Гордый и счастливый лингвист: “je nourris / Les pauvres cigales”, что означало, что он / Кормил бедных чаек!» В оригинале — опять игра слов: «гордый лингвист» спутал английское «sea gulls» (чайки) и французское «cigales» (цикады) — «си гал» и «сигаль». Но в переводе нельзя было оставить «cigales»; и двумя строками выше «лингвиста» и строкой ниже говорится о героине басни Лафонтена¹ «Цикада и муравья», которая на русском языке называется «Стрекоза и муравей». Без Лафонтена и его басни в переводе обойтись нельзя. Следовательно, необходимо было произвести такую операцию, в результате которой «Цикада и муравья», хрестоматийные для западного читателя, превратились бы в хрестоматийных же русских «Стрекозу и муравья». В тех строках, что относятся к Лафонтену, это сделать легко. Но как быть с англичанином — «с гордым лингвистом», хвастающим своими познаниями во французском языке и попадающим в нелепое положение? Выход для переводчика был найден один: вложить в уста «англичанина» не набоковскую, но, по мере возможности, равнозначную набоковской французскую фразу, которая тоже звучала бы смешно и нелепо и содержала бы немудреный каламбур, относящийся уже не к цикаде, а к стрекозе. «Стрекоза» по-французски — «demoiselle». Элементарное (правда, без набоковского изящества!) созвучие подсказало, что стихотворные строки могут звучать так: «И — je saisire au vol les mademoiselles / (перевод этой нарочито неточной французской фразы: «Я ловить на лету девушек», — А. Ш.) — Тот англичанин в Ницце (но ужель / Лингвист сей впрямь девиц, а не стрекоз — / Les demoiselles — ловил там: вот вопрос?). Каламбур остался. «Цикада и муравья» стали легко узнаваемыми «Стрекозой и муравьем». Правда, в строке 182-й цикада тоже стала стрекозой (причем, у Набокова цикады пели; надо было сохранить в образе именно звук — отсюда: «И делят стрекозы звучный свой полет», образ по-своему поэтический для всякого, кто слышал шуршание слюдяных крыльев стрекоз). Правда, еще через двести строк появится в воспоминаниях Шейда о Ницце образ «человека в старом свитере, крошившем хлеб чайкам» (это все тот же англичанин, только не названный впрямую) — и переводчику пришлось придать ему новую — очень, сознаюсь, хлипкую в своей конкретности — черту узнавания,

¹ Жан де Лафонтен (1621–95) — французский баснописец.

памятүя, что в 242-й строке он «ловил на лету бабочек»: «...За старым англичанином с сачком, крошившим хлеб».

Так через двести строк Набоков отомстил за покушение на его текст!

Своего разъяснения требуют строки из первой песни:

...Что «О Гомере Чапмена¹ опять

“Ред Сокс” и “Янкс” поспорили — 3:5»...

«О Гомере Чапмена» — название сонета Джона Китса², вынесенное в заголовок статьи в местной газете «Стар». Волею судеб этот заголовок подверстали к названию заметки о хоккейном матче команд «Ред Сокс» («Красные Гетры») и «Янкс» («Янки»): этот «куръез» и висел на стенке в комнате покойной Мод Шейд. Дословный перевод «куръеза» таков: «На Чапменовском Гомере “Ред Сокс” побили “Янкс”...». Однако в названии сонета «On Chapman's Homer» слово «Он» означает не привычное «на», но именно «О». И раз нельзя было «Красным Гетрам» побить «Янкс» «на Чапменовском Гомере», то им пришлось (в переводе!) «поспорить о Чапменовском Гомере».

Поскольку я привожу лишь случаи наиболее вызывающих отступлений от подлинника, вызванных все тем же основным принципом предлагаемого перевода (дать русскому читателю русский эквивалент поэмы), я ограничусь еще лишь тремя примерами.

Описывая занятия дочери, Шейд говорит о ее страсти к отысканию слов-перевертышей. Но и «powder» — «red wor», к примеру, — игра слов, абсолютно на русский язык адекватно не переводимая. Поэтому я вложил в уста Хейзл иные перевертыши, русские, — но читатель заметит, что все они имеют «английское звучание» («краб» — «барк», «док» — «код», «туф» — фут): все эти слова мог бы написать и англичанин, американец!). Однако, это, опять-таки, не набоковские примеры, но лишь односложные тени того, что есть в оригинале. К слову, несколькими строками ниже, в сцене «триптиха», Хейзл, читая некий литературно-критический опус, спрашивает у матери: “Mother, what's grimpen?” / “What is what?” “Grim Pen”» («“Мама, что значит беспощадно-пёрый?” —

¹ Джордж Чапмен (современник Шекспира) — английский поэт и издатель, выпустивший сборники как самого Шекспира, так и древних авторов, в частности — Гомера.

² Джон Китс (1795–1821) — английский поэт-романтик.

“Что-что?” — “Беспощадное Перо”). Пришлось перевести очень и очень приблизительно, используя российские клише корреспондентских подписей былых лет типа «Острый Глаз» или «Смелое Перо»: «“Кто это — островзорый?” — “Острый Взор?”...»

Второй пример — из начала третьей песни. В оригинале нет никакого «Стикса»! Там есть «l’if» — французское название дерева тиса: «Тис, безжизненное дерево! Твое «великое Быть Может», Рабле¹: /Огромная картофелина». Эти эпиграфообразные строки — вовсе не абракадабра, но чрезвычайно глубокие и дерзкие аккорды, открывающие самую, пожалуй, главную в поэме главу. Для понимания ее надо начать с Рабле. Умирая, он, как говорят, произнес фразу: «Я иду искать великое Быть Может» («le grand Peut-etre» — звучит примерно так: «ле гранд пет-этр»), Огромная картофелина звучит по-английски «грэнд потэйтоу»: это явная пародия на «гранд пэт-этр» Рабле. А тис — «l’if», «льиф» — это переключка с появляющимся строкой ниже названием института, в который был приглашен работать Шейд: «IPH» — «Institute of Preparation for Hereafter» (Институт Приготовления к Будущему, т. е. к жизни после смерти, надо полагать) — аббревиатура «IPH» звучит как «иф», что по-английски значит также «если» («if» — точное совпадение с французским названием тиса). Шейд так и говорит: «IPH, который и на самом деле был большим “если”...» («если» — в том, видимо, смысле, что институт занимался рассмотрением вопроса, как следует себя вести, **если** ты умрешь).

Учтя все вышесказанное, читатель увидит, что в данном случае перед переводчиком стояла многосложная и, опять-таки, адекватно невыполнимая задача: передать множество оттенков скачущей от торжественности к иронии мысли Шейда, пересыпанной, кроме всего прочего, еще и непереводаемыми каламбурами.

Первый вопрос: как быть с институтом, его кличкой и «l’if» из эпиграфа?

Прежде всего надо было найти эквивалент аббревиатуры «IPH»: она должна была хотя бы приблизительно передать смысл назначения института и дать возможность для иронического его толкования. Переводчик выбрал слово «икс»: в нем есть неопределенность, содержащаяся в слове «если»; оно достаточно «ученое»,

¹ Франсуа Рабле (1494–1553) — французский писатель.

чтобы звучать смешно. «ИКС» переводчик расшифровал как «Институт Казусов Смерти». Слово «икс» и повлекло за собой обращение в самом начале главы не к «тису, безжизненному дереву», а к Стиксу — реке, отделяющей живое от мертвого. Кроме того, рядом с новорожденным Стиксом появились слова «грань потерь» — как бы намек на «le grand Peut-etre» у Рабле. Ну, а далее оставалось найти лишь иронически звучащий по-русски эквивалент «огромной картофелины» («грэнд потэйтоу»). Был выбран «гранат потертый» (шкурка старого граната, действительно, кажется потертой).

Итак, возвышенное начало (у Набокова — «безжизненное дерево»; в переводе — «грань потерь, за коей негде плыть»); пассаж в сторону Рабле и затем иронический пинок по «великому Быть Может» (у Набокова — «огромная картофелина», в переводе — «гранат потертый»). Эпиграф главы завершен, и он, в основном, выполняет свою роль мостика от поражающего печалью финала второй песни, рассказывающей о гибели Хейзл, к ироническому, язвительному — за маской возвышенных словес — описанию полушарлатанской, полумистической («безвкусицы поток!») действительности IPH'a—ИКСа.

И, наконец, еще об одном случае игры слов. В третьей главе, едва не умерев, Шейд падает без чувств и в сумеречном сознании его возникает «white fountain» — белый фонтан. Чуть позже Шейд прочел, что некая дама в сходной ситуации тоже видела белый фонтан, — однако затем выяснилось, что в заметке была опечатка: дама видела не «fountain», а «mountain» — гору, а не фонтан. Причем, в комментариях, устами Кинбота, Набоков «простодушно-лукаво сам говорит о невозможности перевода этой игры слов ни на русский, ни на немецкий, «ни на зембланский» языки. Можно было бы и сослаться на эту действительную непереводаемость, но, повторяю, я поставил задачей: в этом переводе обойтись без английских слов. Так появился «русский вариант» этой опечатки: «родник» — «ледник». Другого я придумать не смог, за что приношу читателю нижайшие извинения...

Я привел тут небольшой список наиболее воинствующих расхождений с набоковским оригиналом... Список этот можно было бы пополнить и другими примерами — более незначительными, но зато более многочисленными. Однако это — вопрос уже не такого вступительного слова, но отдельной большой статьи о переводе вообще.

А важно не это.

Важна попытка передать русскими словами суть, стиль, манеру мышления автора романа и его героя — поэта, за несколько дней до смерти начавшего писать прекрасную поэму, написавшего 999 поэтических строк и, может быть, собиравшегося написать последнюю — в тот момент, когда «кретин длинноволосый» всадил в него пулю.

*11 декабря 1974,
Ленинград*

БЛЕДНЫЙ ОГОНЬ

Поэма в четырех песнях

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Я тенью сойки был, нашедшей смерть
В лазури лживой, грянувшись о твердь
Стекла; я пухом был бесесым — он
Парил, все в том же небе отражен.
И изнутри удвоен был в стекле
Я сам, мой стол и лампа на столе —
Как будто ночью над травой смогло
Подвесить мебель темное стекло.
А что за дивный вид, когда газон
Настолько снегопадом занесен,
Что кресла и кровать совсем вовне
Стоят — в снегу, в кристальной той стране!

Вот — снегопад: подобьем мутной мглы
Медлительно летящие валы,
Их плотный строй в бесплотном свете дня
И сосны в блеске блеклого огня.

Затем грядет пора голубизны,
Смешавшей ночью спящего и сны;
И — утренний вопрос: кто он таков,
Что накрестил загадочных следков
На чистый лист аллеи у ворот? —
И ты читаешь этот зимний код:
Вот — точка; рядом — стрелочки назад;
И снова — точка, стрелочки... Фазан —
Вертун прелестный, чуткий глухарек,
Исчиркавший Китаем мой порог!
Так вор носил, сбивая Холмсу след,
Назад носком подошвы от штиблет.

Я рад любому цвету: даже грязь
И серый цвет приемлю не сердясь.
Мои глаза — фотографу сродни:
Позволь им, прикажи им — и они
Запечатлеют вмиг любой предмет,
Орешника листву или стилет
Сосульки: что бы ни было — оно
На веках изнутри закреплено
И медлит там. И если через час
Закрою веки — снова видит глаз
Все ту же ветвь, свисающую вниз,
И зыбкий под трофеями карниз.

Я не пойму: ведь в школьные года
Я мог еще с Лейк-роуд без труда —
От озера — увидеть свой балкон.
Теперь — и крыши не видать. Где он,
Мой дом? Деревья разрослись? Да нет.
Чудит пространство, видно: кружит след,
Чтоб я не смог свой старый дом найти
Меж Голдсвортом и Вордсмитом в пути.

Люблю я здесь орешник юный свой
С тяжелою нефритовой листвой;
Червеобразен ствол его; кору
Восходы бронзой красят поутру.

Он так раскидист, крепок! Но едва
Отбросит тень дрожащая листва
(В ней бабочки качаются, летя) —
Как тот же призрак предо мной, хотя
Качелей дочки след простыл давно.

Наш дом не изменился. Лишь одно
Крыло мы перестроили — и там
Теперь веранда, кресла по углам, —
Да вместо флюгерка всадили трость
Телеантенны. И на ней наш гость —
Наивный пересмешник — по утрам
Перепевает вариант программ:
Начав с *«чип-чип»*, пиликает потом
«Кош-марр», *«кош-марр»* — и дергает хвостом
Или, порхнув изящно на скаку,
Обратно возвращается к шестку —
К своей антенне нового TV, —
Пропев весьма прозрачное *«ту-ви»*.

Отца и мать не помню я давно.
Ну, были орнитологами. Но
Они ушли, запомнившись едва.
«Инфаркт» и *«рак»* — случайные слова —
Вот все, что с ними связано. Зато
Так часто их вернуть хотел я, что
Сегодня у меня в конце концов —
Сто матерей и сто моих отцов.

Прошлокопатель: сторож гнезд пустых.
Вот — детская. Бывало, за родных,
За няню, уложившую в постель,
И за ее племянницу Адель,
Что в Риме Папу видела, и за
Людей из книг, за Бога — я, глаза
Закрыв, молюсь, покуда сон нейдет.

Я был взращен чудачкой тетей Мод,
Картины и стихи писавшей — сплав

Реалий, снов судьбы и странных трав.
Была во мне одном судьба ее.
Мы тетино не тронули жильё,
В нем живописность — та же, что была:
Там пресс-папье из гнutoго стекла
Соседствует с гитарой; до сих пор
На индексе каком-то («Мур, «Моор»,
«Мораль») открыт стихов потертый том;
Курьез из местной «Стар» гласит о том,
Что *«О Гомере Чапмена опять
“Ред Сокс” и “Янкс” поспорили — 3:5»*.

Мой Бог скончался юным. Я решил:
Религия идет к упадку сил,
Свободным людям Бог не нужен. Но
Я сам — свободен был? Исключено:
Полумедовый, полурыбий вкус
Халвы всегда вводил меня в искуc.

Мир пестрых книг (изданья для детей)
Был клеткой позолоченной моей;
Оранжевое солнце; синь луны;
Два ириса, загадочных, как сны;
И — «радужницы»: это облака,
Овальные, прозрачные слегка,
Беспечно отражающие свет
От радуги, что вспыхнула вослед
Грозе, ушедшей далее греметь.
Тюрьма — мы сами, но искусна клеть!

А рядом — звуков плотная стена:
Ночь осени сверчков полна, и на
Холме я слушал трелей этих бред.
Свет в окнах: доктор Саттон! В небе свет:
Медведица Большая! Сорока
Равны когда-то унциям песка
Бывали пять минут. Но светит мгла:
Два до- и послевременья крыла
Огромные у нас над головой
Смыкаются — и путь окончен твой.

Простак удачлив: он на Млечный Путь,
 Лишь изливая влагу, рад взглянуть.
 Но лишь на риск — по пням и зубьям скал —
 Тогда, как и сегодня, я шагал;
 Толстяк, астматик — не скакал мячом,
 Не плавал пробкой: не был ловкачом.

Я тенью сойки был, нашедшей смерть,
 С размаху, с лету грянувшись о твердь
 С фальшивой перспективой.

У меня

Был мозг, пять чувств, — но тряпкою ни дня
 Не перестал я быть. Играл во сне
 С детьми, а утром вспоминалось мне,
 Как мокрый был изрыт наискосок
 Синусоидовалами песок
 Следов велосипедных.

Как давно

Смерть дернула за струнку боли! — но
 Вибрирует она еще сейчас.
 Одиннадцать мне было. Как-то раз
 Я на полу лежал; передо мной
 Бежал к кровати грузчик заводной,
 За рукоятки тачку ухватив;
 И вдруг в мозгу — как будто яркий взрыв
 И — ночь, темнее сверхтяжелых тел.
 Сквозь время и пространство я взлетел:
 Нога — на горном леднике; рука
 Сжимает горсть прибрежного песка;
 В Мадриде — глаз, а в Риме — ухо; воск
 Пещерный — кровь, а звезд мерцанье — мозг;
 Пульс бился о триас; троичный нерв —
 О верхний плейстоцен; преодолев
 Дрожь лихорадки в каменных веках,
 В плече застряли «завтра» — в мышцелках.

И каждый день в течение зимы
 Я падал вновь в объятья этой тьмы.
 И вдруг — прошло. Я выполз, наконец.

Окреп. И плавать стал. Но, как юнец,
Что утоляет девки страсть тайком
Своим невинным жалким языком, —
Я был смущен, испорчен. И хотя
Наш доктор Колт нам объявил шутя,
Что бес болезни насмерть им убит —
Дрожь не остыла и остался стыд.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Была в безумной юности моей
Пора, когда подозревать людей
Я стал, что о загробной жизни им
Знакомо все. Неведеньем томим
Лишь я один, — но люди, книги их
Секретов мне не выдадут своих.

Был день — я усомнился даже в том,
Здоров ли мир? Как можно жить скотом,
Не знаящим: что — смерть, заря, судьба? —
Ждет за чертой могильного столба!

И наконец, была та ночь без сна,
Когда о жуткой бездне я сполна
Решил узнать, добравшись до глубин,

И мне сегодня шестьдесят один,
И сойка вишни с веточек клюет.
И длят стрекозы звучный свой полет.

Вот ножнички. Они похожи на
Звезды и солнца синтез. У окна
Стригу я ногти, видя хорошо,
С чем схожи пальцы на руке. Большой —
Наш пекарь; указательный — аскет
Старовер Блю, астроном, наш сосед;
Худышка средний — пастор приходской;

А безымянный — вдовушка, с тоской
К которой нежно прилепился пух
Мизинца.

Так стою, мечтая вслух, —
Куски того стригу, кривясь со зла,
Что «эпидермой» тетя Мод звала.

Мод Шейд уж было восемьдесят, — вдруг
Ее постиг безмолвия недуг,
И щеки эти гордые свели
Паралича удары. Мы свезли
Ее в Пандейл, в лечебницу. Она
Сидела там на солнце у окна,
Следя, как мухи ползают с манжет
На кисти рук. Уже терялся след
Ее рассудка. Но она пока
Пыталась говорить — и с языка
Бессвязный падал звук, другой — и вот
Из них рождалось слово: жалкий плод
Мольбы в глазах сквозь горькую тоску —
Помочь в боренье с монстрами в мозгу.

Что в тленье тихом верой греет нас
На воскресенье? Некий год? Иль час?
Кто счет ведет, в пути расставив вех?
Кого спасут — счастливцев или всех?
Вот — силлогизм: *«Да, все умрут; но я —
Отнюдь не все; и смерть — не для меня»*.
Пространство — рой пчелиный. Время — песнь,
Жужжанье роя. Этот улей есть
Моя тюрьма. Но если б, не родясь,
Мы знали все про каждый *икс*, про грязь, —
То чем бы стала жизнь с тех самых пор?
Безумный, и тупой, и жалкий вздор!

Тогда к чему циничный смех? К чему
Хулить прозренья? Ведомо кому,
Что ждет нас? Серафимы? Звуки лир?
Рахат-лукум? Или — беседы пир

С Сократом¹, с Прустом² в зелени аллея
Иль среди фламандских, с причудью, полей?
Но неправдоподобны ль эти сны,
Безумны ли они? Скорей — скучны;
Фантазии с полетом — не у дел:
Фамильный призрак — крайний их предел.

Как жалок труд — Судьбы всеобщей слог
Перелагать на чей-то говорок!
Божественную краткость строгих строф
Менять на мутный бред бессонных слов!

«Жизнь — это бред, что пишется во мгле»
(Без автора).

День смерти Мод. В смоле —
Труп муравья. А рядом — стрекоза:
Алмазный ларчик на сосне; глаза
Лягушечьи.

Ошибся Лафонтен:
Певунья — жизнь; жевавший жвачку — тлен!
И — je saisire au vol les mademoiselles³ —
Тот англичанин в Ницце (но ужель
Лингвист сей впрямь девиц, а не стрекоз —
Les demoiselles — ловил там? Вот — вопрос).

Вот так — мечтай. И ноготь свой стриги.
Как хорошо: внизу — твои шаги!

Твой, Сибил, шарм я в памяти хранил
Все школьные года, но полюбил
Тебя, лишь перейдя в последний класс.
Стоял апрель. Привел учитель нас
В Нью-Уайский парк. Устроен был пикник.
Весь в радужной пыли, ревел как бык
Туманный романтичный водопад, —

¹ Сократ (ок. 470–339 до РХ) — древнегреческий философ.

² Марсель Пруст (1871–1922) — французский писатель.

³ «Я ловить на лету девушек» (искаж. франц.).

А я смотрел, откинувшись назад,
И видел: вот — плечо твое, спина;
Вот — голова, к плечу наклонена;
Прижата к дерну влажному рука,
Мизинец бьет по камушку слегка.
И вдруг ты обернулась: «Чаю, Джон?»
(Я помню: отдавал металлом он).

Все тот же профиль у тебя. Все тот —
Кусаемый зубами ровный рот.
И тень ресниц прекрасных, и пушок
Вдоль линии щеки, и темный шелк
От темени струящихся волос,
И остроты персидской тонкий нос —
Все сохранила ты. И нам в ночи
Тот водопад пока еще звучит.

Моя Ванесса смуглая! У ног
Дай лягу, приласкаю. На песок
Алополосой бабочкой слети —
Прекрасным Адмиралом. И прости
За то, как я в ту ночь, паяц и псих,
На Лайлак-лейн рыдал у плеч твоих.

Мы сорок лет женаты — и для нас
Часы четыре сотни тысяч раз
Вестминстерский «дин-дон» пробили свой,
Хрипя у нас с утра над головой, —
А сколько вешать нам еще, как встарь,
На двери кухни новый календарь?

Люблю тебя, когда в саду, шепча,
Ты ловишь что-то взглядом: «Стрекача
Задал малышка бедный от меня!».
Люблю тебя, когда на склоне дня
Зовешь взглянуть на реактивный след,
Окрашенный закатом в алый цвет.
Люблю тебя, когда ты запоешь,
Пакуя чемодан к пути. Но все ж

Всего сильней люблю лицо твое,
Когда, кивком встречая тень *ее*, —
Игрушку или найденное вдруг
Письмо не выпускаешь ты из рук.

Она могла стать мной, тобой. Отец
Природой избран был как образец:
Залог несчастий. Мы сперва спроста
Шутя встречали все: «Она толста?
Все девочки — толстушки»; «Джим Мак-Вей
(Наш окулист) косые глазки ей
Излечит вмиг». И, позже, отводя
Глаза, про переходный возраст я
Все что-то говорил, а ты — что впрок
Пойдет ей верховой езды урок
И теннисом заняться бы могла:
«Пусть будет некрасива, но — мила».

Не то. Не то. Награды за успех
В истории и во французском
Смешили? Да. И грубыми всегда
Все игры для пугливой были? Да.
Но вот — был школьный праздник. Эльфов, фей
Играли в пантомиме все, а *ей*
Играть пришлось по воле чьей-то злой
Мамашу Время — и она метлой,
Ведром помойным потешала зал —
И как дурак в уборной я рыдал.

Растаяла зима. И в лес весной
Явилась Тутворт Уайт. И летний зной
Умчался прочь. И осени дымок.
Но лебеденок гадкий стать не смог
Лесною уткой. Вновь — твои слова:
«Она из детства вырвалась едва.
Насиловать природу? — ты шутник!
Она невинна? — много *милых* книг
Написано девицами, заметь.
Отсутствие *приятелей* — не смерть.

Свиданья — не причина всех причин». Но старый Пан все пел с холмов в ночи И дьявол все влезал в наш горький спор: Ведь вкус ее помады до сих пор Был никому не ведом; и на бал В холл Сороса никто ее не звал; И франты в белых шарфиках не к ней Шли в блещущей ночи на свет в окне; И только лишь в мечтах — жасмин и газ! — На праздниках была она не раз. Но мы ее отправили зато В какое-то французское шато.

Вернулась — слезы, страхи. Все не в прок! Весельем жил учебный городок, Но с книгой или спицами она Сидела дома; с ней была одна Та девочка, ушедшая сейчас В монашенки, да пару, может, раз — Кореец, мой студент. Полна была Она фантазий странных: провела Три ночи за подсчетами огней И смутных звуков, что открылись ей В амбаре старом; и наоборот Слова писала: «док» писался «код», А «краб» писался «барк», а «туф» был «фут». И не смеялась — кроме тех минут, Когда ей было больно; и на нас — За наши планы бешено сердясь, Расчесывая яростно лицо, Сминая гневно простыни в кольцо, Колена разводя распухших ног, — Обрушивала диких слов поток.

Мой мрачный, злой, но милый мой зверек! А сколько вспомнить я и мирных смог — С игрой в маджонг, с вязаньем — вечеров: Ее милее делал каждый шов, Ей кротко улыбались зеркала,

И тени мягко кралась из угла.
 Порой я помогал в латыни ей.
 Порой, в берлоге запершись своей,
 Ее (из спальни) и, слабее, твой
 (Из комнаты рабочей угловой)
 Ловил я голоса и разговор:
 «Кто это — *островзорый?*» —
 «Острый Взор?»

Ты объясняла. Пауза. И — вслед:
 «Ма, что это — *хтонический?*» Ответ —
 И: «Хочешь мандарин?» — «Нет, съешь сама.
 А что это — *семитернальный*, ма?»
 Ты медлила — и как веселый зверь
 Я с хохотом ответ рычал сквозь дверь.

Неважно, что она читала (мог
 То быть современный опус, что листок
 Назвать литературный счел за честь
 «Душистым сеном пахнущим» — бог весть,
 Что это значит!). Но куда важней —
 Три комнаты, и в них — мы трое, с ней;
 И *ныне* все, что делалось *тогда*,
 Как в триптихе, застыло навсегда.

Но огонек надежды в ней не гас.
 Джейн Дин (она печатала как раз
 Мой труд о жизни Попа¹) провести
 Ей предложила вечер, по пути
 Кузена Пита встретив (он — один,
 Джейн — с женихом). Поехали. Пит Дин
 В Нью-Уай явился в восемь тридцать. Час
 Гавайский бар искали, тупо грязь
 Колесами давя. Нашли. И вдруг
 Пит вспомнил, что ему сегодня друг
 Назначил встречу важную: должна
 Судьба его решиться. И она
 Сказала: «Понимаю». В баре он

¹ Александр Поп (1688–1744) — английский поэт.

Ушел с каким-то пареньком. Неон
 Сверкал в грязи. Она сказала: «Я
 Устала и хочу домой». Друзья
 Свели ее к автобусу — и здесь
 Оставили. Ей надо было сесть
 На тот, что шел к Нью-Уайю, но она
 На Лоченхид отправилась — одна.

Твой голос: «Восемь тридцать. Что ж, пора», —
 Зажглась экрана темная нора
 (И время вдруг раздвоилось).

Лишь раз

*Он на нее взглянул, а после глаз
 Не отводил от все понявшей Джейн.*

Войска Эола диктор к штату Мэйн
 Направил в бой. Летучий карнавал
 Модисток-нимф весенний ритуал,
 Вертясь, исполнил, будто говоря:
 Пора склониться всем у алтаря
 Предметов туалета. Через час
 Нас ожидал изысканный рассказ:
 Открыть, чем жив сегодняшний поэт,
 Нам обещал критический квартет.
 Я вышел. Сел за книгу. Ветер скреб
 По крыше чем-то. Александр Поп:
 «*Вот пляшет нищий, вот слепец поет*» —
 Типичнейший бродяжий хоровод
 Тех лет жестоких. Время шло. Твой зов,
 Мой пересмешник нежный! Был готов
 Я слушать, телекритиком хвалим,
 И чай вкушать (с тобой) и славу (с ним):
 Меня он, как всегда, поставил вслед —
 Осклизлая ступень! — за Фростом¹.

«...Нет!

*Пойми: я даже сел на самолет.
 Чтоб быть здесь до полуночи: он ждет!..»*

¹ Роберт Фрост (1874/75–1966) — американский поэт.

Клуб путешествий полонил экран —
Нас сквозь вечерний мартовский туман
Огней сигнальных россыпь, что росла,
Как взрыв сверхновой, — к морю привела:
Мы в тридцать третьем были здесь; тогда
Зелено-голубой была вода;
А через девять месяцев у нас
Родилась дочь. Как сравнивать сейчас
Два моря (то и это) меж собой,
Те паруса (два красных, голубой
И белые) — с огнями этих мачт?
По набережной чайки мчались вскачь
И голубь в их толпе ходил бочком
За старым англичанином с сачком,
Крошившим хлеб. «Звонили?» Нет, обман.
Ты подняла программку.

Сквозь туман

*Блестели фары в радужном огне.
Уныло ерзал дворник — и в окне
То белый столб, то изгородь неслись.*

«Гуляки нет», — сказала ты. «Не злись:
Свиданье с принцем — что плохого в нем?
Какой там фильм? *“Раскаянье”*? Рискнем?»
И мы спокойно начали смотреть,
Как старый фильм чарующую сеть
Раскинул, демонстрируя парад
Всей галльской эксцентричности: и взгляд
Блуждающий, и тени возле глаз,
И мягких губ дрожанье, и экстаз
Сплетенных в страсти тел.

«Я выйду здесь», —

Она стояла, всматриваясь в лес.

«Здесь, в Лоченхиде?» — «Да». — «Сейчас?» —

«Сейчас».

Шофер притормозил. Шофер дал газ.

Взрыв потрясает джунгли. «Это — нет!»
(Недавних пацифистских споров след).

Одиннадцать пробило. «Что же нас
 Ждет дальше интересного?» И — раз! —
 Летит с экрана чья-то голова
 (Рулеткой рукоять трещит). И — два! —
 Кретин длинноволосый — посмотри —
 Винтовку вскинул, но быстрее — три! —
 Была с кольцом рубиновым рука,
 Сражавшаяся с ним наверняка:
 Четыре! — негр, поднимающий трубу...
 Но для чего испытывать судьбу?
 Щелчок! — и свет булавочной звездой
 В небытие умчался.

Весь седой

*Папаша Время — сторож — в поводке
 Собаку вел в прибрежном тростнике
 Над озером. Но поздно вышел он.*

Зевнув, ты вышла в кухню: «Телефон?» —
 «Да нет». Я со стола убрал. И мы
 Удары ветра слушали из тьмы
 Под бой часов, стиравших в порошок
 И скал гранит, и слабый стебелек.

«Двенадцать». — «Полночь — их любимый час».
 И вдруг, как хлопья снежные, на нас
 Сквозь кедры пламя брызнуло — и вмиг
 Патрульный джип стремительно возник,
 Затормозив на вираже крутом.

Она пыталась — думали потом —
 Вдоль Лоченской косы пройти домой,
 Где конькобежцы бегали зимой;
 Другие — сбилась, думали, с пути;
 А третьи — что решила счет свести
 С несчастьями. Я знал. И знала ты.

Та ночь была — ночь ветра маяты,
 Ночь оттепели. Черная весна
 Дрожь стояла у порога на

Сырой земле во влажном блеске звезд.
Туман лежал над озером — и плес
Еще покрыт был жидкой грязью, но
Она сползала медленно на дно.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Стикс, грань потерь, за коей негде плыть!
Твое, Рабле, «большое Может Быть»:
Гранат потертый!

«ИКС», как все зовут,
И впрямь громадный икс
(И – Институт,
К – Казусов, С – Смерти)! — пригласил
Меня, как ректор Мак-Абер шутил,
«Курс о червях» прочесть: то бишь о том,
Что значит смерть.

Мы сняли ветхий дом
В Стиксшейде — и втроем (ты, я, она —
Еще дитя) уехали. Страна
Высоких гор прекрасна. Из ворот
Ты видишь блеск вершин их — и вот-вот
Сравнение придет, но — вздох, другой —
И немота.

Микстурой дорогой
Был ИКС: икра, познавшая гнильцу;
Маразм забвенья, ведомый юнцу.
Изъяв из вещи суть, он все убил,
Чем мир прошлокопателью так мил.
Мы умираем каждый день, но в нем
Не смерть, а жизнь забвенью предаем,
В смех превращая лучшие «вчера»;
Каких-то телефонов номера,
Забывтый стыд, чужие имена...
Я стать готов цветком и мухой на
Комке гнилья, — но помнить все вокруг!
И я отвергну вечность, если вдруг

Исчезнут в ней привычные давно
 И боль, и страсть, и красное вино
 Вечерних звезд, от нас бегущих; след
 Улитки на камнях; твой страх, что нет
 Ни сигаретки; смех при виде пса;
 И пурпурная эта полоса;
 Перо, стихи — все то, что вместе, врозь,
 В небесный бастион явившись, гость,
 Не ждавший обнаружить ничего,
 Находит здесь.

Но ИКС взамен всего
 Взять в слуги рассудительность свою
 Советовал; а ну, как вас в раю
 Никто не заприходует, никто
 Не просветит, «алло» не скажет? Что,
 Когда мы в бездну брошены без дна?
 Ваш пеленг нем. Душа совсем одна.
 Потеряна задачи вашей нить.
 Тревог источник смутен. Тело гнить
 Уж начинается, саваном едва
 Прикрытое. И скорбная вдова
 В сознание вашем в образе пятна
 Близ вашего одра отражена.

Но все отвергнув — и Большого «Б», —
 Хлам мистики оставил ИКС себе,
 Чтоб знали (о, янтарные очки
 Для жизненных затмений!) новички,
 Как не пугаться превращения в тень,
 Как трассу выбрать тихую и сень;
 И сквозь большие тени верный путь,
 И сквозь себя дать малым проскользнуть;
 Как уловить во тьме, едва дыша,
 Тебя, о Терра-Прелесть, яшмы шар:
 Как вплыть умно в туманности спираль;
 Как избежать (пусть полностью едва ль)
 Капризов перевоплощения: как
 Вести себя, узнав, что ты — червяк,
 Запуганный и беззащитный, средь

Запруженной дороги; иль — медведь,
Визжащий меж пылающих стволов;
Иль — книжный червь времен святых костров?

Что Время есть? Преемственность. Она ж —
Замена. Значит, Время есть вираж
В распад режима чувства. Образец
Задачек ИКСа. Умерший вдовец
Встречает жен: их две, его жены —
Любимы обе, ревности полны.
Одна, льняноволосая, грустя
Глядит на пруд, баюкая дитя —
Теперь навек ребенка. Вновь — вопрос:
Что Время? — рост? Но что для рая — рост?
Другая, рыжеватая чуть-чуть,
Сидит в трико балетном, глядя в муть
Тумана, сжав колени — и печать
На губы наложив. И как начать?
Поцеловать которую сперва?
Какую погребушку иль слова
Для малыша найти? Что знает он
Про мартовскую ночь, где погребен
Он с мамой был обвалом? А с другой
Что делать — молодой, полунагой?
Спросить, чьи это серьги и кольцо?
И прячет для чего она лицо?

Как труден (это снилось нам не раз)
С умершими контакт: им не до нас,
Погрязших в подозреньях, в тошноте,
В поту при мысли, что они — не те.
А старый друг, убитый далеко,
На той войне, встречает нас легко
И вводит в дом, и, хмурясь лишь слегка,
Нам говорит, что каплет с потолка.

Но скажет кто: что думать — вам и мне, —
Когда однажды утром нас к стене
Вандалам от политики на суд

Гориллы в униформе поведут?
Мы будем думать про свои дела
(Лицом к стене, что мохом поросла) —
Про царство рифм, империю стихов
(Под дружный крик далеких петухов).
Нам царственных не высвободить рук —
И оттого бесить мы станем слуг,
Сегодня нагло прущих на рожон,
Хотя бы тем, что этот фарс — смешон.

И как сумеь изгнаннику помочь,
В мотеле умирающему? Ночь
Душна — и вентилятор бьет, как град,
И на полу огни реклам горят,
Как светлый жемчуг некогда в руке
У ювелира; смерть — невдалеке.
И взрыв созвездий в легких старика
Не удержишь двуязычьем языка.

Тоску, распад — провидеть всем дано.
Одни *Le grand neant*¹ здесь видят, — но
Другие — завязь, спеющий гранат.

Как точно ты сказала, бросив взгляд
На Институт: «Сравненья не найду,
Где лучше — в этом месте иль в аду».

Как щерились могильщики, когда
Клял Граберман день Страшного Суда:
«Вредящий духу!». Не был дан талант
Нам критики религий. Наш гигант —
Старовер Блю — читал про роль планет
В распаде душ. Про чайный этикет
Японец дискантировал. Зверья
Была судьба обсуждена. А я
То был душою среди фантазий По,
То памятью блуждал по детству: по
Тем дням, чей перламутров свет и чист.

¹ Великое ничто (*франц.*).

Нас слушали — и старый коммунист,
И юный поп, усердный сын Христа.
Его ль устав иль партии устав —
ИКС почитал себя всего сильней.

Потом пришла пора и худших дней.
Взял верх буддизм — коктейль из двух чудес:
Желе с бренчаньем мандолины. Влез
Фра Карамазов¹ с глупой жвачкой фраз
О том, что *все дозволено* для нас.
И рыбью матки страсть умерить, чтоб —
Ученье Фрейда² увенчало гроб.

Но мне помог безвкусицы поток.
Я многое в хаосе смерти смог
Отбросить. Я наверно знал, когда
Мы потеряли дочь, что к нам беда
Ни лживым духом не придет, во мгле
Ее стучащим имя на столе,
Ни призраком, манящим на ходу
Нас к юному орешнику в саду.

— Что там за странный стук? Ты слышишь — вот.
— Наверно, ветер ставнем в окна бьет.

— Ах, этот ветер! Ты не спишь? Вставай.
Давай сыграем в шахматы. — Давай.

— Да разве ветер? Нет, наверняка!
— Стучит рассада в окна парника.

— А кто по крыше ходит и скользит?
— Зима-старуха ползает в грязи.

— Ах, что же делать? Конь — в ловушке, да?

¹ «Фра Карамазов» — Иван Карамазов, герой романа Достоевского «Братья Карамазовы».

² Зигмунд Фрейд (1856–1939) — австрийский психоаналитик.

Кто мчит, кто скачет в эту ночь? Беда.
Тоска поэта. Ветер марта. Страх.
Ездок с ребенком маленьким в руках.

Но срок пришел минут, часов и дней,
Когда мы стали забывать о ней.
Жизнь — шелкопряд мохнатый — нас гнала.
Мы съездили в Италию: тела
Коричневые, розовые в ряд
В песке лежали. Прибыли назад,
Где «*Дикого моржа*» (мои эссе:
Продали триста штук) «читали все».
Потом с холмов широкий ряд огней
Автомобильных в спячку школьных дней
Полился вниз: пришел учебный год.
Ты делала французский перевод
Из Марвелла¹ и Донна². Наступал
Период бурь: кроваво Марс пылал;
На Мэйн неслась Лолита (ураган);
Шпионил сонм угрюмых россиян;
Женился шах, любовью горя;
Лэнг сделал твой портрет; и умер я.

В тот день клуб Крэшоу оказал мне честь,
Призвав публично проповедь прочесть
«Что ценим мы в поэзии?». Доклад
Был сух, но краток. Я уже был рад
Тому, что «реплик» избежал, — но тут
Вдруг поднялся один из тех зануд,
Чей «личный взгляд» — превыше всяких проб,
И трубку мне нацелил прямо в лоб,
Тут это и случилось: травма; транс
Или припадок прежний мой. Как раз
У сцены доктор был — и как мешок
К нему я рухнул. Сердце стало. Шок
Продлился миг, другой. Удар — и вот
Оно опять куда-то там ползет.

¹ Эндрю Марвелл (1621–78) — английский поэт.

² Джон Донн (1577–1631) — английский поэт.

Теперь — вниманье!

Я не знаю, как

Я знал, но знаю: я ступил за знак
Границ — и был лишен всего, о чем
Аорта не могла страдать. Мячом
Раздулось сердце. Село. И клубок
Систем системы схемы схем виток
Системы схемы схем виток систем
В один клубок, переплетенный с тем,
Стал прясть в кроваво-черной пустоте.
И, страшно различимый в темноте,
Ключом забил белеющий родник.

Я представлял, конечно, что возник
Он не из наших атомов; что смысл
За сценой был не нашим. В жизни мысль
Природный камуфляж распознает —
И вот камыш стал птицею, и вот
Он стал червем дюймовым, головой
Пятнистой кобры злобною. Но мой
Родник являл иное нечто: он
Таил в себе такое, убежден,
Что уловить немислимо извне,
Но лишь — живя в таинственной стране,
Где я блуждал в потемках кое-как.

Затем увидел я, как он иссяк.
В беспамятстве, но я вернулся вспять.

Рассказ мой рассмешил врача.

«Лежать

Без чувств — и в то же время быть в плену
Галлюцинаций? Сомневаюсь. Ну,
Быть может, позже. Но не в силах вы
Быть в коллапсе — и чувствовать, увы».

— «Но, доктор, я же мертвым был тогда!»

— «Полуушедшим, мистер Шейд, туда».

Однако я отсрочил приговор,
Я сызнова все проиграл — с тех пор,
Как я ступил с эстрады. Было так:
Сначала — странный жар; потом — чудак,
Встающий с места; и — паденье: не
Из-за его же трубки! Просто мне
Настало время — и задать урок
Израненному сердцу вызрел срок.

Мое виденье пахло правдой. Суть,
Тон, странности его — перешагнуть
Реальность не могли уже. Оно
Имело место. Дни летели, но
Оно жило, стремясь в сиянье ввысь.
И пусть блистаньем улиц, споров жизнь
Влекла — я знал: в душе, на глубине,
Как верный страж, стоит оно на дне.
И я был рад. И мне был дан потом
Вторичной демонстрации фантом.

То был рассказ о миссис Z — причем,
Как я, спасенной опытным врачом
(Прямой массаж). В журнальном интервью
Она давала версию свою
«Страны под флером». Список всех чудес
Включал и голос матери, и блеск
Стекла, и серафимов, и концерт
Хоров из книги гимнов, — но в конце
(Цитирую): «...Я различила скал
Нагроможденье; их пересекал,
Белея сквозь туман, большой родник —
И я очнулась в тот же самый миг».

Когда в стране безвестной штурман Шмидт
Описывает зверя новый вид,
А штурман Смит, оттуда же прибыв,
Привозит шкуру, — та страна не миф.
Родник наш был застолблен и учтен.

Он объективно был реален. Он
Как зуб и кость был прочен и здоров,
Почти вульгарный в крепости основ.

Рассказ был Джима Котса. В пару дней
Я адрес получил. Приехал к ней,
Три сотни миль на запад одолев.
Был встречен нежным «мяу». И, узрев
Седые букли, приторный запал
Восторженности, — понял, что пропал.

«Как упустить возможность повидать
Поэта столь известного!» Задать
Вопрос я попытался — он повис:
«Быть может, позже... Этот журналист —
Он все запомнил». Я умолк. На стол
Был водружен фруктовый торт. Пошел
Тупой дурацкий светский разговор:
«Поверьте, я не верю до сих пор,
Что это — вы! Я помню стих ваш: он
Был в “Блю ревью” — про этот... про *Мон Блон...*
Да! — тут племянник мой взошел на пик:
На Маттерхорн... Других стихов язык
Я не пойму. На звуки я — слепа,
Вот — чувства!.. Ах, простите, я глупа!»

Все было так. Я мог продлить допрос,
Чтоб получить ответ на свой вопрос
О наших с нею белых родниках, —
Но вмиг в ее веснушчатых руках
Все «наше» обернулось бы уздой
Мистической, сакраментальной — той,
Что души уподобило б (мою
С ее) — сестре и брату на краю
Сладчайшего инцеста: там, где дрожь
Обоих бьет. «Так, — молвил я, — ну, что ж,
Пора...»

И позже Котсу дал звонок,
Ее записок он найти не смог.

«Но вот передо мной — моя статья,
 Стиль этой дамы сохранен, Хотя
 Есть опечатка — сбит слегка масштаб:
 “Ледник”, а не “родник”. Могучий ляп!»

Штамп жизни: опечатку — в пьедестал!
 «Что ж, взять намек, — в пути я рассуждал, —
 А в бездну неизвестности не лезть?»
 Но тут же понял: это вот и есть
 Отсчета пункт, сквозной мотив. Лишь — так:
 Структура, а не текст; не сон, но знак
 Обратных совпадений; и не чушь,
 Но — паутина чувств. И я хочу
 Еще чего-то? Да ведь я открыл
 Связь-коновязь и правила игры,
 Сплетенной артистично, а затем
 Постиг в ней прелесть, смысл — подобно тем,
 Кто вел ее сокрыто каждый миг.

Неважно было, кто они. Ни крик,
 Ни беглый свет не выдал их нору.
 Но были там они, ведя игру
 Миров, чтоб пешку вмиг произвести
 В единорога, в фавна из кости, —
 И здесь погасла жизнь, а там — горит;
 И на Балканах царь убит; и мчит
 Вниз с крыльев самолета льда кусок —
 И ударяет фермера в висок;
 И я теряю ключ, стакан, кiset;
 И этот факт, и этот вот предмет
 Сопряжены с ушедшими давно.
 Случайное в орнамент сплетено
 С возможностью несбывшейся быльи.

Как шторм, я в дом ворвался: «Сибил, я
 Уверен твердо...» — «Но закрой же дверь.
 Как съездил, милый?» — «Славно... Но теперь
 Я знаю, убежден, что смог... Что смог
 Найти...» — «Да, да?» — «Надежды огонек».

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Сейчас я в прелесть вникну, как никто
Из нас не вник. Сейчас проникну в то,
Во что никто не проникал. Сейчас
Я крикну, как никто еще из нас.
И расскажу про чудный аппарат:

Два метода письма есть, и на взгляд
Они весьма различны. Метод А
Есть поиск слов, рождаемых, когда
Поэт, мечтая, третий раз себе
Намыливает ногу; метод Б —
Пристойней: это если он пером
Записывает мысли за столом.

Их здесь рука усилила собой —
Парад конкретен, хоть абстрактен бой;
Перо повисло, вдруг — бросок, и вот
Закат воссоздан — вычеркнут восход,
И, сквозь чернильный лабиринт маня,
Все это тянет фразу к свету дня.
А метод А — мучителен! В стальной
Коробке мозг скрывается больной,
И муза в униформе шлет его
На плац — и силе воли ничего
Не сделать тут, и некий автомат
Сгребает все, что сгружено, назад
Иль за угол бежит купить газет —
Давно прочтенных, где новинок нет.

В чем тут загадка? В том ли, что таков
Труд без пера, что пауз и бросков
В нем нет? Иль в том, что некий есть талант
Прекрасно помнить каждый вариант,
Тасуя их тремя руками враз, —
И выбрать строчку, нужную сейчас?
Иль вне стола — сильнее и фальши блеск,
И поэтизм вдохновенных треск?

Но вот, устав искать, перо кладу
И мига самоисцеленья жду —
И по немому зову в тишине
Слетает слово на руку ко мне.

Начало дня, середина лета мне
Всего милей. Я как-то в полусне
Подслушал, как восстала ото сна
Другая часть меня, — и, дух сполна
Освободив, на луг себя увлек,
Где пил зари топазы клеверок
И Шейд стоял — в пижаме и в одном
Ботинке — *тоже* полный полусном.
И так себя, смеясь, соединя,
Проснулся я, разбив скорлупку дня:
Малиновки скакали предо мной
И на траве лежал ботинок мой —
Мой тайный штамп, мой оттиск, мой секрет,
Мираж, миракль, срединнолетний бред!

Раз мой биограф будет слеп иль строг,
Чтоб посвятить тому хоть пару строк,
Что в ванне брился Шейд, — напишем:
«Он

Поправил крюк, на коем закреплен
Удобства ради был стальной экран
Для зеркала, и, пнув ногою кран,
Сидит, как принц, приемлющий парад,
И истекает кровью, как Марат¹».

Чем я усердней — тем верней рука
Взрезает кожу; как она тонка:

Вот здесь, у рта, пространство это меж
Губой и ватой — так и дразнит: режь!
А тут висит сережкой индюка

¹ Жан Поль Марат (1743–93) — глава французских якобинцев, заколотый в ванне жирондисткой Шарлоттой Корде д'Арман (1768–93).

Жабо; и бритвой здесь, у кадыка,
Как по колючей груше я вожу.
Сейчас я об отчаянье скажу
И злобе, как никто еще... Пять, шесть,
Десяток взмахов. Что же? Так и есть!
Клубнику в сливках, алый винегрет
Я щупаю — и нет, не выбрил, нет!

Я не из тех, кто, лезвие держа
В одной руке, одним броском ножа
От уха вниз умеет путь пробить —
И гладь щеки ладонью оцутить.
Я — биманист усердный. Как легко
Партнер подьмет барышню в трико
В искусном танце, — левая рука
Приготавливает место для станка.

Сейчас скажу... Почище всяких мыл
Поэту нужен долгожданный пыл
И вдохновенья ледяной экстаз,
Внезапный образ, устремленность фраз,
Что покрывает кожу рябью и
Вздывает дыбом волосы твои,
Одушевляя круг рекламных схем,
Для бреющихся названных «Ваш Крем».

Сейчас о зле я, как никто из нас,
Скажу. Мне ненавистны, скажем, джаз,
Старинные безделицы, бейсбол,
Народность масок, прогрессивность школ,
Дебил в чулках, терзающий быка,
Сознательности классовой тоска,
Филистерство, Фрейд, Маркс¹, поэтов спесь,

Афер, жулья и типов хватких смесь.
А бритва по стране моей щеки
Бредет, скрипя, все дальше: высоки
Утесы челюстей, но к ним ползут

¹ Карл Маркс (1818–83) — экономист, основатель коммунизма.

По серпантинам тягачи; а тут —
Бейрута блеск; тут — док без корабля;

И старой Земблы я пашу поля —
Мои рабы идут косить гурьбой
Седой ковыль меж носом и губой.

*«Жизнь — комментарий непонятных строк
Неконченной поэмы».* Это — впрок.

Ища одежду, рифму — налегке
Считаюсь в доме, сжавши в кулаке
Часы, рожок (потом в столовый нож
Он превращен). К полудню ты везешь
Меня в библиотеку. В шесть — обед.
И каждый миг туманной музыки след —
Моей стихосложительницы — близ
(Где ни ходи и где ты ни садись).

И каждый миг ты рядом, каждый час —
В строке, под слогом, — жизни ритм стремясь
Усилить. И пускай иной поэт
Чтит шелест платья милой дамы, — нет,
Я только тень и звук ловлю всегда
Твоих желаний. Как ты молода,
Как обновить умеешь старый стих,
Цитируя строку из книг моих!

Вот — первая: *«Мрак бездны»*. Вот — *«Ночной
Прибой»* и *«Кубок Гебы»*. Остальной
Свод опусов пускай теперь зовут
Без долгих корч — «Стихи». Но *этот* труд
Сквозной... Ему (Уилл, осени меня!)
Дам лунный титул *«Бледного огня»*.

С глубоким гулом гармоничным в ночь
Уходит день. И думать мне невмочь.
И слово, что в строку хотело стать,
В цементе стынет кирпичом. Как знать —

Не есть ли страсть моя к *consonne d'appui*¹
К дитяте феи Эхо — лишь мои
Прозренья жизни, сложенной, как стих,
Срифмованной богато?

Я постиг
Суть бытия (иль миг его во мне)
В моем стихе, восторгами вполне
Исполненном. И если только смог
Я уловить своей Вселенной слог,
То, значит, тот же ямб, наверняка —
Галактики божественной строка.
Не без причины верю я в слова:
«Мы выживем», «Она — не здесь! — жива»,
Как верю, что, проснувшись на заре —
Наутро, в шесть, — найду в календаре:
«Июль. Двадцать второе. Пятьдесят
Девятый год»; — и выйду в тихий сад.
И звон часов велит зевнуть, привстав,
И шейдовы «Стихи» засунуть в шкаф.

Но рано спать. Сквозь окна видит свет
Заката доктор Саттон, наш сосед.
Каких он лет, коль скоро был как раз
В год нашей свадьбы вдвое старше нас?
Где ты? В саду — орешник. Ты к нему,
Как пьяница к столбу, прильнула. В тьму
Откуда-то — раскат подков: цок-цок.
И смуглая Ванесса на песок
Снижается. Еще видны во мгле
И пурпура полоски на крыле
И крапинки: как небо и как снег.
И сквозь плывущий сумрак человек —
Садовник чей-то — медленно идет,
Не замечая бабочки, вперед
Толкая тачку, гулкую как медь...

*1972, 1991, 2001, Ленинград, Бердянск, С.-Петербург;
опубликовано в журнале «Аврора» № 1–1991*

¹ Опорная согласная (франц.).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Акимов Н. П. *фотографии*
Алехина Н. *фотографии*
Август Октавиан 14
Аверинцев С. С. 253
Адель 279
Адонис 131
Азарова А. (корнет Александров, Шуренок, Шурка) 40, 42
Аксенов В. Е. 61
Александр Македонский 50
Александр Ярославич, Невский (князь Александр) 220–223, 228–229, 231, 234, 244
Алена Б. 122
Аллой В. Е. 144
Амалик 223
Андерсон Торкиль 250
Андрей Александрович 220, 234, 244
Андрей Первозванный 259–260
Андрей Ярославич 220, 222–223
Андропов Ю. В. 64
Анейчик А. Н. 7, 24, 43–44, 53–54, 91, 94, 96–97, 111, 121–122, 127, 140, 145, 155–156, 191, 194, 196–197, 205; *фотографии*
Анейчик Н. А. 95
Арахна 173
Атэ 156
Афина 173
Ахматова А. А. (Энн Андреева) 100, 125
Байрон Дж. Н. Г. 6, 212
Бакинский (Нечаев) В. *фотографии*
Балке Г. 231–232
Баратынский Е. А. 5
Бариард Е. 133
Башмачкин А. А. 21
Бегин М. 81
Бегунов Ю. К. 222
Бедретдинова А. 197–198, 200, 203
Беккенбауэр Т. 184–185, 191
Беллона 54–55
Бельтюков Г. *фотографии*
Беньяш Р. М. 149
Бербедж Р. 133–134
Бернс Р. 6
Биргер 222
Биргер Магнуссон 246
Битов А. Г. 181
Блейк У. 217
Блок А. А. 65, 87, 100, 125, 127, 140
Блю С. 282, 295

- Богданова Ю. Ф. *фотографии*
 Богородица (Мать Иисуса)
 221, 262, 264
 Боноски Ф. 36
 Борис и Глеб 221, 223, 234
 Босх Х. 96
 Боцис И. 112–113
 Боян 210–211
 Бранд 25
 Брежнев Л. И. (Леня) 64,
 79–80
 Бродский И. А. (Иосиф) 35,
 38, 86, 112–113, 154;
фотографии
 Брюс В. В. 82
 Буало Н. 97
 Будашевская Л. А. *фотографии*
 Бузинов В. М. (Бу Зенон)
 43–44, 155; *фотографии*
 Буксгевдены 86
 Бульба Т. 174
 Бунин И. А. 38
 Бурдуков Ю. М. 45–46
- Вагнер Р.** 83
 Валенса Л. 79
 Ван дер Люббе 156
 Василькова Н. В. (Ницуля) 54,
 65, 122, 154; *фотографии*
 Велизарий 86
 Вельвен А. фон 231
 Венера 131
 Вернадский В. И. 81
 Вертинский А. Н. 126
 Видор К. 146
 Вильчинский В. В. 43, 45,
 156; *фотографии*
 Виноградов Л. А. (Вайн Таун)
 17, 154–156; *фотографии*
 Виноградов Н. Л. 17
 Владимир I Святой Красное
 Солнышко 211
 Высоцкий В. С. 56
- Галич А. А. 148–149
 Гамлет 22, 29–30, 49, 132,
 215
 Геба 305
 Гегель Г. Ф. В. 175
 Гекуба 29
 Герасимов В. В. *фотографии*
 Герек Э. 57
 Герман 224–226, 229
 Герпольт (Ярослав
 Владимирович) 227
 Гилилов И. М. 131
 Гладкая Л. Д. *фотографии*
 Глазовы 150
 Гоголь Н. В. (Коко Васильев)
 100, 174
 Годунов Б. Ф. 48
 Голявкин В. В. 155
 Гомер 274, 280
 Гораций К. Ф. 253
 Горбачев М. С. (Миша) 64, 79
 Граберман 295
 Градус Д. (Дигри Д., де Гри,
 д'Аргус, Виноградус,
 Ленинградус) 269
 Гребенщиков Б. Б. 129
 Грищенко А. И. 127
 Грищенко А. С. (братец-
 Кролик) 91, 127
 Грищенко Б. С. (Грис Чен Кай)
 91, 110, 124–125, 128–129,
 155–156, 198; *фотографии*
 Грищенко С. С. (Сергей
 Сергеич) 126–128
 Грюнинген Д. фон 231
 Губин Д. П. (Димокл-богатеи)
 110, 124
- Давид 222
 Дамиани (Демьянов) Л. 112
 Датхаева (Пэйн) Л. 164
 Декарт Р. 119–120
 Дельмас Л. А. 127

- Демосфен 63
 Державин Г. Р. 253
 Джонсон Б. 131–132
 Джугашвили (Сталин) И. В.
 (Коба, Сосо) 18, 51, 64
 Дзержинский Ф. Э. 80
 Диана 41
 Дин Дж. и П. 288–289
 Диор К. 79
 Домаш Твердиславич 221
 Дон Жуан 212
 Дон Кихот 32
 Донн Дж. 297
 Донской Д. И. 71
 Достоевский Ф. М. (Федя
 Михайлов) 81, 100, 296
 Драйтон М. 132
- Е**горов 76
 Ельцин Б. Н. (Борис) 50, 64, 79,
 126
 Епифанов М. С. 79;
 фотографии
 Ерёмин М. Ф. (Эрл Йоминг)
 88, 119, 154–156, 176;
 фотографии
 Ермолаева И. *фотографии*
 Ефросинья Ярославна 210
- Ж**данов А. А. 62
 Желтухин А. Ю. 235, 237
 Жемчужниковы бр. 122
 Жировит 147–148
 Житинский А. Н. 5–6, 8, 100,
 110, 157, 193; *фотографии*
 Жуков А. П. 194–204
 Жуковский В. А. 136
- Заболоцкий Н. А. 5
 Загорская М. Н. 135
 Заратустра 156
 Зигун Я. 121, 123
 Зося 138
- Зульфикаров Т. К. 147, 154;
 фотографии
 Зяма 138
- И**аков I 131
 Иванов 150
 Иванов А. Г. 84, 129
 Иванов А. И. 60, 150–152;
 фотографии
 Иванова А. А. *фотографии*
 Иванова В. А. 6, 60, 150;
 фотографии
 Иванова В. Г. *фотографии*
 Ивановский И. М. 253
 Игорь Святославич 210–211
 Иисус Навин 223
 Иисус Христос (Христос) 12,
 252, 254–255, 257–266, 296
 Иксули 86
 Илия 257
 Иоанн Зеведеев 252–255,
 265–266
 Иоанн Креститель 254–259
 Иосиф из Назарета 260
 Иосиф Флавий 252
 Исайя 257
 Иудин И. 71
- Й**орик 30
- К**алита И. Д. 74
 Каминский Л. Д. *фотографии*
 Кан И. Л. 121
 Кантемир А. Д. 97
 Кая С. 79
 Каплан Ф. 50
 Карамазов (фра Карамазов) И. 296
 Карамзина С. Н. 219
 Кармен 127
 Карпова Д. К. 140
 Каспари И. П. (Ирэна, Ирэша)
 4, 8, 40, 106, 108, 120, 135,
 143, 153, 158; *фотографии*

- Кастро Рус Ф. 201
 Катенин П. А. 71
 Квливидзе М. Г. 215
 Кент 95
 Кербет 221
 Керенский А. Ф. (Саша) 63
 Кеттильмундсон Маттс (дротс Маттс) 235, 242–245, 247
 Кинбот Ч. (Карл II, Карл Ксавье Всеслав) 268–271, 276
 Китс Дж. 274
 Кифаред (Аполлон) 69
 Клавдий 221
 Кларк Дж. 173
 Клейненберг И. Э. 224
 Клешикова Е. К. 149; *фотографии*
 Клопотов Б. Е. 126
 Кнутсон Тюргильс (Торгильс, Торкель, Торкиль) 234, 236–237, 243, 245, 250
 Козульфикарова (Паукова) Б. 162, 167, 191, 193
 Койвисто М. 110
 Колесова О. *фотографии*
 Коллинз Ф. 130, 133
 Колоярова Е. *фотографии*
 Колт 282
 Колумб Х. 21
 Кольцов И. Е. 221, 230, 232
 Комаров В. Л. 201
 Комаров В. М. 201
 Комиссаржевская В. Ф. 62
 Компостелло С.-Я. 122
 Конделл Г. 133–134
 Кондратов А. М. 154–155
 Кончак 210
 Корде Ш. д'Арман 303
 Кориэт Т. 131
 Котс Дж. 300
 Кравцова И. *фотографии*
 Красильников М. М. (Миша, Миха) 88, 154–155; *фотографии*
 Крейс К. 82
 Крыщук Н. П. (Большой Николай, Николай-Коля-Прохоров) 65, 91, 99–100, 162
 Кузьминецкий В. В. *фотографии*
 Кукушкин В. Н. 141; *фотографии*
 Кукушкины 150
 Кулле С. Л. (Кул Ле, Сережа) 85–86, 137, 154–156; *фотографии*
 Куркова Б. А. *фотографии*
 Курьянович Р. А. 150
 Курьяновичи 150
 Кутузов М. И. 40
 Кушнер А. С. (Сашок Семенов) 100, 104, 147, 154, *фотографии*
 Кюрны Х. и И. ван 242
 Ланкинен И. Т. 46, 140; *фотографии*
 Ланкинен Л. Ф. 78
 Ланкинен П. Т. 140
 Ланкинен Т. И. (Тойво) 140
 Лафонтен Ж. де 273, 284
 Лебедева Ф. Г. 92; *фотографии*
 Лебзак Н. К. 17
 Леконт де Лилль Ш. 156
 Лем С. 169
 Лермонтов М. Ю. 100, 129–130, 212, 218–219
 Ли А. 213–214
 Лившиц В. А. 91, 162–165, 193; *фотографии*
 Лиля 164–166, 171, 190
 Линней К. 173
 Линник Ю. В. 78
 Лир 49
 Лифшиц (Лосев) Л. В. (Леша, Ли Фитц) 154–156, 270; *фотографии*

- Лолита 140, 268, 297
 Ломоносов М. В. 82
 Лонгфелло Г. 6, 125
 Лора М. 122
 Лукреция 131
 Лэнг 297
 Любеккер Г. фон 82
- Магнус Ладулос** 234
 Магнус Эйриксон Смик
 234–235, 242–243, 246
 Мазина Дж. 146
 Майстерман С. А. 78–79;
фотографии
 Мак-Абер 292
 Мак-Вей Дж. 286
 Максимов В. *фотографии*
 Мао Цзэдун 50
 Марат Ж. П. 303
 Марвелл Э. 297
 Маркс К. 304
 Маршак С. Я. 132, 217
 Мейерхольд В. Э. 125
 Мерита 246
 Микель 245
 Мильман М. *фотографии*
 Милоков П. Н. 269
 Миссис Z 299
 Михайлов Ю. Л. 88
 Михайловская К. Н. 101, 130
 Моисеев Б. В. (Боря М.) 76,
 91; *фотографии*
 Моисей 223, 257, 260
 Монтгомери 133
 Монтень М. (Монтень
 Михайлов) 100
 Морозова (Кондратьева) Л. Г.
 (Лисси Фрост, Лора, Лорелея)
 74, 93, 103, 122, 128, 145, 155,
 213; *фотографии*
 Мохова Н. П. 270; *фотографии*
 Мстислав Владимирович 210
 Музыченко М. П. *фотографии*
- Мурзинцева Г. Ф. 66
Набоков (Сири́н) В. В. 4–6,
 130, 140, 157, 267–273, 276
 Набоков В. Д. 269
 Насонов В. П. 117
 Нафанаил 260–261
 Нежданова А. В. 62
 Нестор 259
 Нике 17
 Никеев Г. *фотографии*
 Никодим 266
 Николай II Александрович
 Романов (Никола) 63
 Никольский Б. С. *фотографии*
 Нобель А. Б. 38
- Оганова З. М.** *фотографии*
 Огарев Н. П. 6
 Один 118
 Одоевский В. Ф. 219
 Оккам У. 74
 Окуджава Б. Ш. 94, 126,
 148–149
 Олай Эрик 234, 237
 Олег 119, 211
 Олег Святославич 210
 Островский А. Л. *фотографии*
- Пан** 287
 Парни Э. 219
 Пастернак Б. Л. 16, 27, 38, 89,
 132, 137, 253
 Патрикий 234
 Пауков Д. У. (Демьян Баюков)
 161–193
 Пауков У. Д. 162, 167
 Паукова Н. У. 190–191
 Пембрук 133
 Пестель П. И. 50
 Петерсон Р. Т. 215
 Петр I (Петр Великий, Петр)
 61, 76, 81–82, 113, 118, 246
 Пикарт П. 238

- Пилат П. 252
 Пиппинг Р. 236
 Писемский А. Ф. 71
 Плисецкая М. М. 78
 Плотникова В. 29
 По Э. А. 174, 213, 295
 Пол Пот 56
 Помпей Г. 86
 Поп А. 288–289
 Порсе П. ван 242
 Претулло Ж. Х. 161, 193
 Принцкер Ю. 194, 206
 Пруст М. 284
 Прутков К. 122
 Прыгунов Л. Г. 71
 Птицына Н. Г. 14, 83, 91,
 146–147, 155, 164;
фотографии
 Пугачев Е. И. (Емеля) 57
 Пугачева А. Б. 57
 Пуговкин М. И. 71
 Путин В. В. 79
 Пушкин А. С. (Александр
 Сергеев) 42, 48, 82, 94, 100,
 104–105, 122, 135, 146, 163,
 253
 Пушкины 150
 Рабле Ф. 275–276, 292
 Радина Л. Е. 67; *фотографии*
 Радищев А. Н. 81
 Разин С. Т. (Степан) 57
 Разумовская М. В. 85,
 136–137; *фотографии*
 Региня Л. А. *фотографии*
 Редедя 210–211
 Рейган Р. 91
 Рейн Е. Б. 154; *фотографии*
 Ренне 86
 Робеспьер М. 50
 Роден О. 78
 Роман Святославич 210–211
 Романова М. 30
 Ростова Н. 146
 Роцин В. В. *фотографии*
 Рубашкин А. И. *фотографии*
 Руссо А. 89–90
 Руссо Ж. Ж. 89–90
 Рыдзевская Е. А. 235, 238–239
 Рэтленд Р. М. 131
 Рюрик 82, 119
 Салтыков (Щедрин) М. Е.
 (Михаил Евграфов) 100
 Самойлов А. П. (Петрович,
 Ляксей, Сэм, Сэм Олаф)
 4, 7, 12, 31, 42, 44–45, 79, 86,
 90–91, 105–106, 110–111,
 119, 123, 127, 135, 137, 139,
 143, 148–149, 155–156,
 161–162, 181, 184, 191;
фотографии
 Самойлова С. Т. (Свеченька) 7,
 90, 99, 110, 140; *фотографии*
 Сартр Ж.-П. 138
 Саттон 280, 306
 Саутгемптон Г. Р. 131
 Сванидзе А. А. 235
 Свердлов Я. М. 80
 Святополк Окаянный 223
 Святослав Ярославич 210–211
 Семенов Ю. С. 78
 Семенюк В. Ф. 191
 Сенькин И. И. 79
 Серегина Л. А. 198
 Симон (Петр, Кифа) 259–260
 Скобликова Т. Д. *фотографии*
 Смирдин А. Ф. 101
 Смит 299
 Сократ 284
 Солженицын А. И. (Александр
 Исаич) 35–36, 39
 Соловьев В. И. 149
 Сольвейг (Сольвег) 140
 Сорос 287
 София (Софья) 220–221, 234

- Спасский Б. В. (Педро, Спью Скай) 28, 43–44, 84, 98, 155; *фотографии*
- Спиридонова М. *фотографии*
- Станкевич М. *фотографии*
- Степанова В. *фотографии*
- Стоян 147–148
- Стэн (Стен, Стень) 234, 245, 248–251
- Таловов В. *фотографии*
- Танатос 183
- Твардовский А. Т. 109
- Тимон Афинский 270
- Тиросян Г. 19
- Тихий Й. 169
- Тихонов Н. 77
- Тихонов О. Н. 77
- Толстой А. К. 122
- Толстой А. Н. (Алеша Николаев) 100
- Толстой Л. Н. (Лев Николаев) 100, 216
- Торопыгин В. В. 148–149; *фотографии*
- Торстенстен Харальд (Харальдэр) 238
- Тутворт Уайт 286
- Тюллинен Н. И. *фотографии*
- Тютчев Ф. И. 40
- Уитмен У. 6
- Уиттемор Р. 215
- Ульф Фаси 222
- Ульянов (Ленин) В. И. (Володя, Ильич) 50, 63, 127
- Ульянов М. А. 79
- Успенская Л. В. 154
- Уфлянд В. И. (Вова, Руф Ланд) 88, 154–156; *фотографии*
- Фауст 43
- Феллини Ф. 73, 146
- Филипп 260–261
- Фортинбрас 22
- Фрейд З. 24, 296, 304
- Фрина 54–55
- Фрост Л. 155, 212–213
- Фрост Р. 289
- Хаак К. 250
- Хаммаршельд Д. Я. 205
- Харальд Хардрада 210
- Хеминг Дж. 133–134
- Хепбёрн О. (Одри) 146
- Хеттуэй (Шекспир) А. 133
- Холмс Ш. 278
- Хрущев Н. С. (Никита) 64
- Цветаева М. И. 94
- Целяк А. *фотографии*
- Чайльд-Гарольд 212
- Чапмен Дж. 274, 280
- Черненко К. У. (Костя) 64
- Шарымов А. М. (автор этой книги, Ляксан, переводчик, Саша, Шарль Римовье) 2–5, 7–8, 16, 54, 80, 91, 127, 129, 135, 155, 158, 162, 172, 175, 184, 187, 191, 267, 270, 272–273, 275–276; *фотографии*
- Шарымов М. Ф. 6, 60, 68, 111, 150, 154; *фотографии*
- Шарымов Н. К. 141, 150, 158; *фотографии*
- Шарымова Д. А. 117, 142, 147–148; *фотографии*
- Шарымова Е. А. 23, 141, 151, 158; *фотографии*
- Шарымова И. М. (Ирина, Ириша) 6, 54–55, 68, 104; *фотографии*
- Шарымова (Вайнер, Герасимова) Н. Я. 21–22,

- 25, 32–33, 45, 156, 192;
фотографии
- Шарымовы 150
- Шаскольский И. П. 224, 235,
244–245, 249
- Шевелев Э. А. 43–44
- Шевченко Н. А. 60
- Шевченко Т. Г. 209
- Шейд Дж. (Джон) 268–276,
285, 298, 303
- Шейд М. 268, 274, 279,
283–284
- Шейд С. (Сибил) 268, 284,
301
- Шейд Х. 268, 274, 276
- Шейлок 134
- Шекспир (Хард) Дж. 133
- Шекспир (Холл) С. 133
- Шекспир У. (Уилл) 130–132,
274, 305
- Шер А. *фотографии*
- Шереметев Б. П. 126
- Шмидт 299
- Шолохов М. А. 38
- Шошин В. А. *фотографии*
- Штирлиц М. О. фон 78
- Штыков А. *фотографии*
- Шурыгина Д. Я. 17
- Щерба Л. В. 101
- Эвридика 94
- Эйрик Магнуссон 233–237,
239, 241, 245
- Эол 289
- Эос 171
- Эрос 95
- Эхо 66, 306
- Яков 220
- Яковлев И. Я. 246
- Ярослав Владимирович,
Мудрый 210–211, 223
- Ярослав Всеволодович
222–223
- Ярузельский В. 81

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Александр Житинский</i> . Предисловие издателя	5
<i>Александр Шарымов</i> . От автора	6

Раздел I СТИХОТВОРЕНИЯ 1956–2002 годов

Крест	11
Весна в моем саду	12
Из серии «Исторические убийства»	13
Август	14
Портрет любимой	14
Апрель	15
На смерть Пастернака	16
На рождение Никиты Виноградова	17
Ревность	17
На вынос из Мавзолея	18
О жизни	19
Метатели ножей	19
Ночь	21
Гамлет	22
Снегирь	23
Мне нравится Анейчик	24
Еще просьба	25
Как алхимик Бранд искал философский камень и что из этого вышло	25
Апология конформизма	27

Парабола	29
Акrostих	30
В лесу	30
Шельдихб	31
Еще лето	32
Пицундская сосна	33
Нобелевская премия	34
17 марта	39
Письмо, писанное генерал-фельдмаршалом князем Смоленским Михаилом Илларионовичем Голенищевым-Кутузовым (1745–1813) из Бунцлау в действующую армию корнету Александру, в пьесе «Давным-давно» именуемому также Шурой Азаровой	40
19 октября 1972. Алексею Самойлову	42
Наталье Шарымовой в день рождения 11 июня	45
Памяти Бурдукова	45
Инне Ланкинен	46
Предчувствие	47
Деревья	48
Политическое завещание	48
Предтеченской церкви игла	52
Что такое «Анейчик»	53
Тридцатилетие Ирины	54
Памяти Высоцкого	56
Отчаяние	56
Русский бунт	56
В Братске	58
Владивостокская элегия	59
Морская прогулка	60
Улетающая из Владивостока	61
Школа	62
Тридцать три слова о Блоке	65
Определение дара	65
Письма	66
На юбилей Лии Радиной	67
Два стихотворения о Чухломе	69
Дикторский текст к кинофильму «Чухломская кадрили»	70

У памятника балтийским торпедным катерам на площади Морской славы	74
«Бритва Оккама»	74
Выход	75
Петр	76
Борису Моисееву	76
Над озером	77
Ода дозаправке, или Поздравление Семену Майстерману, мастеру и Человеку	78
Эпитафия	80
Памяти Брежнева	80
Стихотворение из повести «1703 год»	81
Усталость	83
На даче Алексея Иванова	84
Баллада о народе	84
На смерть поэта	85
Сон	86
Молчание	87
Вариант завещания	87
В веселый миг	89
Свеченьке и Петровичу при поднесении им в день их серебряной свадьбы коллективного подарка в виде богемского стекла	90
Фриде Григорьевне Лебедевой по случаю 60-летия ...	92
Мамонт	93
Попытка сочувствия	93
Стансы	94
Письмо Анейчику об основах законов нового российского стихосложения	96
Борису Спасскому	98
Светлане Самойловой	99
Шифрованное послание Николаю Прохорову	99
Московское	101
Глокая коздра	101
Опочининский сад	103
Предновогоднее	103
Ирише	104
С улыбкой	104
19 октября	105

Старый человек	106
Задаюсь многими вопросами в день 19 октября	109
Еще сон	111
Фраза памяти ИБ	112
Двенадцать семнадцатых дней	113
Наличный мост	117
Декартов лист	119
Раскаяние	120
Баллада о Сантьяго	121
Питерское	124
Слово в Свято-Даниловом монастыре	124
Сонет Алексею Иванову	129
Завещание Шекспира	130
Встреча	135
Крик в поднебесье	135
О природе	136
Памяти Маргариты Разумовской	136
В половине шестого	137
Рождество	138
Петровичу — зиндабод на Новый год	139
Инне	140
Основы мастерства	140
Летнее стихотворение мальчику, который родился поздней осенью	141
Прощание	142
У кондопожской Успенской церкви	143
Памяти Владимира Аллоя	144
Весеннее томление	145
Акросонет	145
Комета	146
Письмо на древнерусской берёсте Дашеньке в день рождения	147
Гитара Галича	148
О нашей родословной	150
Баллада о капитане Иванове	151
Ирэше	153
Теряю зрение	153
Родные поэты	154
Александр Николаевичу Житинскому	157

Сонет к ветру	157
На день рождения Кати	158

Раздел II «ЭНТОМОЛОГИЧЕСКИЕ» ПОЭМЫ

ДОЯР ПАУКОВ. <i>Поэма с комментариями доктора Жореса Претулло</i>	161
АНГЕЛ ЖУКОВ. <i>Недогоревшая поэма с комментариями Юджина Принцера</i>	194

Раздел III ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕЛОЖЕНИЯ

<i>Из Тараса Шевченко. Завещание</i>	209
Вступление к «Слову о полку Игореве»	210
<i>Из Дж. Н. Г. Байрона. Стихи, написанные в альбом на Мальте</i>	212
<i>Из детской английской поэзии. Лисси Фрост и ее собака</i>	212
<i>Из Эдгара По. Аннабель Ли</i>	213
<i>Из Михаила Квливидзе. Монолог ремесленника</i>	215
<i>Из Рида Уиттемора. Филадельфийский виреон</i>	215
<i>Из Уильяма Блейка. Тигр</i>	217
<i>Из Михаила Лермонтова. Ожидание</i>	218
ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ЛЕДОВОМ ПОБОИЩЕ 1242 ГОДА?	220
СТРОЕНИЕ И ГИБЕЛЬ ЛАНДСКРУНЫ	233
ДВЕ ГЛАВЫ ИЗ ВАРИАЦИЙ НА ТЕМУ «ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ИОАННА»	252
<i>Из Владимира Набокова. БЛЕДНЫЙ ОГОНЬ. Поэма из романа</i>	267
Указатель имен	307

Литературно-художественное издание

Александр Матвеевич Шарымов

СТИХИ И КОММЕНТАРИИ

Редакторы

Ирэна Каспари и Алексей Самойлов

Корректор

Тамара Княжицкая

Верстка

Ирэны Каспари

Дизайн обложки

Дмитрия Горчева

Изд. лицензия ЛР № 065684 от 19.02.98

Подписано в печать 03.04.06. Формат 84 × 108¹/₃₂

Печ. л. 20

Отпечатано издательством «Геликон Плюс»

Санкт-Петербург, В.О., 1-я линия, дом 28

E-mail: helicon@mail.ru

<http://www.helicon.spb.ru>